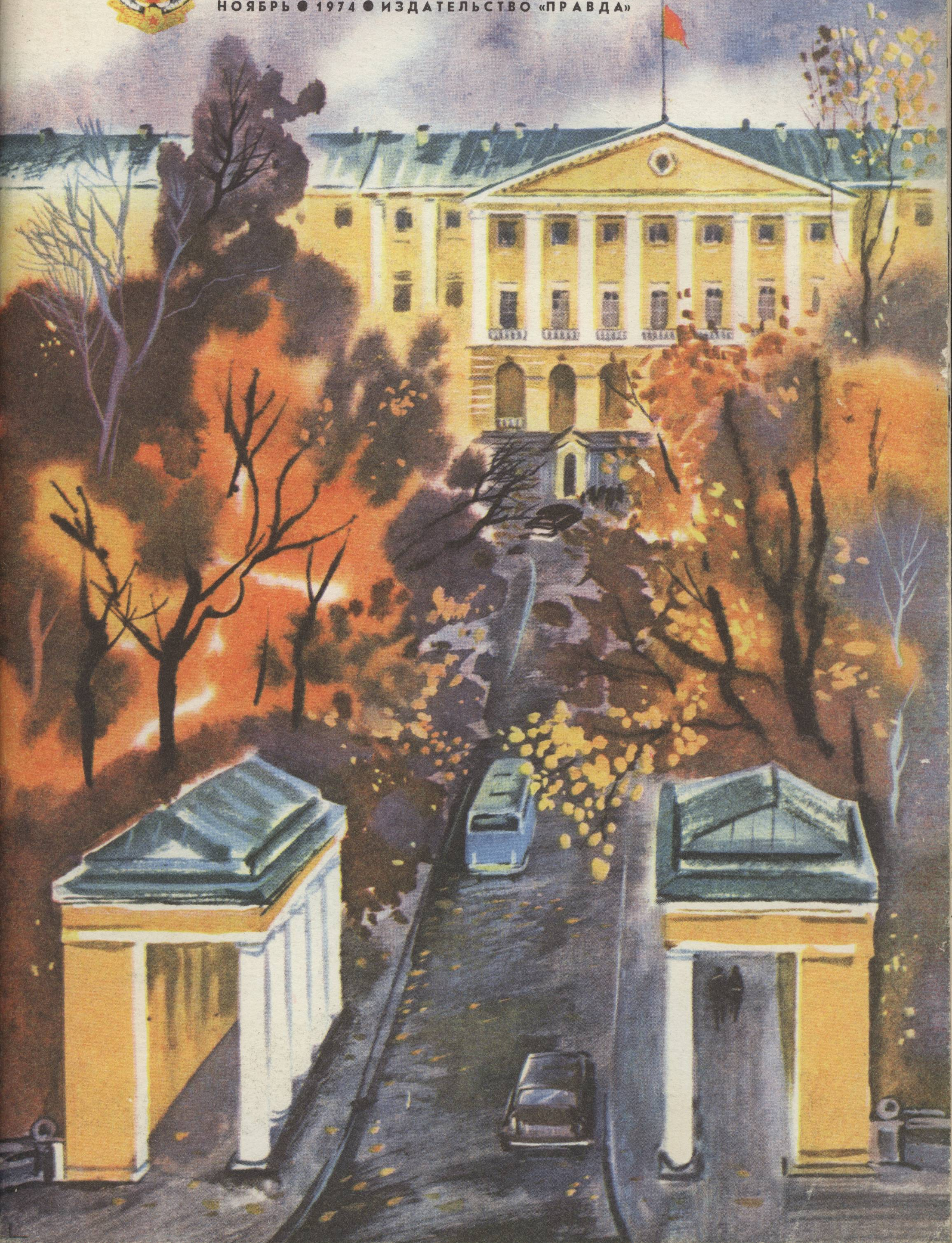
ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ ● 1974 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Эта комната — одна из самых дорогих реликвий советского народа.

После Февральской революции 1917 года институт благородных девиц закрыли, здание опустело.

К концу лета его заняли большевики.

Вздрогнул, проснулся старый Смольный, привыкая к новым людям: вооруженные рабочие, солдаты и матросы разбудили эхо в гулких его коридорах. В Смольный шли те,

С. ИГНАТЬЕВА

Рисунки А. АЗЕМШИ.

ЗДЕСЬ БЫЛ ШТАБ

Каждый, кто бывал в Ленинграде, кто видел Ленинград на рисунках или в кино, узнает это здание. Каждому известно его имя — Смольный.

Переверни страницу. Посмотри еще раз на обложку журнала. Вот он, Смольный. Один из самых красивых архитектурных ансамблей в мире. Одно из знаменитейших мест в мире. Пятьдесят семь лет назад в Смольном было объявлено о рождении нового государства — Страны Советов.

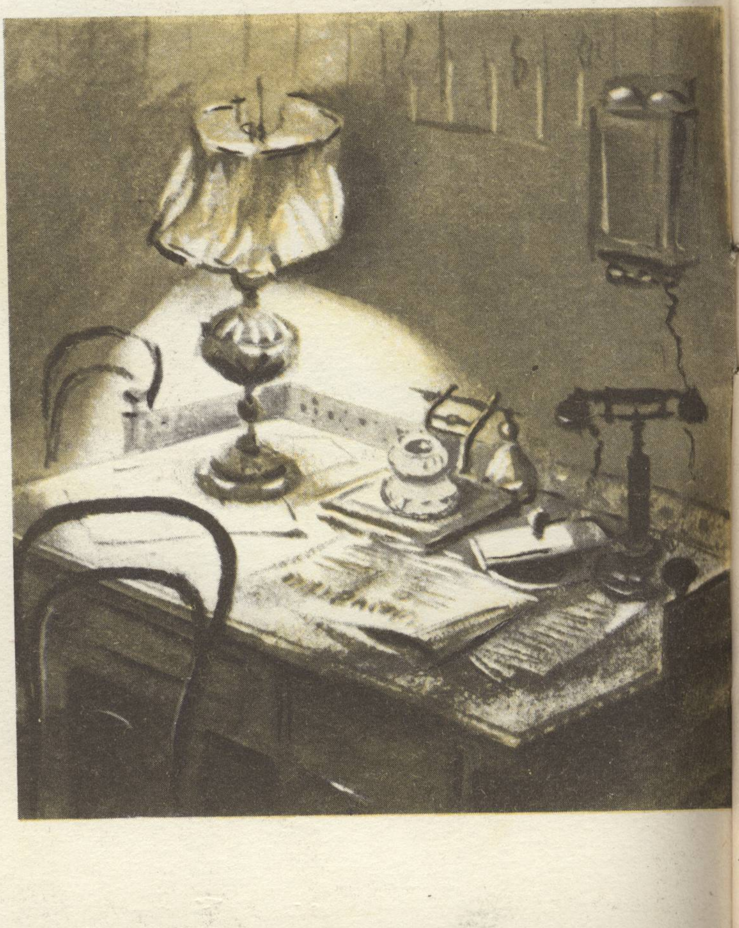
Пятьдесят седьмой раз празднуем мы нынче великое это событие.

История Смольного — штаба Революции — началась в августе 1917 года, когда большевики заняли пустующее здание на берегу Невы.

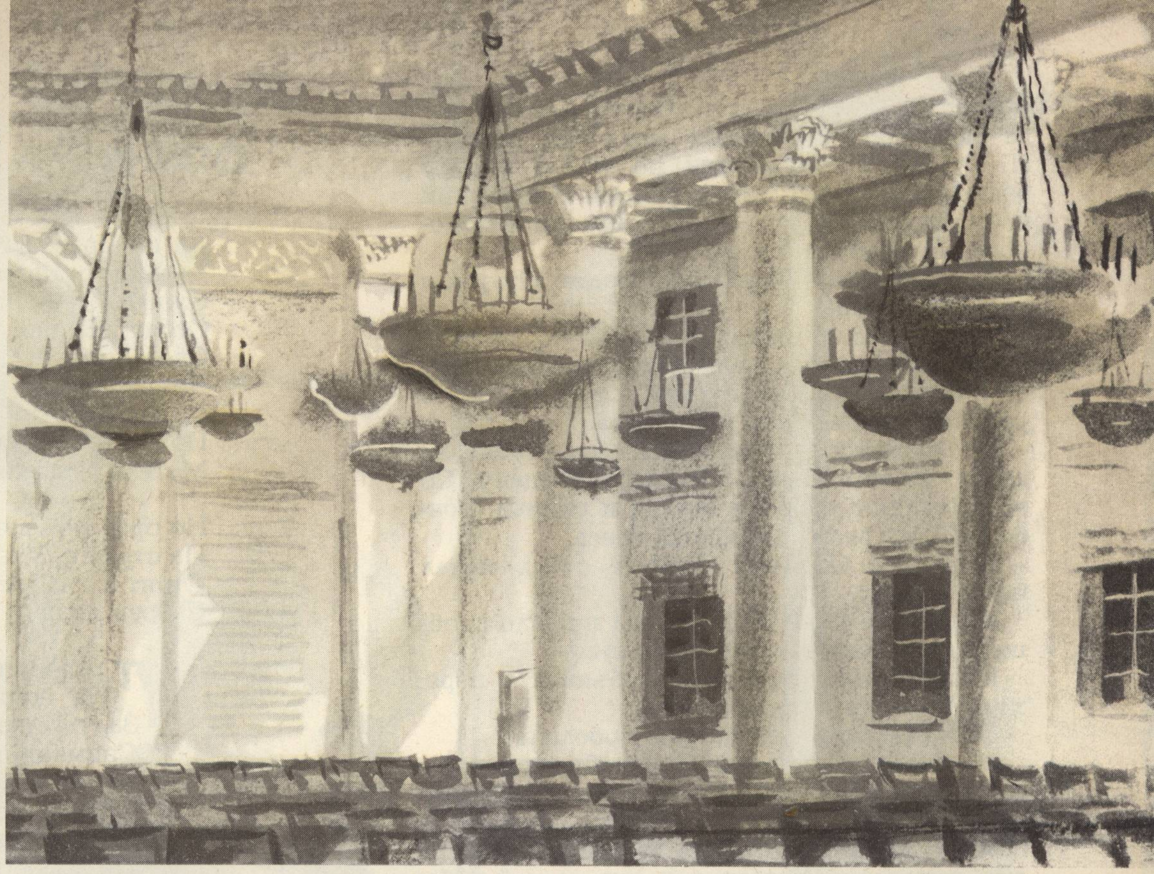
Творения Растрелли и Кваренги, монастырь и институт, построены в разных стилях, но очень красиво выглядят рядом. Вместе они сложились в архитектурный ансамбль под общим названием Смольный.

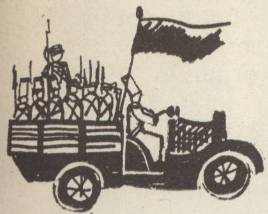
Долгие годы, целое столетие, в Смольном институте шла тихая, смирная жизнь. Девочки в форменных платьях прилежно учили уроки, неслышным шагом прогуливались по бесконечным сумрачным коридорам. Побаивались строгих классных дам, радовались праздникам: в торжественные дни перед ними распахивались высокие двери Актового зала, высокого, белоколонного, сверкающего.

Здесь и сейчас все, как было пятьдесят семь лет тому назад.

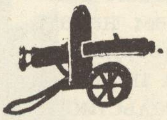
Так выглядит в наши дни Актовый зал Смольного.

РЕВОЛЮЦИИ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Издательство «Правда» Москва 1974 г.

кто понимал: буржуазное Временное правительство, обосновавшееся в Зимнем дворце, не станет служить рабочим. Для того, чтобы довести Революцию до победного конца, надо отобрать власть у Временного правительства, надо передать ее представителям рабочих, крестьян, солдат.

В октябре 1917 года Центральный Комитет партии большевиков принял решение немедленно поднять восстание против Временного правительства. В Смольном был создан Военно-Революционный комитет. Он должен был руководить восстанием.

Подробный план восстания разработал Владимир Ильич Ленин.

Владимир Ильич в эти дни жил в Петрограде на конспиративной квартире. Временное правительство разыскивало его, чтобы арестовать. Оттуда, со своей нелегальной квартиры на Сердобольской улице, днем 24 октября Ленин отправил в Смольный письмо членам ЦК: он требовал не медлить с восстанием.

В тот же день вечером Ленин покинул конспиративную квартиру и, несмотря на опасность, пешком ушел с Сердобольской улицы в Смольный, в штаб: восстание началось, Ленин должен был руководить восстанием.

В эту ночь, в ночь с 24 на 25 октября 1917 года, в Смольный стягиваются верные Революции войска: красногвардейцы, солдаты,

Простой письменный стол, старый телефонный аппарат, лампа... Здесь работал В. И. Ленин.

матросы... Здесь распределяют оружие. Сюда подходят броневики, подвозят орудия. И отсюда направляются по всему городу боевые отряды, осуществляя Ленинский план: занять телефон, телеграф, железнодорожные станции, мосты.

Из Смольного Ленин руководит штурмом Зимнего дворца.

Вечером 25 октября (7 ноября по новому стилю) в Актовом зале Смольного собирается Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

В огромный нетопленный зал принесли досок, из них наскоро сколотили сцену. Со всего здания собрали стулья и скамьи: почти 650 делегатов собрались здесь.

В 22 часа 45 минут Второй съезд начал свою работу.

В три часа ночи в Смольный пришло сообщение: Зимний взят восставшими!

В пять часов утра Съезд объявил о переходе власти в руки Советов.

Пролетарская революция победила!

На следующий день, 26 октября (по новому стилю 8 ноября), Съезд принял два первых закона Советской власти: «Декрет о земле» навсегда отобрал землю у помещиков, передал ее в руки тех, кто на ней работает. «Декрет о мире» предложил всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о заключении справедливого мира. В тот же день Съезд создал первое в мире Рабоче-Крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем его был избран Владимир Ильич Ленин.

Правительство начало работу в Смольном. В Смольном был и рабочий кабинет Владимира Ильича.

Сейчас здесь музей. Ты можешь прийти сюда, если будешь в Ленинграде. В кабинете Ленина ты увидишь письменный стол Владимира Ильича, а на стене — карту. На этой карте наша страна называется еще Российской империей. Ты сможешь постоять у окна Ленинского кабинета, посмотреть на Неву, Охтенский мост и судостроительную верфь, заложенную еще Петром I.

В этой комнате Ленин работал с 27 октября по 10 ноября 1917 года. В этой комнате состоялись первые заседания Советского правительства. Здесь Председатель Совета Народных Комиссаров беседовал с рабочими, солдатами, делегатами Второго съезда.

В другой части Смольного бережно сохраняются комнаты, в которых Владимир Ильич Ленин жил и работал с ноября 1917 года до переезда правительства в Москву. Здесь и сейчас все, как было пятьдесят семь лет тому назад: простой письменный стол, старый телефонный аппарат, керосиновая лампа, переделанная в электрическую. Два кресла и оттоманка в белых чехлах. Книги в шкафу.

В Смольном ты встретишь много экскурсантов: они приезжают из разных городов и стран. Всем хочется побывать здесь.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

ОГОНЬ НА ПЛОЩАДИ

ПОЭМА

Мой брат почетом окружен,
Мой старший брат вооружен:
Сжимая дуло автомата,
Стоит у Вечного огня,
Скользит
снежок
голубоватый
По ленте траурной ремня.
Метель седые ивы
гнет,
Но брат мой даже не моргнет:
На страже Вечного огня
Стоит и смотрит
Сквозь меня.

*

Трепещет огонь,
На жар-птицу похожий,
Задумчиво шапку
Снимает прохожий,
И строгая
Девушка-экскурсовод
Притихших ребят
По дорожке ведет.
Лежат на граните
Живые цветы,
Сухие снежинки
Летят
с высоты,
И, тая на теплом граните,
В мороз
Становятся
Алыми
Каплями
Слез.

*

А рядом
Под сенью
Чугунных знамен
На мраморе —
Длинные строчки имен.
И слышу я в скорбной
Седой тишине:
«Расстрелян на сходке.
Убит на войне».
Закрою глаза —
Не поземка шуршит —
На баррикады
Рабочий спешит.
Дымится винтовка
В руках у него,
И так он на деда
Похож моего!
И слышу я выстрелы,
Крики и стон,
И топот, и ржанье,
И сабельный звон...
И чудятся мне
Средь заснеженной тьмы
Высокие
Мрачные
Стены тюрьмы,

Ленин в Смольном. Рисунок А. Аземши.

С кокардой папаха,
В перчатке рука
И плеть над седой
Головой старика;
И грозно шепчу
Палачу я:
— Не тронь!..

*

Трепещет на площади
Вечный огонь,
И брат мой, как воин,
Стоит на посту...
А где-то трамваи
Звенят на мосту,
Свистит постовой,
И визжат тормоза,
А здесь у прохожих
Темнеют глаза.
И чудятся мне
Сквозь морозный туман
Суровые лица
Бойцов-партизан,
И слышится песня
В землянке сырой:
«Гулял по Уралу
Чапаев-герой...»
И грозно шумит
Вековая тайга,
И холм со звездой
Заметает пурга,
И гаснет коптилка,
И плачет гармонь...

*

Трепещет на площади
Вечный огонь,
И отблески в небе,
Как вспышки ракет...

*

...Бегут
Пехотинцы
За танками вслед,
Гастелло горящий
Ведет самолет,
Матросов под пулями
К доту ползет,
И Зоя стоит
На смертельном
Снегу,
И пушки без устали
Бьют по врагу,
И всюду земля,
Словно
Вздыбленный
Конь...

*

Трепещет на площади
Вечный огонь.
Стоит с автоматом
Торжественно брат.
Сменить на посту его
Был бы я рад!
И пусть бы ветра
Обжигали меня,—
Готов умереть я
На страже
Огня!..

С. ИВАНОВ

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

БАМ, БАМОВЦЫ...

Корреспонденты «Пионера», художник Игорь Красулин и журналист Сергей Иванов, побывали в Иркутской области на строительстве Байкало-Амурской магистрали. В этом номере мы начинаем печатать их рассказ о строителях.

Поселок Звездный

Летим на вертолете. Вернее, на вертолетике — на маленьком, уже не очень современном, но все же бойком и настырном вертолетике «МИ-2»... Ветер толкает его в бок, раскачивает. Впечатление такое, словно болтаешься в люль-

Только вертолетом можно долететь.

ке, привязанной то ли к облаку, то ли к невидимой сейчас луне, то ли еще к чему небесному...

Летим довольно низко. Под нами бежит тайга — без просек, без признаков жилья. Только деревья, деревья. Так и сяк тянутся они к небу. Стараются друг у друга урвать лишний солнечный лучик...

Вертолетчик Леша Ионов наклоняется ко мне, кричит в самое ухо:

— Таюра, река Таюра. Прилетели.

И правда. Раз и другой из густой зелени бьет в глаза свинцовое стекло воды. И вот уже летим над самой рекою, которая причудливо вьется среди сплошной тайги, будто хочет кого-то сбить со следа.

Вдруг несметное стадо деревьев неожиданно разбегается, как от выстрела. Мы делаем круг над обширной поляной. Внизу мелькают палатки, палатки, жилые вагончики, разрытая, перебуравленная земля стройплощадки, сверкают недостроенные, светлее сливочного масла деревянные дома.

Вертолет опускается ровно, как по нитке. Вот уже он ниже сопки, ниже деревьев, садится на мягкий берег Таюры... Слева гора, справа гора, горы покрыты лесом. Над головою синее небо, солнце, два-три облака. Тихо. Вот так встретил нас поселок Звездный — один из центров гремящей на весь мир Байкало-Амурской магистрали.

Собственно, никакой магистрали пока нет. Да и поселка еще нет. Есть палатки, вагончики и стройка: бамовцы спешат подготовиться к зиме — морозы сибирские приходят без предупреждения и бьют крепко. Растут бревенчатые и щитовые дома, строятся баня, магазин, котельная, школа. До холодов работы выше крыши!

Но и в уже существующем палаточном Звездном жизнь идет основательная, добротная. Ведь

Оставленная буровая.

это сразу можно отличить, постоянные поселились жильцы или временные. Так вот бамовцы как раз постоянные. Это определяешь и по ладной планировке поселка, и по чистоте его полотняных улиц, и по удачному расположению (в «кармане» между сопок — ветрам не достать), и по особой какой-то опрятности, добротности даже временных построек. И по тому, наконец, что в поселке есть ребятишки. А с малыми ребятами на авось ведь не поедешь. Значит, твердое было решение и продуманное.

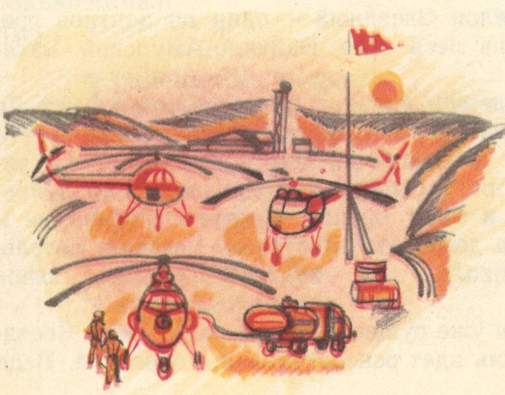
Обживается Звездный. По улицам среди сосен и лиственниц бегает малышня. Вот парняга лет четырех пытается оседлать мохнатого черного пса, безбожно тянет его за уши... Да и собаки здесь уже есть — как во всяком сибирском поселке: неустрашимые охотники и очень послушные друзья — лайки.

И все же поселок этот таежный. Нет-нет глянет из-за груды свеженьких досок любопытная мордочка бурундука или проскачет по воздуху удивительная белка-летяга. А ребята-радисты, они живут высоко на сопке, на отшибе, рассказывали однажды, будто к ним захаживал медведь. Хотя, может, и присочинили. Народ здесь все больше молодой, веселый.

Стоят новенькие столбы электропередач. Недели две назад они были соснами да елками. На сколоченном из молодых березок щите висят объявления о том, что новосибирские, иркутские, красноярские институты и техникумы открывают прием студентов на заочные отделения. Народ-то на БАМе молодой, а вечера сибирские длинные, а стройке и будущей магистрали инженеры и техники будут очень нужны.

Не обращая внимания на бульдозерный рев, в близкой тайге поет кукушка. Кукушки поют здесь щедро, долго — загадывай любое желание, живи сколько хочешь!

Вертолеты завтракают.

Зачем нужен БАМ?

«В дальний путь собрались мы, а в этот край таежный только самолетом можно долететь». Мы шагаем по летному полю Киренского аэропорта (есть такой город на севере Иркутской области). Вертолетчик Леша Ионов — вертолеша, как мы его называем в шутку, — слушает мою песню и усмехается:

— Ну, если самолетом можно долететь, это еще ничего. Вот куда только на вертолете пролезешь, вот это уж действительно край таежный.

Прошлая глава начиналась с вертолета, и эта с вертолета, но что поделаешь: здесь он самый распространенный и самый надежный вид транспорта.

Леша летит на буровую, а затем в Усть-Кут — это как бы перевалочный пункт БАМа. Туда и нам нужно, — значит, летим вместе.

...Летим. Как всегда, летим над тайгой. Здесь в какую сторону ни лети — все тайга да тайга. Редкая серая дымка — то ли низкое облако, то ли высокий туман — промчит длинной лентой мимо окна, унесется куда-то назад, и опять внизу тайга, тайга, тайга. Человечьим духом тут и не пахнет. А далеко ли мы отлетели-то? Всего километров двадцать от города!

Тайга. Наверно, никому не надо объяснять, какое она огромное и еще не тронутое, в сущности говоря, богатство. Человек пока что жмется на самом берегу ее. А хорошо бы проникнуть в несметный этот океан!.. Но как проникнешь? Бездорожье, топи, сопки, завалы. Ну, может быть, только на лошадях, со скудной струйкой геологов или охотников. Или вот на вертолете. Но это все мало, не те масштабы. Так всерьез тайгу не освоить!.. Вот когда становится понятной действительно насущная необходимость здесь стальной магистрали и многих «дочерних» веток, которые неминуемо разбегутся от БАМа. Край этот сразу оживет, задышит. Появятся новые города, поселки, новые леспромхозы, целлюлозные и деревообделочные комбинаты. И за границу лес пойдет. Тайга — это настоящий золотой фонд страны.

Внизу вьется река. Нижняя Тунгуска. Прихотливо, как все сибирские таежные реки. Она совершенно пустынна. Ну хоть бы какая лодчонка ради смеха!.. Пологие берега, белые песчаные плесы и ни души, ни признака жизни.

Но нет, есть эти «признаки жизни». К сожалению, есть! От реки по изумрудно-голубой зелени расползаются жирные серые пятна. Иной раз они бывают огромны. Леша кивает вниз и кричит, перекрикивая гром винта:

— Пожарища... Тут люди бывали, понял?..

Понял!.. В глубь тайги проще всего пробраться по реке. Вот потому и лес горелый чаще всего начинается от реки!

Не все, конечно, пожары — дело рук человека. Как сильная гроза, так и пожар в тайге. А бывает и того нелепей: под ветром трется, скажем, сосна об сосну — опять пожар! Это ужасное бедствие. Жизнь уходит из таких мест практически лет на сто. Обгоревшие деревья гниют и падают. Зверь обегает мертвый лес стороной.

Конечно, и в Иркутске, и в Усть-Куте, и в Киренске — словом, по всем здешним аэродромам налажена пожарная служба. Патрульные самолеты и вертолеты без конца кружат над тайгой. И если уж случится такая беда, ее стараются устранить как можно скорее.

Пожарные спецслужбы — работа их и трудна и опасна. Прыгать с парашютом прямо в тайгу. Да, здесь сломать или вывихнуть ногу ничего не стоит! А ведь совсем рядом пламя ревет!.. Леша Ионов, не вдаваясь в лишние подробности, сказал:

— Всякие случаи бывали...

Пожары. Точной статистики тут нет, но все же известно, что семь-восемь случаев из десяти «организовано» человеком.

И вот в тайге начинается громадная стройка. Так не рискуем мы затеять десятки и сотни новых пожаров? Ведь прежде здесь только охотники бродили да редкие туристы. А теперь сколько народу понаедет!..

Да, в принципе опасность такая есть. И бамовцы отдают себе в этом отчет. Едва ли не с первых дней на БАМе начало работать Общество охраны природы, в окрестную тайгу выходят зеленые патрули. Дело поставлено серьезно, надежно и строго. В поселке Магистральном, например, всею работой по охране природы руководит начальник стройки А. А. Коротнев, хотя и без особых объяснений понятно, сколько у него «своих собственных» дел.

Богатства наши огромны, бессчетны. И все же давайте их считать — беречь!.. Так говорят бамовцы, новые хозяева древней тайги.

...Вертолет наш идет ниже, ниже. Вот среди деревьев появляется вдруг поляна: странная буро-красная земля, несколько домиков, сарай, еще какие-то строения. Почти посредине буровая вышка — высокая, черная, похожая на космическую ракету.

Недавно здесь прошел дождь, но бурая глина под ногами тверда и плотна, почти как асфальт. Ни одна травка не пробивается сквозь нее.

— Это со дна земного добыли, — поясняет Леша.

Глубина скважины около трех километров. Во время бурения мощные сверла все дальше уходят в земную кору. А на поверхность вместе с водою выливается порода. Специальный бульдозер растаскивал ее по поляне. Так и получился в сибирской тайге пятачок красной, словно марсианской, земли.

Сейчас работы на буровой закончены. Но все осталось точно так, как было во время бурения: оборудование под навесом, штабеля стальных труб, а вот стоит тот самый бульдозер, а вот мощный «КРАЗ», вот еще один автомобиль «Уралец» с ведущими передними и задними

Зимовье. Здесь пройдет трасса БАМа.

колесами. Все это хозяйство в отличном состоянии, может работать. Однако оно вынуждено быть здесь до холодов. Почему? Такова уж особенность этих мест. Машины и оборудование забросили по зимнику — по дороге, пробитой зимою в тайге. Работа шла до самой весны. Потом холода отхлынули, все растаяло, зимник превратился в сплошную топь... Ругают, ругают сибирские морозы, но, оказывается, и они бывают полезны!

Я захожу в один из домиков — двери, естественно, не заперты. Низкий потолок, толстые бревенчатые стены, два небольших оконца. У стены настоящая флотская швабра. Стало быть, какой-то морячок здесь хозяйствовал... Огромная печь — такую целыми чурбаками можно топить. Наверное, так и топили... Стол, сколоченный из простых досок, две длинные лавки, нары. На столе коптилка, устроенная в банке из-под консервированных щей. Нелегко здесь было зимовать буровикам. А ведь они не просто зимовали — работали!..

Буровая вышка. Глина кругом уж не красная, а черная, жирная. Скользко идти, вылившаяся из скважины нефть под ногами — значит, нашли! У начала железной решетчатой лестницы, ведущей наверх, аккуратно разложена тряпка. Да, с этих ступенек падать не рекомендуется, костей не соберешь!.. Вытираю ноги, лезу вверх — как по трапу. Хорошо, удобно. Даже комаров здесь не очень много, они больше понизу разбойничают. После третьего или четвертого пролета останавливаюсь отдохнуть — уже высоко! — и думаю о том, как люди лазили здесь в снег, в ледяной ветер. Не дай бог голой рукой к железу тут притронуться. А ведь, наверное, «притрагивались», да еще как — если надо было...

Зато нашли новую нефть!..

Тишина кругом, дело к вечеру. Вдали где-то ухает филин и кукушка кричит — как всегда по-сибирски долго. Тайга над буровою поляной стоит ровная, нетронутая. А люди жили здесь десять месяцев...

*

Улетаем. Делаем прощальный круг. Последний раз видим красную поляну среди зеленой тайги, черную пику вышки, зимник, который похож сейчас скорее на речку... Улетаем. Мыслями я опять возвращаюсь к БАМу. Стальная магистраль даст выход этой нефти. И железу, и каменному углю, и золоту, и бокситам, и многому другому — в здешней тайге уместилась чуть не вся таблица Менделеева! Значит, рядом с целлюлозными и деревообделочными комбинатами встанут металлургические, медеплавильные, машиностроительные заводы... Говорят, тут медведей много. Что ж, попросим их потесниться!

У этого края удивительное будущее. И решающую роль в том будущем сыграет Байкало-Амурская магистраль.

Да, сыграет. Но прежде ее надо построить.

Лесорубы

Сейчас на БАМе два главных дела: зимние поселки ставить, делать просеку для будущей магистрали. На просеке валят деревья, значит, там нужны лесорубы. В поселке строят дома — из бревен, из толстого деревянного бруса, из дощатых щитов. Значит, здесь нужны плотники. Но у большинства ребят, приехавших на стройку, были другие специальности: шофер, монтажник, тракторист, электрик, экскаваторщик, бульдозерист, слесарь. Как же быть? И вообще — разве нельзя было набрать плотников да лесорубов? Можно. Но только не стоило. Через несколько месяцев, когда начнут делать насыпь, когда по-настоящему придет на БАМ техника, шоферы, бульдозеристы, рабочие других строительных профессий будут очень нужны. Где их тогда искать? И куда девать целые тысячи больше ненужных стройке лесорубов и плотников?.. Переучивать? Но это дорого, долго. Оказывается, куда проще шофера или монтажника выучить на лесоруба, потому что сама профессия лесоруба по приемам не очень сложна.

В первые дни и недели своей жизни БАМ как бы превратился в школу. А в середине июня, когда мы приехали в Звездный, работа шла уже полным ходом. Бывшие бревна, доски, панели становились домами. И в эти дома переезжали бамовцы. Рядом с палаточным городком выросла первая деревянная улица!

Трудно за две недели овладеть профессией? Трудно, но возможно. Бамовцы доказали это. Возможно, когда ты упорен, когда у тебя есть характер, когда ты твердо знаешь, зачем тебе это.

И еще одно надо знать и помнить всем, кто когда-нибудь захочет строить БАМ. Комсомол направляет сюда не белоручек, а тех, кто по праву может называть себя рабочим человеком.

Что же это значит — рабочий человек? Прежде всего, конечно, он настоящий мастер в своей области. Но и еще он мастер на все руки, он восприимчив ко всякому труду, не боится никакой работы. Вчера еще он не умел, сегодня учится, завтра готов стать на новое свое рабочее место.

Это высокое умение — быть рабочим человеком — приходит не вдруг, не сразу. И не каждому оно дано. Однако ведь и на БАМ тоже посылают далеко не всякого. А тот, кто хочет сюда попасть, пускай готовится!

...С ребятами из бригады Леши Сердюка мы познакомились в Звездном. Был вечер, часов уже около девяти, они только что вернулись с лесоповала, хотя официально рабочий день кончается в шесть. Леша объяснил:

— Прихватили часика полтора лишних да полчаса возвращаться. — И добавил, улыбаясь: — Еле ноги приволокли. Не привыкли еще хлопцы.

Сразу привыкнуть и правда мудрено. Бригада Сердюка вся с Украины. А там какие леса?.. Названия своих нынешних профессий мно-

Строят Звездный.

гие услыхали только на БАМе: вальщик, сучкоруб, чекеровщик — неведомо звучало, непривычно.

— Мы когда сюда летели, в Звездный, — говорит Леша, — я смотрю в окно: тю, шо за тайга такая, половина сушняка стоит... Я же не знал, что это лиственница, что на зиму она иголочки свои мягкие сбрасывает... А когда я с Киева уезжал, мне кое-кто говорил: и чего ты рвешься на этот БАМ, чудик? Чего ты там потерял?..

— Ну и что же ты отвечал?

— Да ничего. Мне кажется, кто этого сам не понимает, тому все равно не объяснишь, верно? — Он молчит некоторое время. — А то, что мы по дому здесь скучаем — это факт. Мне вот прислали цветок каштана. Измялся весь. Пахнет уже еле слышно. А все ж каштан!.. — Леша глядит на сопки окрест, на тяжелые сосны. — Но вообще-то красоты природы и здесь хватает. Природа исключительная!.. Только ты не пиши, что мы из-за природы приехали. А то получится, что не бамовцы, а какие-то туристы... Тут вообще если на материальные блага измерять, ничего не выйдет: длинных рублей не получаем, квартира — палатка, баня, бассейн, ванная — вагончик оцинкованный. Ну соответственно гнус, болота... Чего? Мрачную картину рисую, да? Она, понимаешь, мрачная, когда с точки зрения материальной заинтересованности мерять.

— А ты с какой меряешь?

— Да не знаю с какой. Интересно строить, вот и все. — Он смущенно улыбается. — Романтика, что ли... Надоело это слово уже до черта. А другого не найду...

Помывшись, поужинав после десятичасового своего добровольного рабочего дня, потихоньку подходят ребята из Лешиной бригады — Слава Огородничук, Федя Паскарь, Володя Снеговой, Гриша Коваленко. Сидят, рассказывают, как здесь все изменится, и где именно пройдет трасса, и что будет сдано к декабрю, а что к весне.

...В «Пионер» часто теперь приходят письма: «Что нужно для того, чтобы поехать на БАМ?» Отвечаю: нужно мужество!

Конечно, стройка будет разрастаться и со временем на нее приедут, как говорится, разные люди. Но закваска эта бамовская — крепкая, честная — должна остаться, и уверен, останется навсегда. Уж очень надежные люди закладывали здесь фундамент...

Следующим утром мы отправились на просеку, которую рубила в тайге бригада Сердюка. Здесь еще выкорчуют пеньки, потом сделают дренажные сооружения и насыпь... Но Леша с ребятами уже сейчас пробивает в лесу, метр за метром, именно тот путь, по которому промчится первый, и десятый, и стотысячный поезд БАМа.

Солнце светило ярко и, несмотря на ранний час, заметно припекало. Редкий утренний туман быстро рассеялся. Мы шли берегом таежной речки Нии. Она хоть и не глубокая, но очень быстрая. Брось в воду горсть травы или палку — сейчас их подхватит, завертит, понесет... И не увидишь!

Примерно к середине дороги река и тропинка, словно поссорившись, разбрелись в разные стороны. Мы шли теперь широким лугом, очень похожим на самый обычный луг средней полосы России. То же июньское разнотравье и многоцветье. Тот же ветер, порывистый и легкий, промчит вдруг по самым кончикам спелой густо-зеленой травы... Только горизонт прячут громадные лохматые сопки, только вместо блекловатых наших лютиков здесь крупные огненные жарки и фиолетово цветут дикие ирисы, торчат стрелы дикого лука и лопасти дикого чеснока — черемши.

Вдруг из-за размашистых кустов, заставивших тропу резко вильнуть влево, выглянули два каких-то домика. Оба они были низки, коренасты, черны. Казалось, по пояс ушли в землю, срослись с нею. Это впечатление усиливалось еще и тем, что на земляных их невысоких крышах колосились, цвели и шептались кусочки точно такого же луга, какой был кругом.

Это было зимовье. Первый дом — весь прокопченный и дряхлый — черная баня. Второй дом, жилой, был хоть куда — такой еще лет сто простоит, не охнет. Бронированные, из могучих бревен стены и крыша, дверь величиною с наше обычное окно и окно, напоминающее скорее бойницу, — все делало эту избушку похожей на танк. Танк, воюющий против сибирских морозов.

Вот, значит, оно какое, классическое сибирское зимовье. Три шага в длину, два в ширину. Сибиряки прежде говорили: «А чё, паря, воздух топить? Дров не напасешься». Теперь это место стало как бы достопримечательностью Звездного. Сюда вечерком, под выходные приходят любители. Говорят, рыбалка здесь замечательная. А раньше это был важный таежный пункт. Небось, и речку-то Нию в основном по нему знали. Говорили: «Ну там, на Нии-то, зимовье, знаешь? Где омута...»

От зимовья, от речки Нии мы пошли наверх по отлогому пока еще склону сопки и вот оказались на просеке. Это был широкий коридор, нет, пожалуй, целая улица, прорезанная среди вековой тайги. Однако идти по этой улице не так-то легко: она вся завалена стволами спиленных деревьев. Все стволы лежат поперек просеки: толстой частью, комлем, смотрят на гору, вершинами — к реке.

Трактор-трелевщик, приземистый, мощный, широкий, на очень широких гусеницах, свозит стволы с уже обрубленными сучьями («хлысты») к тому месту, где ребята из Лешиной бригады пилят их на две или на три части и укладывают в штабеля. Это называется «катать баланы». Ночью прошел дождь, бревна скользят. Чтобы закатить их наверх, нужно много внимания, и силы, и взаимовыручки. Не дай-то бог сорвется!.. Балан катят три-четыре человека. Но все, кто свободен сейчас, готовы в любую секунду подскочить, навалиться на бревно. Стоит только крикнуть: «Хлопцы!..» Нелегкая работа. Ребята шутят:

— Год-два так поупираешься рогом — готов мастер спорта по штанге! — а сами утирают рукавицами крупный пот со лба.

Идем дальше по улице-просеке. Спиленные стволы лежат, словно огромные шпалы... А какая красота откроется пассажирам! Воздух смолистый, легкий. Внизу посверкивает речка Ния. Слева и справа стоят сосны — машут вслед ветрам и составам.

...Впереди, уже совсем близко, слышен треск бензопилы «Дружба»... И вдруг: ба-бах! Как из пушки. Ломая ветки, рассекая воздух, падает лиственница. Подходим, осторожно подходим. Леша Сердюк кивает нам, а сам продолжает пилить. Слава Огородничук уперся в ствол длинным шестом со стальной рогатиной на конце. Он толкальщик. Нужно, чтобы дерево упало строго поперек просеки, вершиной вниз, в сторону реки. Если деревья будут валиться вкривь да вкось, одно на другое, получится не лесосека, а настоящий завал. Никаким трелевщиком его не растащишь!

Но таежные сосны и лиственницы не спрашивают лесорубов, как им расти. Они к солнышку тянутся. Поэтому одно дерево стоит удачно — его легко опрокинуть в нужном направлении. А другое наклонено в сторону горы или набок. Вот и приходится Леше исхитряться. Подпилят они со Славой «неудачное дерево», а потом стараются подшибить его — следующее дерево валят так, чтобы, падая, оно всем своим стремительным и тяжелым полетом толкнуло «неудачника» в нужную сторону. Это называется «стрелять». И это высший пилотаж лесорубского искусства. Только месяц прошел, а Леша со Славиком уже работают, как заправские лесорубы. Кстати, норму бригада Сердюка выполняет на 160—170 процентов... Вот грянул новый «выстрел» — одно за другим падают три, нет, целых четыре подпиленных дерева! Как осколки, брызжут в стороны сухие сучья...

Наконец перекур. Ребята садятся на только что «подстреленную» лиственницу метровой толщины. Сидят, тяжело свесив усталые руки, — лесоруб в полтора раза больше калорий тратит, чем шахтер.

— Килокалорий! — уточняет Слава с улыбкой.

Опять разговор заходит о Киеве.

— Знаешь, Леш! А я там недавно был. В командировке.

Катают баланы.

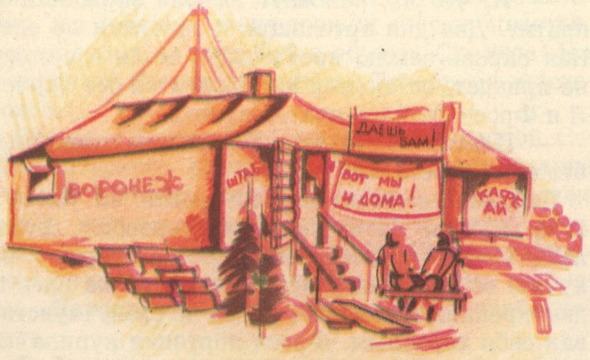
— Правда? — Леша поднимает разгоряченное лицо. И, забыв прихлопнуть пяток комаров, рассевшихся на лбу: — На улицу Октябрьской революции не захаживал?

— Заходил...

— Так я там живу!.. Там, помнишь, где дом такой серый, высокий?.. Так, если направо свернуть...

Сидим на просеке, среди молчащих деревьев, которые ждут своей очереди. Рядом лежит пила — горячая, тоже усталая. В ней весу, между прочим, семнадцать килограммов. На той стороне Нии, на сопке, идет дождь, а у нас солнце. Таков уж сибирский климат...

А я знаю, почему ты сюда приехал, Леша Сердюк. Потому что здесь не обойдется без тебя. Не может обойтись. Без тебя, без таких, как ты, и БАМа никакого не будет.

Артеку скоро пятьдесят...

У тех, кто был в Артеке, остаются воспоминания. У тех, кто не был, остается на всю жизнь мечта. Мечта об Артеке. Потому что кто же из нас не мечтал об Артеке... Его очень трудно представить или нарисовать, этот город «Артек», республику «Артек». Он у каждого свой.

Наш Артек — это и не солнце, и не море, и не домики на берегу. Это самый дружный, самый загорелый, самый звонкий Отряд в стране. Проходит артековская смена, и пионеры этого Отряда возвращаются домой. И там, где они появляются, скучные ребята превращаются в веселых выдумщиков, и недружный отряд становится самым дружным.

И еще, когда говоришь «Артек», вспоминаешь очень многое. Тех, кто был в Артеке, кого Артек помнит. Смуглую девочку, сборщицу хлопка Мамлакат Нахангову, первую среди пионеров награжденную орденом Ленина, мальчика-джигита Барасби Хамгокова, Тимура Фрунзе, Рубена Ибаррури... Артек помнит ребят из многих стран мира. Артек никого не забывает. Он помнит просто девочек из дружины «Лазурной» и мальчиков из дружины «Хрустальной». Они выросли и стали гражданами нашей большой страны, и рядом с ними всегда слово «Артек».

Артеку в июне 1975 года исполняется пятьдесят лет.

Давайте поздравим его вместе!

Рассказывайте об Артеке. Присылайте свои рассказы, поздравления, воспоминания, фотографии к нам, в редакцию «Пионера». Мы бережно их сохраним. Лучшие опубликуем в журнале в июне, в день рождения Артека, и все до одного передадим в артековский музей. Это будет наш общий подарок нашему любимому Артеку.

На конвертах не забудьте написать слово «Артек».

Зоя **ВОСКРЕСЕНСКАЯ**

ПАРОЛЬ—

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

БУНТ

— Эх, Егор, Егор.— Степан виновато посмотрел на мальчонку.— Не будет тебе, видно, сапог к святкам.

— А обещал ведь. Сапоги, говорил, всамделишние, голенища бутылками. Чего зря обещал? — обиделся Егор.

— Я, что ль, виноват? Хозяин заработка не платит. Два дня артельщик с деньгами не едет. Как скрозь землю провалился. Коли и сегодня не приедет, останемся на рождестве без харчей. Я и Фросе сулился платок купить.

— Платок — это что, а я вот на праздники без обувки остался.

Давнишняя мечта Егорки выйти на улицу в сапогах, как настоящему мастеровому, рушилась. Сапоги снились ему во сне — черные, пахучие, со скрипом. Натягивал он их на ноги за два крепких полосатых ушка и сразу чувствовал себя взрослым. Фрося портянки купила под сапоги, и все зазря. Так и ходить ему в сестриных стоптанных полусапожках. Уж лучше бы в

НАДЕЖДА

Бабушкин преградил путь.
— Братцы, опомнитесь! Что мы, разбойники какие?

лаптях, в них теплее, коли ноги онучами обмотаешь, а в дырявые полусапожки снег забивается, и всяк видит, что это бабья обувка. Срамота! Но с лаптями Егорка покончил. Теперь он мастеровой.

Степан с Егоркой подошли к проходной Семянниковского завода. У трехэтажного здания главной конторы толпился народ. Мастеровые ждали получки. Сыпался колючий, сухой снег. Дым столбами валил из труб. По Шлиссельбургскому тракту пыхтел паровичок с тремя вагонами. Паровоз посвистывал, требуя освободить путь.

Рабочие слонялись без дела, собирались группами во дворе механических мастерских, на судоверфи — по другую сторону тракта, выжидали на улице, не появится ли закрытая повозка, на которой обычно приезжал артельщик с деньгами.

Нетерпение рабочих нарастало.

— Что же это такое, братцы? У людей рождество, а у нас? Господам, небось, елки тащат, окорока запекают. Слышь, из дома управляющего жареным тянет? Управляющему что? Наплевать ему на нас... Говорят, артельщик с деньгами убег... Хозяева, небось, опять завод в карты проиграли...

У многих еще было в памяти, как шесть лет назад завод закрыли за долги и рабочих выгнали с работы и из жилых казарм. Два года мол-

чали гудки, ржавели машины. Несколько раз переходил завод от одного хозяина к другому. Первый хозяин, поди, уж двадцать лет умер, но завод по-прежнему называется по его имени Семянниковским.

Рабочие все громче высказывали свое беспокойство и метались по тракту с одного заводского двора на другой. Мальчишки бегали следом за взрослыми, ловили разные байки, передавали другим.

Мороз свирепел, зернистый снег обжигал щеки, слепил глаза. Мальчишки, чтобы согреться, прыгали, налетали друг на друга, сшибались, засунув руки в рукава кацавейки. Каждый из парнишек уж давно рассчитал, как истратить получку. Егорка ждал Степанову получку. Он свою на Максвеле уже получил, от нее 28 копеек осталось. Из четырех рублей семьдесят копеек высчитали штрафу. Он с Настей раз со счету сбился, пришлось ремизку заново заправлять — штраф; утром перед началом работы книжку читал на подоконнике — штраф. Других своих грехов Егорка не помнит. Полтора рубля за харчи отдал, рубль за казарму, полтинник матери в деревню послал да две копейки на пряники истратил. Считает теперь Егорка, как взрослый. Читать и писать тоже научился. Любит Егорка читать. Посидишь за книгой, поводишь пальцами по строчкам, и она тебе столько интересного расскажет. Книжка никогда не устанет рассказывать. Только сам не ленись, читай. Хотели Егорку по малолетству из школы отчислить, но Надежда Кстинна заступилась. Никому Егорка не мешает, сидит тихо, горазд задачки решать. Бывает, правда, что заснет на уроке, но никто за это в школе не ругает, не штрафует. Только Степан иногда локтем в бок толкнет.

А вчера в школу с Семянниковского никто не пошел. И Егорка без Степана не пошел... Народу на тракте собралось тысячи две. Паровая конка едва пробивалась, паровоз свистел изо всех сил.

Егорка с мальчишками бегал через проходную туда-сюда. Заглянули в механическую мастерскую. Там на станках горели свечи. Рабочие окружили Ивана Бабушкина, он слушал их и записывал что-то в маленькую книжечку. Ивана Васильевича на Семянниковском знает каждый. А Егорка с ним в одном классе учится. Один раз Иван Васильевич предложил Егорке к ним на завод переходить, «обучу тебя на токаря», говорит. Сказал и, наверно, забыл. А Егорка помнит. Очень ему хочется на этих станках поработать, это не то что ткацкие. На Максвеле мануфактуру выделывают, а на Семянниковском — паровозы, военные корабли. Может, и возьмут сюда Егорку, если хозяин завод в карты не проиграл.

Мальчишки побегали по мастерской, из озорства погасили несколько свечей, взрослые на них цыкнули и выгнали прочь.

Ватага мальчишек побежала через двор к проходной. Сторожу надоело хлопанье дверью, надоели мальчишки, особенно тот, белобрысый, что свояком слесарю Степану приходится. Сторож схватил парнишку за ворот и вышвырнул из проходной. «Чтоб я тебя больше не видел!» Егорка вылетел на улицу и уткнулся руками в сугроб, полные рукава снега набрал и пальцы оцарапал.

Обозлившись вконец, Егорка выхватил горсть стружек из кармана и запустил в сторожа и в тот же миг почувствовал, как чьи-то пальцы крепко ухватили его за ухо. Вскинул глаза — городовой. Егорка завопил не столько от боли, сколько от страха.

— Ишь, прохвост, иди-ка сюда, я тебя проучу. — Городовой потащил его к проходной. Егорка отчаянно отбивался. Вокруг них моментально сомкнулась толпа.

«Отпусти мальчонку!»... «Не трожь мальца!»... «Окаянная рожа», «Убери поганые руки!». Кто-то надавил плечом, зазвенело разбитое стекло. И тут взорвалась накопившаяся ярость. В окна конторы, дома управляющего полетели куски каменного угля, льда. Посыпались стекла. Вспомнились разом все обиды, унижения, которые каждый испытывал от сторожа и управляющего, от лавочника и мастера, от артельщика и городового. Гневная сила протеста швыряла людей из стороны в сторону. Искали обидчика, а обидчики были кругом. Толпа рабочих ринулась к деревянному строению с закрытыми ставнями. Это была ненавистная лавка, в которой рабочие обязаны были забирать продукты в счет получки. Продукты были лежалые, несвежие, а не брать этот несъедобный харч было нельзя: вылетишь с завода.

Усталость, голод, двухдневное ожидание получки мутили сознание. И вот ярость обрушилась на лавку. Рабочие оторвали ставни, выбили стекла, ворвались в лавку, и оттуда полетели бутылки, куски мыла, селедки, вываливались кули с солью, мукой. Мальчишки поддавали ногой селедки, забирали в пригоршни муку из лопнувших мешков и пускали ее по ветру. Мука смешивалась со снежной вьюгой. Егорка тоже кричал, бил, ломал, топтал. Он был обижен. Его вышвырнул сторож, как собачонку. Его ни за что штрафуют. Степану не платят получки, и у Егорки не будет сапог к празднику. Горело ухо от железных пальцев городового.

Увидев, как группа парней пыталась сбить с перекладины над воротами позолоченный царский герб, Егорка поспешил туда.

Град камней летел в орла. Но тот крепко уцепился за железную перекладину и только вздрагивал от ударов. Может, и слетел бы орел с ворот, но подоспела полиция...

...Иван Васильевич Бабушкин в механической мастерской записывал жалобы рабочих и горячо убеждал их составить требования хозяину, выбрать уважаемых людей и послать их для переговоров с управляющим.

В мастерскую вбежал запыхавшийся Степан.

— Иван Васильевич, беда! Мастеровые громят лавку!

Бабушкин сунул книжку в карман, побежал к воротам и сразу попал в людской водоворот. Его захватил гнев толпы. Он поднял увесистый

кусок угля, прицелился в орла, размахнулся и... вдруг рука повисла, как плеть, уголь упал на землю. Он опомнился. «И ты, Иван, туда же! Где же твоя пролетарская сознательность? А еще называешься марксистом!» — попрекнул он себя. Провел рукой по лицу и оглянулся. Двое рабочих принесли снятый со столба фонарь, раскачали его и швырнули в дверь дома управляющего. Кто-то чиркнул спичку, и рыжее пламя распласталось на двери. К крыльцу тащили второй фонарь. Бабушкин преградил путь.

— Братцы, опомнитесь! Что мы, разбойники какие?

Но его голос потонул в грохоте, в гуле голосов. По мостовой скакали на лошадях вооруженные казаки. Звонил пожарный колокол. Три лошади тащили на полозьях огромную красную бочку. Отсветы огня плясали на медных касках пожарных. Свистел паровоз паровой конки. Поезд остановился, и пассажиры поспешно покинули вагоны. Пожарные разворачивали кишку, качали воду из бочки. Водяная струя слизывала пламя с двери и, погасив огонь, тут же повернулась против людей. Словно ледяной пилой полоснуло по лицу Егорки. Он захлебнулся. Кто-то заслонил его. Кто-то поднял и взвалил на плечи...

Очнулся Егорка в казарме. Над ним стоял Степан и тряс за плечи. В свете керосиновой лампы одежда Степана искрилась. Когда он нагибался, телогрейка с треском ломалась и на пол сыпались льдинки. С бороды на Егорку лились струйки воды.

— Очухался! — с облегчением вздохнул Степан. Он был страшен — со спутанными волосами, лицо в грязных разводах, глаза ввалились. Стуча от озноба зубами, он принялся стаскивать с себя насквозь промокшую и примерзшую одежду.

Рядом сидела и тихо плакала Фрося. За перегородками в камере кто-то стонал, кто-то причитал...

НАСЛЕДНИЦА

Надежда Константиновна вышла из поезда на станции Царское Село. На пустынных улицах зябко и сыро. Для такой погоды больше подошло бы теплое драповое пальто, а не весенний костюм и соломенная шляпка. Но что поделаешь, если «так полагается» на пасху, даже если она в марте, а сегодня второе апреля. В первый день пасхи солнцу полагается «играть», а оно закрыто плотными облаками. В дворцовой церкви ухает колокол. Ему откликается множество разнозвучных колоколов, и над городом несется веселый неумолчный перезвон. В этот серый утренний час все окна светятся огнями, топорщатся белоснежные занавески, на подоконниках выставлены деревянные, фарфоровые «писанки» — пасхальные яйца.

Выстояв пасхальные богослужения, люди вознаграждают себя за шестинедельный пост — пьют, едят, разговляются. Поэтому и пусто на улицах. Поэтому и решил Владимир Ильич собрать сегодня членов центральной марксистской группы в Царском Селе на квартире Сильвина.

На одной из аллей Надежда Константиновна увидела высокую сутуловатую фигуру Запорожца, свернула на боковую улочку, а там вышагивает Глеб Кржижановский. «Где-то поблизости должна быть и Зина». Надежда Константиновна посмотрела по сторонам. Голый, еще не опушившийся зеленью парк просматривается насквозь. Так и есть. По параллельной аллее идет Зина. Голубой шарф на ее шляпке развевается по ветру. Все идут на Конюшенную улицу к Сильвину окольными путями, проверяют, нет ли хвоста.

Сзади кто-то покашливает. Слышится скрип песка под ногами. Кто-то ее обгоняет, уже поравнялся с ней.

«Это он, он, его шаги!» — И из-за какого-то радостного озорства Надя убыстряет шаг, не идет, а летит. Стук собственного сердца вплетается в весенний перезвон. Надя прижала ридикюль к груди, подставила лицо ветру, смешавшему запахи готовых распуститься почек...

И все же он ее обогнал.

— За вами хвоста нет. Проверено, — произнес на ходу Владимир Ильич, и в тот же миг Надя увидела на сомкнутых руках своих золотистый зонтик примулы — первого весеннего цветка...

...Михаил Александрович Сильвин встречал гостей внизу, и по скрипучей лестнице они поднимались к нему в мансарду, а попросту в комнату на чердаке со скошенными стенами, с дымоходом посередине.

— Хозяйка уехала к дочери в Петербург, я теперь полновластный хозяин дома, — предупредил друзей Михаил Александрович.

— Милости прошу, — приветствовал он Надежду Константиновну, — все уже в сборе.

Сильвин накинул большой железный крюк на входную дверь и следом за Надей поднялся наверх.

К печному дымоходу, от которого тянуло теплом, был примкнут стол, покрытый белой скатертью и уставленный яствами: приземистый кулич, облитый глазурью и посыпанный разноцветным маком, высокая пирамида творожной пасхи с выдавленными буквами «ХВ» (Христос воскрес), окорок с бумажной хризантемой на ножке, рыба, и на блюде в зеленой щеточке овса традиционные яркие яйца. И даже бутылка вина.

— Роскошно живете, господин студент, — иронически заметил Ванеев, обходя стол.

— Надеюсь, все это по христианскому обычаю освящено в церкви, — съязвил Старков.

— Да нет, нет, — оправдывался Миша. — Это супруга Гарина-Михайловского прислала мне. Я репетирую у них детей. Сам Гарин совершенно разочаровался в народничестве, он очень близок к нам, марксистам, его жена хотя и миллионерша, но...

— Жена Гарина душечка, — прервала Силь-

вина Зина, — такой вкусный кулич, и пасха настоящая, не то что конспиративные блины у Классона.

Сели за стол. Надежда Константиновна с горечью отметила, что Владимир Ильич очень бледен — еще не совсем оправился после перенесенного воспаления легких. Очень напугала всех болезнь Владимира Ильича. Воспаление легких — болезнь опасная, и лекарств против нее нет. Надя вспомнила, как она с Марией Александровной и Анной — матерью и сестрой Владимира Ильича — сидели у постели больного и ждали исхода кризиса. Справится организм с болезнью или... Эти бессонные ночи сблизили, сдружили всех трех женщин, и Надя поняла тогда, что не мыслит себе жизни без Владимира.

«Как хорошо, что он ест с аппетитом, — отметила про себя Надежда Константиновна. — А о чем с таким увлечением говорит Глеб?»

— Нет, вы только подумайте, друзья, совсем рядом с нами, за углом Конюшенной, царь Микола тоже разговляется в своем дворце. Еще прошлую пасху он был цесаревич и говорил «я». Сейчас он царь и говорит о себе «мы». «Божиею милостию, — загнусавил Глеб, — мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, прочая, прочая...». Он дал торжественную клятву «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его незабвенный покойный родитель Александр третий».

Запорожец, глядя влюбленными глазами на Владимира Ильича, подхватил слова Глеба.

— Да, этот царский манифест напечатан во всех газетах, расклеен вместе с красочным портретом Миколки, переведен на все языки. И под этот самый царский манифест заложена, как бомба, маленькая желтенькая тетрадь нашего Владимира Ульянова. Книжечка, отпечатанная на гектографе всего в пятидесяти экземплярах с таким невинным названием «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» И это н а ш манифест, друзья. А как он заканчивается?

— О, это прочту я! — воскликнул Глеб.

«...Русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) п р я м о й д о р о г о й о т к р ы т о й п о л и т и ч е с к о й б о р ь б ы к ПОБЕДОНОСНОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!»

Эти слова здесь, на чердаке, в нескольких десятках саженей от царской резиденции, прозвучали особенно значительно и взволновали всех.

Петр погрозил кулаком.

— Слышишь, царь Николай вторый, ты не только вторый, но ты царь последний.

— Тсс, не так громко, — остановил его Владимир Ильич и предложил: — Давайте-ка к делу. Задачи мы ставим огромные, но мы еще так слабы, нас еще так мало. Нам нужна газета, нужна типография, нам нужно досконально знать, чем живет и как живет рабочий класс, нам нужна сильная, большая организация. Будет у нас организация — мы перевернем Россию. На днях я еду за границу, встречусь в Швейцарии с Плехановым. «Группа освобождения труда» близка к нашим задачам. Договоримся о совместном издании газеты пока там, за границей. Надо познакомиться с работой германских социал-демократов...

Надежда Константиновна слушала и понимала: огромные планы у Владимира Ильича. И, закладывая основы российской социал-демократической организации, он уже думает об интернациональных связях, думает, как претворить в жизнь марксистский пароль: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Нам надо обеспечить бесперебойную деятельность нашей организации, — продолжал Владимир Ильич. — Царское правительство понимает, что рабочий класс поднимается на борьбу, и полиция прежде всего будет целиться в нашу организацию. На днях у Степана Ивановича Радченко был обыск. Наш опытный конспиратор остался верен себе — у него ничегошеньки не нашли. Но это нас должно насторожить. Я стал часто наблюдать за собой слежку.

— За мной тоже топают, — признался Запорожец, — но сегодня я пришел абсолютно чистым.

— И не заметили, как я «топал» за вами? — рассмеялся Владимир Ильич. — Вы почему-то решили по выходе со станции обогнуть вокзал, потом вышли на центральную аллею...

Запорожец был смущен: он действительно не видел Владимира Ильича.

— А как вы? — спросил Владимир Ильич девушек.

Аполлинария Якубова слежки за собой не замечала. Зину Невзорову шпик часто провожает из школы до дома, но это новгородские связи Зины с марксистами не дают покоя петербургским ищейкам. У Нади Крупской в класс затесался подозрительный тип. Рабочие предупредили ее, что этот новый ученик шляется в охранное отделение на Гороховую.

— Но мне кажется, что следят не за мной, а за Иваном Васильевичем Бабушкиным, — высказала предположение Надежда Константиновна.

— Бабушкина надо всячески оберегать от провала. Это замечательный организатор, горячо преданный делу товарищ, — уважительно отозвался Владимир Ильич.

— Это великолепный человек, драгоценный самородок, — подтвердила Надежда Константиновна, — и наконец-то он уверовал в силу листковой агитации.

— Не сразу, не сразу, но теперь наверняка. — Владимир Ильич напомнил, что когда он с Бабушкиным написал листовку к рабочим Семянниковского завода после бунта, Иван Васильевич взялся ее распространять, но там шли аресты, и листовка не всколыхнула рабочих. Бабушкин приуныл. Но зато когда он распространил листовку в новом порту, начальство порта, испугавшись грозящей забастовки, сразу пошло на уступки рабочим.

— Бабушкин пришел тогда в школу сияющий, счастливый. «Прав был Старик, а не я», шепнул он мне, — сказала Надежда Константиновна.

— Нам надо его беречь, — повторил Владимир Ильич, — и нужно нам всем подумать о наследнике. Мы не можем не считаться с возможностью провала кружков, арестом их руководителей. Нам нужен человек, который в случае нашего ареста продолжал бы наше дело. Мы передадим ему все наши связи, конспиративные квартиры, адреса, явки, пароли. И если придется засесть в тюрьму, этот товарищ возглавит нашу организацию.

Надежда Константиновна мысленно перебирала всю организацию: кто же, кроме Владимира Ильича, может ее возглавить? Кто?

— А кого вы предлагаете, Владимир Ильич? — спросил Ванеев.

— Я думаю, что таким человеком может быть только Надежда Константиновна.

Надя вздрогнула от неожиданности.

— Что вы! Помилуйте! — с отчаянием воскликнула она. — И зачем так мрачно думать? Почему вы говорите об аресте?

— Потому что мы набираем силу, потому что рабочий класс поднимается на борьбу. Нас будут преследовать всегда, пока существуют классы. И по мере накала этой борьбы все яростнее будут нападки. Клевета и провокации, тюрьмы и ссылка, расстрелы и виселицы — все будет пущено против революционеров. Так будет всегда, пока не победит рабочий класс.

Запорожец побледнел, сжал кулаки и, привстав, дрожа от внутреннего волнения, стал читать стихи любимого им Тараса Шевченко:

Другого и не жди,
Не ожидай желанной воли —
Она заснула. Царь Микола приспал ее.
Чтоб разбудить больную волю поскорее, —
Обух придется закалить,
И наточить топор острее —
И волю миром всем будить.

— И волю миром всем будить, — тихо повторил Владимир Ильич. — Всем миром... Шевченко призывал к этому почти тридцать лет назад, имея в виду Николая первого. Он не знал тогда, что народится рабочий класс, который один способен разбудить волю. Итак, товарищи, какие у вас будут предложения по поводу наследника?

— Разумеется, Надежда Константиновна!

— Надя!

— Надежда!

Надежда Константиновна сидела оглушенная, скорее подавленная, чем обрадованная доверием товарищей. Только Зинуша знает, чего стоит ей, Надежде Крупской, преодолеть свою застенчивость. «Дали бы любую другую работу. Какой я руководитель?» — думала она с отчаянием.

— Мы хотим услышать ваше согласие, Надежда Константиновна. Вы согласны? Да? — Это голос Владимира Ильича.

— Я согласна, — спокойно и твердо ответила Надежда Константиновна, — но я думаю, до этого дело не дойдет, — поспешила добавить она.

— Великолепно! — обрадовался Владимир Ильич. — Сегодня же, сейчас вы примите от каждого наши связи, постарайтесь все это записать условным языком. Вы принесли какую-нибудь подходящую, «дамскую» книгу, как я просил?

— Да. — Надежда Константиновна вынула из ридикюля толстую книжку «Подарок молодым хозяйкам или наука об экономии ведения хозяйства» Елены Молоховец.

Все рассмеялись, так как знали нелюбовь Нади к стряпне и домашнему хозяйству.

— Итак, начинайте с меня. Я веду кружки: у Василия Шелгунова, кружок рабочих Невской заставы у Ивана Бабушкина... кружок рабочих порта Нового Адмиралтейства у Князева... кружок семянниковцев у Жукова... кружок рабочих с завода Сименса и Гальске у Яковлева... кружок рабочих Александровского завода у Меркулова и у братьев Бодровых...

Надежда Константиновна подумала и, раскрыв книгу, стала листать ее.

— Шарлотки мы отведем для Шелгунова, бабы очень вкусные для Бабушкина, кулебяки для Князева, жаркое для Жукова. И, кстати, запишите в книгу наши псевдонимы, пусть каждый сам себе придумает кличку, — предложил Владимир Ильич.

— Глебушка будет «Суслик», правда ведь он похож на него? — сказала Зина.

— А Зину наречем Булочкой, — парировал Глеб.

— Нас с Сильвиным поминайте как Минина и Пожарского, — предложил Ванеев.

— Князь Пожарский — это я, — отозвался Сильвин.

— А как будете называться вы? — спросил Владимир Ильич Надежду Константиновну.

Она посмотрела на стол. Перед ней стояло блюдо с недоеденной рыбой, посередине лежала нетронутая минога.

— Рыба... Минога, — ответила Надежда Константиновна и повторила: — Минога.

— Честь имею представиться: Гуцул, — сказал Запорожец, — а вот как будем величать вас? — спросил он Владимира Ильича.

— У Владимира уже есть кличка. Как мы его зовем между собою?

— Старик!

— Это, наверно, из-за моей лысины, — рассмеялся Владимир Ильич, проведя ладонью по голове. — Ладно. Старик так Старик! И еще одно условие, — многозначительно поднял палец, — самое трудное, самое тяжелое, но архинеобходимое. Мы прекращаем всякие дружеские посиделки. Встречи только по делу, только конспиративные. Большинству из нас придется сменить квартиры, надо рассредоточить наши силы, чтобы затруднить работу шпиков.

Наступило тягостное молчание. Лишиться дружеских встреч, утратить возможность за-

— Мы хотим услышать ваше согласие, Надежда Константиновна.

просто зайти к товарищу, поговорить по душам, сыграть партию в шахматы, посидеть за чашкой чая, попеть, потанцевать.

— Такой жестокости я от тебя, Владимир, не ожидал, — с тяжелым вздохом выдавил из себя Глеб.

— Прав Владимир Ильич, прав, — тряхнул кудрями Петр, — конспирация есть конспирация.

— Мы все хорошо понимаем, на что идем. Решение правильное, — одобрил Ванеев.

Надежда Константиновна молчала, склонившись над книгой, она накалывала булавкой буквы, зашифровывала адреса, клички... Она боялась поднять глаза.

— Итак, решили... решили... — Владимир Ильич на секунду задумался. Какая-то тень набежала на его лицо. Видно, нелегко ему было принимать такое решение. Он бросил взгляд на Надю и энергично продолжал: — Теперь распределим между собою районы Петербурга, назначим ответственных за работу в каждом районе, затем освоим рецепты тайнописи, научимся шифровать. За время моего отсутствия каждый из вас будет собирать сведения о положении рабочих на крупнейших предприятиях Петербурга. Я вот тут подготовил подробный вопросник. Собранные сведения передадите Надежде Константиновне. Главное, что сейчас волнует рабочих, это незаконные и непомерно большие штрафы.

— Низкий заработок тоже...

— Рабочим не под силу четырнадцатичасовой рабочий день...

— Дороговизна жилья...

— Гнилые продукты в заводских лавках...

Владимир Ильич слушал, наклонив голову набок.

— Совершенно верно. И все же вопрос о штрафах самый острый и наиболее уязвимый для фабрикантов. В России нет закона о продолжительности рабочего дня, нет закона о расценках, о размерах платы за жилище, о качестве продуктов. Но есть закон о штрафах, и этот закон грубо нарушается. Мы начнем с этого. Надо объяснить рабочим этот закон и показать, как его обходят фабриканты.

— А как объяснить? — спросила Надежда Константиновна.

— Вы соберете сведения, я напишу брошюру по возвращении из-за границы. Напечатать эту брошюру надо в типографии. Своей у нас нет. Надо использовать типографию народовольцев. И об этом должны позаботиться вы, дорогой наследник.

Работали напряженно под непрерывный колокольный звон.

Возвращались в Петербург последним поездом, в разных вагонах, переполненных подгулявшей публикой.

Надежда Константиновна сидела у окна. «Итак, наследница. Итак, никаких личных встреч. Только деловые, только конспиративные. А любовь?» Она раскрыла ридикюль, вынула из книги сплюснутый зонтик примулы. «Справлюсь ли?»

ЗАДАЧА НА ДЕЛЕНИЕ

Прозвенел звонок. В классе Надежды Константиновны кончился урок арифметики, но ученики не хотели расходиться. Сегодня Надежда Константиновна принесла газету «Биржевые ведомости». Рабочие эту газету не читают: ни к чему она им. Издается для фабрикантов, банковских дельцов, чиновников. Но в ней печатаются любопытные вещи. Надежда Константиновна прочитала, что доход одного из владельцев фабрики шерстяных изделий, англичанина Чарльза Торнтона, за десять лет составил 14 252 242

рубля. Этот Торнтон в другой газете напечатал, что в 1894 году у него на фабрике работало 2 577 рабочих и им было выплачено 527 987 рублей 50 копеек. Учительница предложила высчесть, сколько получает в неделю Торнтон и сколько в среднем зарабатывает его рабочий.

Попотели над этой задачей ученики. Никогда им не приходилось иметь дело с такими большими числами. Егорка, тот вовсе запутался. Для него любое число больше ста было непостижимой величиной. Но общими усилиями в конце концов подсчитали. Подсчитали и ахнули: Торнтону приходится в неделю 27 408 рублей 16 копеек, а рабочему — 3 рубля 93 копейки.

Эти цифры ошеломили рабочих.

— Врет Торнтон. — Я ткач, а никогда больше двух с полтиной в неделю не зарабатывал, да и с этого каждую третью копейку Торнтон вычитает за штрафы. Вот те крест! — перекрестился Семен Кроликов.

— Кровосос! Сколько у него глоток-то!

— С каждого заработанного нами рубля он за баню копейку берет, хоть мойся, хоть нет. Вот бы с него взять за баню по копейке с рубля, дорого бы обошлась ему баня!

— Устроим ему когда-нибудь баню и копеечки не возьмем, — потрясал лиловыми руками красильщик Петр Захаров.

— И наш Максвел не дурак, — вставил свое слово Захар Родионович, — сам во дворце живет, рысаков держит, а нас загнал в красный дом, мы там, как клопы. Постель на нарах одна на двоих. Один работает, а другой, сменщик, спит. Постель не успевает остывать. Два рубля за это сдирает Максвел.

Егорка сидел и прикидывал, сколько сапог у этого Торнтона. Каждый день, небось, новые надевает и с утра до вечера пряники жует. И в воображении Егорки под кроватью Торнтона выстроился ряд блестящих пахучих сапог с крепкими полосатыми ушками.

А Егорке сапог не видать. Степан после бунта заболел и не поднимается. Одна Фрося работает и еще ребенка ждет. Какие теперь сапоги!

Тут разговор повернулся на то, как бы проучить этого Торнтона.

— Он не уважает наш труд, — говорил Кроликов, — так давайте и мы будем работать ни шатко ни валко, мол, лучше не умеем.

— Ну и выгонит нас англичанин.

Егорке по душе пришлась мысль работать кое-как. Притвориться, будто слепой и не можешь быстро вдевать основу в глазки ремизок.

Предложение это озадачило рабочих. Они сидели, раздумывали, пожимали плечами.

— Ну, а что думает об этом Захар Родионович? — спросила Надежда Константиновна старого прядильщика с Максвела.

Захар Родионович не спешил с ответом. Он раскрутил кисет, захватил понюшку табаку и покачал головой.

— У меня сноровка в работе такая, что ежели я себя лениться заставлю, то товара должной доброты не дам, брак пойдет.

— Ну и что? — горячился Авдеев. — Ты вот стараешься, а другим за это расценки снижают. Кому добро делаешь?

— Значит, ты считаешь, что леность лучше трудолюбия? — спросил его Кроликов.

— Лентяй он и есть лентяй — никудышный человек, — сказал рабочий стеаринового завода. Его поддержали остальные.

Надежда Константиновна вопросительно посмотрела на Бабушкина. Что он скажет?

Иван Васильевич усмехнулся.

— Я тоже раньше так думал и других к этому призывал — давайте работать спустя рукава, зачем стараться для хозяина. Попробовал сам — не выходит. Признаюсь, братцы, — не умею я плохо мастерить. Рабочая гордость не позволяет. Когда распахиваются заводские ворота и выезжает красавец паровоз, у меня душа играет. Я каждую гайку, втулку помню и понимаю: это мы смастерили такую чудо-машину, и она будет людей возить. Плохо работать — это самому себе в душу наплевать.

— Правильно говоришь, Васильич, — похлопал Бабушкина по плечу Захар Родионович, — работать кое-как нам не годится. У хозяина совести нет, а у нас честь рабочая. Только нам надо подумать, как заставить хозяина наш труд уважать.

— Вот на Семянниковском зимой бунт учинили, а чего добились? — не унимался Авдеев. — Стали хозяева ваш труд уважать?

Бабушкин замотал головой.

— На Семянниковском много дров наломали. Да уж очень накипело. А действовать надо подругому. Против несправедливостей от всего рабочего мира надо хозяину требования предъявлять. Не согласится выполнить — рабочие останавливают машины. Завод замирает, и замирает сердце хозяина — плачут его барыши. И теперь уж кто кого. Мы ждем, терпим, ничего не ломаем, но и рук к машинам не прикладываем. И коли мы не дрогнем, на своем стоять будем, хозяину ничего не останется делать, как пойти на уступки.

— А ты что, не знаешь, как с забастовщиками расправляются? — спросил Авдеев.

Иван Васильевич рассмеялся.

— Дурья твоя голова. Разве я говорил о забастовке?

— О, как же это называется?

— Называй как хочешь, но видит бог, что я слова «забастовка» не произносил. Кто умный, сам поймет, что я разумел.

Чернявый, о котором предупреждали Надежду Константиновну, что он на Гороховую ходит, сидел, вжавшись в стенку, только беспокойно блестели его глаза.

— Пора расходиться, — напомнила Надежда Константиновна. Семен Кроликов, уходя, передал учительнице тетрадь.

— Я тут сочинение написал, проверьте, не откажите.

Оставшись одна в пустом классе, Надежда Константиновна раскрыла тетрадь. В нее были вложены два пропуска на фабрику Торнтон и «Сочинение» — сведения о фабрике.

Кроликов писал: владелец фабрики Бэкман, Чарльз и Вильям Торнтоны, они же директора фабрики, подданные Великобритании.

Управляющие конторой: Либстер, Котес, Иогансон, Ланге, Брандерс, Бертранд, Дворцов и Колотушкин.

Надежда Константиновна усмехнулась: только двое русских и к тому же с такими примечательными фамилиями.

Мастеров шестнадцать: девять англичан, шесть немцев и один русский. Рабочие все русские, большинство со Смоленщины, есть тверские, псковские. Подростков на фабрике 190, из них 110 девочек. Рабочий день начинается в пять часов утра и кончается в семь часов пятнадцать минут вечера. Четырнадцать часов пятнадцать минут!

Надежда Константиновна сложила листок бумаги и спрятала его вместе с пропусками за подкладку ридикюля.

Остальные сведения они соберут с Аполлинарией сами, для этого и добыл Кроликов пропуска.

Ехала домой в полупустой конке. Шлиссельбургский тракт погрузился во тьму. Редко в каком домишке мерцал огонек. Сошла с конки на углу Лиговской улицы, перешла на Знаменскую, остановилась в нерешительности возле дома. Может быть, пойти к маме? Она живет на другом конце Знаменской. Надя — в комнатушке, Елизавета Васильевна снимает огромную, многокомнатную квартиру на углу Гродненского переулка. Мать и дочь живут теперь раздельно.

«Милая мамочка, дорогой мой помощник!» — с нежностью подумала Надежда Константиновна.

С какой легкостью и пониманием Елизавета Васильевна согласилась отказаться от уроков, снять большую квартиру, пустить в нее квартирантов и давать «дешевые домашние обеды и ужины». Квартира Елизаветы Васильевны стала явочной квартирой для марксистов. Квартиранты были вполне благонадежные: коллежские регистраторы, почтовые и железнодорожные чиновники. А «дешево пообедать» мог зайти каждый. Квартира Елизаветы Васильевны была вне подозрений.

«Очень хочется зайти к матери, прижаться к ней щекой, взглянуть на нее, но, наверно, уже спит, устала», — подумала Надежда Константиновна и поднялась к себе.

Комната Нади должна быть «чистой». Сюда из товарищей никто не ходит. Все книги в комнате вполне пристойные для барышни и учительницы, никакой запрещенной литературы. И только круглый столик на толстой ножке молчаливо хранит тайны. Обыкновенный столик, на котором стоит самовар и чайник. На обыкновенной граненой ножке, украшенной круглыми точеными большими пуговками. Отвернешь одну пуговку, и открывается просторное и глубокое дупло, в котором все секретные бумаги организации: списки членов кружков, пароли и явки, адреса. Они зашифрованы. Ключ к шифрам в толстой книге «Подарок молодым хозяйкам», которая лежит на столе.

Надя вынула из-под подкладки сумки «сочинение» Кроликова, открутила пуговку, засунула бумаги в дупло, вновь закрутила и придирчиво посмотрела, не стерся ли лак с этой пуговки от частого пользования. Нет, лак крепкий.

Этот столик по просьбе Владимира Ильича заказал Иван Васильевич Бабушкин одному столяру и сам привез его к Надежде Константиновне на квартиру, когда она переезжала с Невского в эту комнату.

Надежда Константиновна отколола шпильки, распустила косу, взяла в руки «Подарок молодым хозяйкам», раскрыла ее.

Желтые глазки примулы не утратили своей яркости, но им было душно между страницами, не хватало воздуха.

Скоро, уже очень скоро должен вернуться он, Владимир.

НА ТОРНТОНЕ

Владения Торнтона расположены на правом берегу Невы, в девяти верстах от Петербурга. Но начинаются они с левого берега, с парома. Моста через Неву здесь нет. Переправляются люди, грузы, скот на пароме, а паром — собственность Торнтона.

Надя и Аполлинария подождали, пока на паром въедут подводы, груженные огромными тюками шерсти, бочками с краской, ящиками. За подводами на палубу стали заходить люди. Приказчик собирал деньги.

Девушки пристроились у перил. Паром, тяжело переваливаясь с боку на бок, выглаживал зыбь на реке, оставляя за собой зеленовато-серую полосу. Крестьяне с котомками, в лаптях и армяках жались друг к другу.

Крутой невысокий правый берег Невы буйно зарос лопухом и крапивой. С пристани к фабрике идет топкая дорога.

Девушки на пристани в толпе оглядели друг друга. Надя сделала знак Аполлинарии пониже надвинуть на глаза платок. Подобрали длинные юбки и, еле вытаскивая ноги из вязкой грязи, двинулись к проходной. Вывеска «Товарищество шерстяных изделий Торнтона» сияла золочеными буквами на солнце. Шестиэтажные кирпичные здания, казалось, были раскалены. Мелко зарешеченные окна делали фабрику похожей на тюрьму. Справа у фабрики в тенистом саду большое двухэтажное здание — жилой дом Торнтонов. Ярко-зеленые лужайки, цветники так не сочетались с окружающим пейзажем, с кривой ухабистой дорогой вдоль Невы. Фабрика представлялась неприступной крепостью, окруженной рвом, наполненным водой.

— Ну и ну! — пробормотала Надя. — И сад английский и ров вокруг крепости, как в средневековом замке.

— Считай, что мы попали в Шотландию, — сказала Аполлинария.

— Нет, скорее в английскую колонию.

Крестьяне, сойдя с парома, присоединились к толпе у фабричной стены. Это была биржа. Здесь хозяин фабрики выбирал себе рабочих.

Девушки вошли в проходную, показали сторожу пропуска и пошли было дальше, но сторож, видно, бывший унтер, гаркнул:

— Обождь! Пронос есть? Дай проверю, — и протянул руки к Наде. Она поняла, что этот унтер собирается их обыскивать, живо вынула из кармана двугривенный и сунула ему.

— Никакого проноса у нас нет.

— То-то! Проходь!

На фабричном дворе было безлюдно. Из-за решетчатых окон доносился гул, скрежет, лязг. И вдруг воздух разорвал гудок. Казалось, гудела во всю свою глотку фабричная труба, вблизи выглядевшая огромной башней.

Раскрылись одна за другой железные двери фабрики-тюрьмы, и во двор серым потоком хлынула людская масса. Огромная чаша двора заполнилась людьми, вынесшими с собой тяжкий запах мокрой шерсти, красок, машинного масла, людского пота. Этот поток подхватил и увлек девушек с собой, к широким воротам, за которыми были жилые казармы.

Три длинных шестиэтажных корпуса вытянулись в одну линию, только крайний левый подался назад, и участок перед ним был обсажен деревьями и обнесен изгородью. На зеленой лужайке за изгородью хорошо одетые дети играли в серсо, бегали, качались на качелях, шумели, как и полагается детям. Их звонкий смех резал уши в этом тюремном дворе. Девушки подошли к изгороди. На площадке появилась строгая дама в пенсне. «Чилдрен, лет ас гоу хоум! Куикли!» [1].

— Это, наверно, дети английских служащих, — сказала Надя.

Рабочие, толкаясь и переругиваясь, устремились в двери первых двух корпусов. Трудно было представить, что эти два дома могут вместить в себя такое несметное количество людей.

Надя подалась в семейный корпус, Аполлинария — в корпус, где жили холостые. Поднявшись на шестой этаж, Надежда Константиновна глянула вниз. На дне широкого лестничного пролета, как муравьи, копошились люди. «Хорошо отсюда листовки сбрасывать, — мелькнула мысль — разлетятся по всем этажам, попадут в руки сотен людей».

Лидия Михайловна Книппович обещала устроить печатание листовок и брошюр в народовольческой типографии. Ждали только возвращения Владимира Ильича из-за границы, чтобы приступить к делу. А сейчас все члены центрального марксистского кружка собирали материалы по вопроснику, составленному Владимиром Ильичем. Для этого пришли сюда Надя и Аполлинария.

Постепенно лестница пустела, люди разбрелись по этажам, по своим каморкам.

[1] Дети, пойдемте домой. Быстро. (Англ.)

Надя толкнула дверь и снова попала в муравейник. По бесконечному, длинному коридору сновали люди, хлопали бесчисленные двери по обе стороны коридора.

В конце коридора — кухня, где на полуторасаженной плите стояло несколько десятков чугунков. Женщины их быстро разбирали и уносили в комнаты. На чугунках были метки белые, синие, красные — чтобы не перепутать. Все чугунки источали одинаково тяжелый запах пареной капусты и картошки.

На Надю никто не обратил внимания. Она зашла в первую попавшуюся комнату. За длинным дощатым столом сидело человек десять. Пестрые, цветные занавески отделяли широкие деревянные кровати, на них спали семьями. Серые стены словно забрызганы бурой краской — следы раздавленных клопов.

— Хлеб да соль! — сказала Надя.

— Кого бог послал? — ответила пожилая женщина, вытирая рукой рот. Внимательно оглядев девушку, опознала в ней барышню. — Чего вам надобно? — спросила неприязненно.

— Я учительница из церковно-приходской школы. Хочу познакомиться с вашей жизнью, — сказала Надя и улыбнулась. Эта добрая улыбка сразу сломала стенку недоверия.

— Сидайте, — подвинула женщина табуретку. — Чего с нашей жизнью знакомиться? Мы все тутотка.

— Неказистая наша жизнь, — сказала другая женщина с ребенком на коленях.

Мужчины молчали. Две девочки с любопытством смотрели на гостью.

— Девочки в школу ходят?

— Куды им в школу, обои работают.

— Вы все работаете на фабрике?

— Все. Почему не все. Вот только мой мужик свое отработал — машиной руку испортил. С фабрики уволили, податься некуда.

Только сейчас заметила Надя, что мужчина, хмуро поглядывавший на нее, ест левой рукой, а правая кисть закутана в какое-то тряпье. Он отложил ложку в сторону.

— Барышня, вы учительница, стало быть, грамотная. Мне тут писарь бумагу написал, а что в ней, я плохо понял. Почитайте мне, христа ради.

— Давайте, давайте!

— А ну-ка, Дарья, вынь бумагу.

Женщина подошла в передний угол и вынула из-за черной доски иконы, на которой различались только большие скорбные глаза, бумагу. Протянула Наде.

Надя читала вслух. Все положили ложки на стол и слушали.

Каллиграфическим почерком с завитушками и хвостиками на бумаге было выведено:

«Расписка.

Я, нижеподписавшийся, Егор Петров Сапожников из крестьян Смоленской губернии, Гжатского уезда, Воробьевской волости, деревни Груздево, даю сию расписку в том, что получил от Товарищества шерстяных изделий Торнтон в Санкт-Петербурге единовременное вознаграж-

дение в размере 75 (семидесяти пяти рублей серебром) за несчастный случай с потерей указательного пальца правой руки, приключившийся 2 января 1895 года на фабрике Товарищества шерстяных изделий Торнтон, и удостоверяю, что таковой суммой я вполне удовлетворен и никаких дальнейших претензий Товариществу шерстяных изделий Торнтон я не имею и иметь не буду и обязуюсь как за себя, так за жену и детей моих никаких жалоб и исков по поводу данного случая никогда не возбуждать.

За неграмотностью поставил три креста».

— Вам здесь все понятно? — спросила Надя.

— Понятно-то понятно, да только слова какие-то непонятные. У меня вся рука не действует, а доктор говорит: рука целая, один только палец оторван, стало быть, и цена поставлена за один палец. Конечно, что и говорить, семьдесят пять рублей деньги агромадные, но это на всю жизнь, — а рука-то пропащая — ни на машине работать, ни пахать, ни косить.

— За палец семьдесят пять рублей, — вздохнула Надя.

— Я ничего не говорю, барышня, большие деньги, но за всю руку двести бы отвалили, а на кой она мне рука, когда она недвижная!

— За руку, говорите, двести, а за жизнь?

Здесь в разговор вступили все.

— Нашей сватье Лизавете Яркиной за мужика Торнтон аж целых восемьсот рублей серебром отвалил. Ейного мужика Михаила тюком ушибло. Подымали тюк с пряжей, веревка оборвалась, и тюк на него. Он так скорчимшись и остался сидеть. Пятеро детишек у него, теперь, слава богу, не погибнут. Хочь и лютый Торнтон, а коли беда придет, так без помощи не оставит.

— Не Торнтон это, а вы сами себе помогаете. Он вычитает у вас из заработка деньги, вносит их в страховое общество «Россия», и это общество выплачивает за увечья да еще прибыль от этого имеет.

— Вон оно что, — помрачнел Егор Петрович, — а я еще хотел за него свечку поставить.

— А как у вас со штрафами? — спросила Надя.

— Вот со штрафами прямо хоть в петлю лезь. Обирают нас Торнтоны.

— Покажите ваши расчетные книжки.

Дарья из-за той же божницы вынула пачку книжек, обернутых в газетную бумагу. Все окружили учительницу. Она перелистывала книжки. Прав был Владимир Ильич, штрафы — самое больное место. Два раза в месяц каждую вторую и четвертую среды выстраивалась очередь к артельщику, и ни один рабочий не знал, сколько он получит: часто вычеты составляли четверть, а то и треть заработка.

— Но у вас тут ни одной отметки о штрафах, — сказала Надя, возвращая книжки. — Отмечены вычеты за квартиру по два рубля с человека, за баню, за паспорт, а штрафа — ни копейки.

— Так мастер у себя в книжице записывает. Он-то знает, сколько с кого вычесть. А по-русски он не умеет писать.

— И вы должны знать, сколько и за что уплатили штраф. Есть закон о штрафах. Если вычеты будут записывать, то можно проверить — по закону вычли или нет.

— Неужто такой закон есть? — недоверчиво спросил Егор Петрович.

— Есть, есть. И этого закона добились такие же рабочие, как вы, ткачи и прядильщики Никольской мануфактуры, что под Москвой. Хозяин Тимофей Морозов такие большие штрафы с них взимал, так притеснял, что жить стало невозможно. Они бросили работу...

— Забастовали, стало быть?

— Да. И правительство издало закон о штрафах. У вас на фабрике есть фабричный инспектор. Он должен следить за тем, чтобы закон исполнялся. Вы ему жаловались?

— А, — махнул рукой другой обитатель комнаты, рослый мужчина с рябым лицом. — Инспектор на задних лапках перед хозяевами ходит, он за нами следит.

— Может, Торнтон про тот закон и не знает, ведь он по-нашему, по-русски, не разумеет, — усомнилась Дарья. — Мастера тоже все иноземцы. Знают только «русский свинья», «русский сволочь» да еще разные ругательства.

И полились жалобы.

Торнтон не разрешает в вечерне-воскресную школу на левый берег ездить, завел свою школу. Приходят семинаристы из духовной семинарии, читают священное писание... Не велит жениться и выходить замуж за рабочих с левой стороны Невы... Велит хоронить людей только на своем кладбище... Два рубля с человека за жилье берет, а здесь дышать нечем, вши заедают, клопы спать не дают...

...Аполлинария ждала подругу внизу. После обеда население казармы толклось во дворе. Особенно людно было на площадке между конюшней и холостой казармой. Здесь играли в карты, в орлянку. Брань сыпалась изо рта, как шелуха семечек.

Поля сжала руку подруги, ее глаза были полны отчаяния и горести.

— Как страшно люди живут, — шепнула она.

В проходной сторожу снова пришлось дать двугривенный, чтобы избавиться от обыска.

— Уфф! — вздохнула Поля, когда они вышли за ворота.

— Одни продают совесть, другие труд. Смотри-ка, Торнтон покупает себе рабочую силу. — Надя потянула подругу к площадке у стены, где толпа крестьян вытянулась в два ряда, как солдаты на смотру.

Высокий мужчина в светло-сером костюме и перчатках медленно шел между рядами. За ним семенил приказчик. Торнтон остановился перед молодым парнем, потряс его за плечи, пощупал мускулы, оттянул подбородок, заглянул в рот. «Хи из ол райт, зэт уан уил ду» — этот мне подходит», — бросил он через плечо приказчику. Осмотрев таким же манером стоявшую рядом женщину, брезгливо сказал: «Ши вонт ду!» — «Не подходишь», — объяснил ей приказчик.

Женщина рухнула на колени. «Эвей, эвей» (прочь, прочь), — поморщился англичанин.

Девушки поспешили к парому.

В перламутровом освещении белой ночи фабричные здания, казалось, раскалились докрасна. Труба-башня попыхивала дымом, как кратер действующего вулкана.

— Неужто такой закон есть? — недоверчиво спросил Егор Петрович.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Рисунок П. ПАНЧЕНКО.

УЧЕНЬЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

Читать, читать, читать...

В Новосибирском академгородке я познакомился с **Самсоном Семеновичем КУТАТЕЛАДЗЕ.** Он член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института теплофизики. В этом институте занимаются созданием принципиально новых энергетических машин и аппаратов.

Самсон Семенович сделал много открытий, создал более двухсот научных работ. Труды Кутателадзе хорошо известны у нас и за рубежом. Судьба его в науке не совсем обычна. В двадцать пять лет он написал сложнейшую книгу — «Теплопередача при изменении агрегатного состояния». В то время он не имел еще высшего образования и свой диплом защитил только в тридцать шесть лет. Была война. С первых дней Самсон Семенович воевал и поступить учиться смог только через несколько лет после того, как отгремели сражения. Многие удивлялись: за три года окончил институт. Спустя два месяца защитил кандидатскую диссертацию, еще через полтора года стал доктором физических наук.

Собственно, чему тут удивляться?! Человек много и серьезно работал, учился самостоятельно. И мне захотелось расспросить его, как он это делал, чтобы его советы помогли вам, ребята.

О. ТИХОМИРОВ,
корреспондент журнала «Пионер»

Самсон Семенович, вам приходилось много самостоятельно заниматься. Есть ли у вас какие-то особые «секреты»?

Охотно поделился бы с ребятами всеми своими секретами, но никаких особых секретов у меня нет. Всегда, правда, считал, что главное — это знания. Чтобы знать, нужно читать, читать, читать. Я повторил бы это не три раза подряд, а раз десять — пятнадцать, такое значение я придаю чтению, книгам.

А как выбирать книги, что читать?

Выбирать необходимо. Известно, что человек за свою жизнь может внимательно прочитать примерно три тысячи книг. И это должны быть хорошие, прекрасные книги. Лучшие произведения литературы (классика и современность) и то, что необходимо для работы, для любимого дела, для широкого и разностороннего образования.

Часто ребята спрашивают, сколько времени надо тратить на уроки, сколько надо заниматься?

Вряд ли есть польза сидеть за учебниками до умопомрачения. Так легко расшатать нервную систему. Нужно как бы «промывать мозги»: почитать что-нибудь из Дюма или детективы. Не улыбайтесь, это я серьезно. Знаете, я считаю, что детективы заражают человека бодростью, энергией, стимулируют к действию. Надо и спортом успевать заниматься. Не зря еще древние греки говорили: «В здоровом теле — здоровый дух». И в кружки пойти и с друзьями встретиться...

Есть ребята, которые убеждены, что их призвание — математика и физика, а такие предметы, как литература, русский язык, история, им не очень-то нужны...

У человека должен быть широкий кругозор. Нужно иметь собственное творческое отношение и к математике и к тем или иным литературным произведениям — иначе неинтересно жить. На ваш вопрос я могу ответить и наглядно. Хотите взглянуть на мою библиотеку?

(Мы идем с Самсоном Семеновичем в соседнюю комнату. Длинные ряды книжных полок у стен красноречиво говорят о широких интересах хозяина.)

— Человек живет в обществе и не может общаться с людьми лишь при помощи математических формул,— шутит Кутателадзе.— Я уверен, что в школе не все ребята определяют для себя, к чему у них склонность — к гуманитарным наукам или к естественным. Но я убежден, что литература и история всем необходимы.

У меня во дворе живет один мальчишка, который считает, что экзамены — это удача, а чтобы она тебе сопутствовала, нужно измазать левый мизинец чернилами, а под правую пятку положить пятак «на орла». Что бы вы сказали этому мальчишке?

Если говорить серьезно, то лучше сдать хуже экзамены, но знать хорошо. И еще следует строже к себе относиться. Не стоит радоваться, если удача слишком легка и случайна. В науке нельзя, например, торопиться. Нужно много раз все проверить и только потом приходить к определенному выводу. У меня с довоенного времени есть неопубликованные работы. Вроде бы и годы прошли, а все же кое в чем я сомневаюсь.

Что касается испачканных чернилами пальцев, то это не беда: чернила быстро смоются. Правда, столь же скоро исчезнет у этого мальчишки и тот незначительный багаж знаний, с которым он шел на экзамены.

Самсон Семенович, что бы вы пожелали нашим читателям?

Целеустремленности. И читать, читать, читать...

ЧТОБЫ ПОМОЧЬ ТЕБЕ...

Л. СИМОНОВА

Фотографии В. ГУСЕВА и В. ШКОЛЬНОГО.

Как продолжить Марш «Всегда готов!»? Как помочь тебе, твоему отряду, твоей дружине жить интересно, дружно, весело? — об этом говорит с членами штаба слета Алевтина Васильевна Федулова, председатель Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Утром, когда тысячи, миллиарды веселых, ласковых, сверкающих солнечных лучей разбегаются в разные стороны, чтобы согреть и развеселить море и кипарисы и ребят-артековцев, и вечером, когда солнце превращается в огромный огненно-рыжий шар и присаживается на склоне Аю-Дага отдохнуть после трудного рабочего дня, и в любую другую минуту по первому зову, по первому сигналу собирается ШТАБ СЛЕТА. Бежит по длинному-длинному шоссе от Гурзуфа до горы Аю-Даг артековский «рафик», и из всех десяти пионерских лагерей «Артека» выходят ему навстречу ребята в красных пилотках — штабисты. «Рафик» везет их в штаб.

Кого выбрали штабистами? Завру Абдулфайзиеву из Узбекистана. Каждый день она собирала больше хлопка, чем взрослые, и за четыре месяца собрала одиннадцать тонн. Завра награждена орденом Трудового Красного Знамени. Наташу Походееву из Краснодарского края — пять лет собирает Наташа помидоры на колхозном поле — по 800 килограммов в день. Медалью «За трудовое отличие» отмечена ее работа. Члена московского городского штаба Юру Зеленина, вы помните, он приветствовал XVII съезд комсомола. Виктора Вучитича, члена городского пионерского штаба Тирасполя, он представляет на слете делегацию Молдавии; Арниса Логина из Латвийской ССР: он член районного пионерского штаба Риги. Лучших из лучших... ШТАБ — мозг и сердце слета!

Вы уже знаете, VI Всесоюзный пионерский слет дал старт новому этапу Марша «Всегда готов!». Этот год Марша посвящен 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне!

У Марша интересные и сложные задачи. Хорошо ли понял их каждый пионерский отряд, каждый пионер? Слет принял Обращение ко всем юным ленинцам страны. Все ли отряды, дружины знают, как приступить к делу, чтобы все выполнить, все успешно довести до конца?

Слет закончен, но штаб, боевые его командиры снова вышли к «рафику» на дорогу, помчались в свою просторную штабную комнату, чтобы поговорить о том, как твоему отряду стать правофланговым, подружиться, жить интересно, весело.

— ГЛАВНОЕ — ЭТО ДРУЖБА, — сказал Арнис Логин. — БЕЗ ДРУЖБЫ НЕТ ПОБЕДЫ! И все боевые командиры согласились: ПОБЕЖДАЮТ ДРУЖНЫЕ.

Мы спросили: «Как отряду подружиться?» Многие ребята жалуются, что отряд их недружный, девочки и мальчики ссорятся... Арнис сказал:

— Секрет простой. Подружиться помогает общее дело. И пусть у каждого, обязательно у каждого, будет в этом деле свое место, свое поручение, задание... Нашему отряду помогла подружиться «Зарница». Кто был сапером, кто санитаром, кто корреспондентом. Даже самые неисправимые лентяи включились в игру. Мы вместе готовились, вместе волновались, когда показалось, что проигрываем, вместе радовались победе. И после этого отряд наш стал побеждать, потому что мы подружились...

Штаб слета помог и журналу «Пионер». По просьбе Всесоюзного штаба Тимура ребята раздали, а потом собрали тимуровскую анкету. Посмотрели все вместе ответы и порадовались: у тимуровских команд и отрядов верные и надежные помощники — пионерский актив.

— И нам помогла подружиться работа в производственной бригаде, — сказала Лена Пупина из деревни Порплище, Витебской области. — Не все клеилось сначала. Ребята помогали друг другу — хотелось общее задание выполнить поскорее. После работы вместе пели у костра, шутили, разговаривали — и подружились. Теперь работать легче. Хорошо, когда тебя понимают с полуслова. Многие наши товарищи получили медали «Юный участник ВДНХ». Я тоже...

— И еще есть один очень простой секрет, как подружиться, — вступила в разговор Мухаббат Кадырова из Душанбе, Таджикской ССР. — Надо быть приветливым и дружелюбным со всеми. Это не так уж сложно. Когда я пришла в новый класс, каждый мне улыбнулся, и сразу стало хорошее настроение. Если человек в учебе отстает, попробуйте не ругать его, а понять, в чем дело, может быть, надо ему помочь. А если уж необходимо пробрать кого-то, сделайте так, чтобы он понял: это не зря.

— У нас все зовут друг друга только по имени, — сказал Сережа Платонов, председатель совета дружины имени Олега Кошевого 681-й московской школы. — И никаких кличек, даже по фамилии не назовут. Мы ведь много лет учимся вместе. Нельзя дружить, не уважая друг друга. Мы стараемся каждому поручать такое дело, которое ему нравится, интересно выполнять, — в этом тоже уважение к товарищу. И всегда стараемся сами подметить, кому сейчас трудно, кто чем-то расстроен, озабочен. Без взаимной помощи, без уверенности, что тебя поймут, поддержат, нет дружбы...

«ГЛАВНОЕ — ПОНИМАТЬ ЦЕЛЬ ДЕЛА, КОТОРОЕ ВЫПОЛНЯЕШЬ», — думает Наджиба Гасанова из города Геокчай, Азербайджанской ССР. Наджиба тоже награждена медалью «За доблестный труд».

— Солнце у нас горячее, — рассказывает Наджиба, — жжет спину, а ты, согнувшись, идешь и идешь и собираешь хлопок. Потому что нужно. Трудно, но стране нужно. Когда каждый пионер это понимает, то отряд может собрать 25 тонн хлопка, как наш отряд.

— И я так считаю, — поддержал Наджибу Каро Демирджян из Еревана. — Когда понимаешь, что Байкало-Амурской магистрали нужны рельсы, много металла — на 3 200 километров пути, как тут не поспешишь собирать металлолом! Или макулатуру, когда лес стране надо сберечь! И еще я думаю, приступать к делу надо, когда оно тебе уже нравится. У нас на Кавказе так говорят: «Хорошее начало — половина дела!»

— И у нас на Украине такое же мнение, — сказал Сережа Барабаш из Киева. — Я бы любому отряду посоветовал: прежде чем взяться за что-нибудь, все хорошенько обдумать, распланировать, решить, кому что поручить, объяснить каждому, какая польза будет от его работы, тогда все хорошо пойдет. И в конце дела надо всем рассказать, что он именно успел, как все вместе оценивают работу друг друга, что удалось сделать. И не забыть сказать добрые слова...

Ну, а если кому-то дело покажется скучным?

— Было так однажды у нас, — ответила Мухаббат. — Расчищали мы школьный сад. Занятие довольно однообразное, а сад большой. Прошло время, кое-кто стал охать и ойкать; тогда мы предложили работать по звеньям и соревноваться. Тут уж дело чести! Все перестали хныкать, и работу быстро-быстро кончили...

— ГЛАВНОЕ, ЧТОБЫ ВОВРЕМЯ ПРИХОДИЛИ В ГОЛОВУ ХОРОШИЕ ИДЕИ И ВО ГЛАВЕ ДЕЛА СТОЯЛИ НАСТОЯЩИЕ, БОЕВЫЕ КОМАНДИРЫ, — сказал москвич Юра Зеленин, начальник штаба VI Всесоюзного слета.

— Быть командиром трудно, — признался Виктор Конча, председатель городского пионерского штаба «Факел» города Новосибирска. — Командир шагает впереди, но если он слишком далеко уйдет, забудет на своих ребят оглянуться, оторвется от них, — беда! И командиру плохо и отряду. Командир берется за самое трудное, но грош ему цена, если это трудное завтра, послезавтра, через год не осилит каждый пионер его отряда. Командир честно и смело скажет любому, если тот неправ, но и свою ошибку признать не побоится...

— Командир не тот, кто командует, — сказала Наташа Походеева. — Командир тот, кто умеет повести за собой ребят, потому что веселый и выдумывать умеет, и сам все делать умеет, и никому помочь не откажет...

— Командир к каждому должен подход найти, — добавил Виктор Вучитич. — У нас был один мальчик, плохо учился. Спортом заниматься — это его стихия, а учебники... Мы поручили ему в отряде отвечать за маршрут «Сильные, ловкие, смелые». Видно, должен человек почувствовать себя нужным другим, почувствовать свою ответственность за что-то; стал он мало-помалу втягиваться в отрядную жизнь, за учебники сел — неудобно же активисту с тройки на двойку перебиваться. А мы ему помогли...

— А еще ГЛАВНОЕ, — решили все вместе, — НЕ УНЫВАТЬ, ДЕЙСТВОВАТЬ ВЕСЕЛО И СМЕЛО, ЧТОБЫ САМИМ ЖИЛОСЬ ИНТЕРЕСНО И СТРАНЕ ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ. И ВО ВСЕХ СВОИХ ДЕЛАХ ПРИМЕР БРАТЬ С КОММУНИСТОВ И КОМСОМОЛЬЦЕВ, РАСТИ ТАКИМИ ЖЕ, КАК ОНИ, ПРЕДАННЫМИ ДЕЛУ ЛЕНИНА, ПАРТИИ, НАРОДА, РОДИНЫ!

Как приятно и порой важно получить письмо от друга!

VI Всесоюзный слет пионеров уже в летописи пионерской организации. Но штаб слета всегда готов помочь тебе и твоему отряду. Штабисты дают тебе свои адреса:

Юра ЗЕЛЕНИН, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 23, корп. 1, кв. 90.
Бенита ПАЙ, Эстонская ССР, г. Таллин, ул. Ленина, д. 8, кв. 1.
Виктор ВУЧИТИЧ, Молдавская ССР, г. Тирасполь, ул. Юности, д. 12/3, кв. 12.
Евгений ГУЗЮК, УССР, Волынская обл., г. Киверцы, ул. Советская, д. 8.
Геннадий ЗАМАРАЕВ, Киргизская ССР, пос. Кант, ул. Октябрьская, д. 14.
Наталья ПОХОДЕЕВА, Краснодарский край, Крымский р-н, х. Гвардейск.
Виктор КОНЧА, г. Новосибирск, пр. Дзержинского, д 7, кв. 38.
Мухаббат КАДЫРОВА, Таджикская ССР, г. Душанбе, ул. Чехова, д. 3, кв. 19.
Сергей БАРАБАШ, УССР, г. Киев, бульвар Р. Роллана, д. 29, кв. 85.
Сергей ЕМЕЛИН, Ульяновская обл., г. Сенгилей, ул. Советская, д. 18.
Каро ДЕМИРДЖЯН, Армянская ССР, г. Ереван, 1-й Норский массив, д. 37, кв. 29.
Арнис ЛОГИН, Латвийская ССР, г. Рига, ул. А. Пумпура, д. 5, кв. 9.
Елена ПУПИНА, БССР, Витебская обл., Докшицкий р-н, п/о Порплище, дер. Порплище.
Сергей ПЛАТОНОВ, г. Москва, ул. 2-я Владимирская, д. 16, корп. 4, кв. 2.
Анна ХОДЖАГЕЛЬДЫЕВА, Туркменская ССР, г. Мары, ул. Ленинградская, д. 12.
Анатолий ПЕТРАКОВ, Кемеровская обл., г. Осинники, пер. Пушкина, д. 5, кв. 12.
Фатьма ЩУКЮРОВА, Азербайджанская ССР, г. Баку, ул. Папанина, д. 99, кв. 10.
Наджиба ГАСАНОВА, Азербайджанская ССР, г. Геокчай, ул. Хагани, д. 47.
Завра АБДУЛФАЙЗИЕВА, Узбекская ССР, Самаркандская обл., колхоз «Москва».
Михаил ПАНФЕРОВ, г. Саратов, 10-я Линия, д. 2а.
Бируте ТАРАНДАЙТЕ, Литовская ССР, г. Хуршенай, ул. Прамонес, 2.

Ты можешь написать им. Напиши и нам в «Пионер». Этот разговор, если он поможет тебе, мы продолжим на страницах журнала.

С вами говорит Гладис Марин!

Когда мы вместе, мы великая сила! Это еще раз почувствовали все делегаты VI Всесоюзного пионерского слета на митинге солидарности с народами, борющимися за свободу, независимость, социализм.

К костровой площади артековской дружины «Лесная», где проходил этот митинг, неожиданно подъехала машина. Прямо с самолета привезла она к ребятам героиню чилийского народа

Гладис Марин. Генеральный секретарь Союза коммунистической молодежи Чили, член Политической комиссии Коммунистической партии Чили, депутат парламента, преступно разогнанного фашистской хунтой, Гладис Марин обратилась к делегатам с пламенной, страстной речью.

Услышь и ты эти слова! И пусть твой отряд, твоя пионерская дружина откликнутся на этот призыв, встанут в строй борцов за независимость и свободу народа Чили, всех народов, борющихся за свободу и независимость.

«Народ Чили победит!» — вместе с Гладис Марин скандирует весь Артек.

— Я только что приехала в вашу прекрасную республику пионеров, где собрались не только советские пионеры, но и дети, юноши из разных стран мира. Мне пришлось пересечь океан, пересечь разные страны и сделать еще очень многое, чтобы увидеть вас.

Дети говорят о солидарности с Чили, дети всех стран мира выступают вместе со всеми народами за солидарность, против империализма, за мир.

Когда я вижу все это, я говорю: «Что человечество может быть спокойно за будущее». Каждый из вас является солдатом мира, патриотом своей родины, солдатом человечества!

Вы знаете, что я приехала из далекой страны, которая называется Чили. Чили — маленькая страна, но это прекрасная страна, страна смелых людей. Империализм и реакция нанесли страшный удар народу Чили, они зверски убили президента Сальвадора Альенде. Они убили тысячи чилийских патриотов, и среди убитых и погибших есть дети, есть совсем молодые ребята. Чили сейчас — это страна боли, страна слез, страна, в которой многие дети лишились отцов и матерей.

Наш народ не стал на колени, наш народ не сломлен. Он борется в ужасно трудных условиях. И мы уверены, что народ Чили победит в этой борьбе, потому что с ним солидарны все народы мира.

Что такое солидарность?

СОЛИДАРНОСТЬ — это наша дружба.

СОЛИДАРНОСТЬ — это те письма, которые вы, советские дети, и дети разных стран мира посылаете в Чили, выражая свой протест фашистской хунте.

СОЛИДАРНОСТЬ — это деньги, которые вы собираете для помощи чилийскому народу, для помощи детям, чьи родители погибли или арестованы.

СОЛИДАРНОСТЬ — это ваша почта Мира, которую вы в бутылках бросаете в море, чтобы она дошла до разных стран.

СОЛИДАРНОСТЬ — это то воспитание, которое вы получаете, чтобы помогать другим людям и другим народам.

Как было бы прекрасно, если бы можно было издать книгу, в которой было бы рассказано о солидарности всех детей мира с народом Чили.

Я выехала из Чили не так давно. Наша родина сейчас во мгле. В Чили сейчас нельзя спокойно ходить по улицам. Дети чилийские сейчас все время испытывают страх: ведь каждую ночь за их родителями могут прийти фашистские палачи, чтобы арестовать.

Я чувствую огромное волнение, потому что в вашем лице я вижу новых людей — строителей нового общества. Я вижу, как развеваются на ваших трибунах флаги разных стран мира. Это флаги тех стран, народы которых борются против империализма, за свою свободу. Это флаги тех стран, народы которых уже строят социализм.

Я испытываю огромное волнение, видя здесь на трибуне флаг Кубы, страны, которая на нашем континенте строит социализм. Так же, как Советский Союз для всего мира, Куба для нашего континента представляет собой аванпост строительства социализма. Несмотря на боль в сердце, я чувствую себя сейчас очень счастливой, потому что здесь вижу огромное количество ребят, которых я даже не знаю, как зовут, не знаю, из какой страны они приехали, но я знаю, что все вы очень любите мою страну, очень любите Чили, очень любите чилийских детей. Обо всем, что вы делаете для нас, известно в Чили. Когда по решению нашей партии я пряталась от фашистских палачей, которые стремились истребить все наше руководство, там, где я находилась, я слушала московское радио. По радио передали письмо, поздравление с Первым мая, которое послали нам советские пионеры. Мне было очень тяжело: я не знала ничего ни о своих товарищах, ни о своей собственной семье. Но я почувствовала в тот момент, что мы не одиноки.

Поэтому сейчас от имени чилийских патриотов, от имени чилийских детей я говорю вам: «Спасибо за солидарность!»

Чилийские дети сейчас борются против фашистской хунты. Своей пропагандой чилийская хунта пытается изменить образ мыслей чилийцев. Но бумаги хунты чилийские дети в самых первых классах, в начальных школах жгут во дворах школ на глазах у военных. Есть в национальном гимне нашей страны строка, которую сейчас заставляют детей повторять чилийские фашисты в надежде обмануть всю молодежь. Дети не хотят петь эту строку. Дети поют только те слова, где говорится, что лучше погибнуть, но остаться свободными!

Поэтому я еще раз хочу сказать, что тот народ, который борется, и тот народ, чьи дети тоже борются, обязательно победит.

СЕЙЧАС БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ЧИЛИЙСКИЕ ПАТРИОТЫ ГОТОВЯТСЯ К НОВЫМ БОЯМ.

Письмо от Саши

Дорогой «Пионер»! Большое тебе спасибо за викторину о Польше и за то, что я приехал делегатом VI Всесоюзного пионерского слета в наш превосходный Артек!

Когда пришла ваша телеграмма, где сообщалось, что я стал победителем викторины, я отдыхал у бабушки. Папа позвонил мне, я сначала даже не поверил, что так все здорово получилось. Я ужасно счастлив!

С третьего класса я интересуюсь социалистическими странами, их историей, культурой, сегодняшними успехами. В четвертом и пятом классах был звеньевым, и звено мое отвечало за маршрут «Мир и солидарность». Мы с ребятами много книг прочитали, делали вырезки из газет, переписывались с пионерами ГДР, Болгарии, с харцерами Польши.

Не могу сказать, правда, чтобы на вопросы викторины мне было отвечать легко. Кое с чем пришлось повозиться. Долго искал названия польских городов, гербы которых были на страницах «Пионера». Нашел их в разных книгах. О марках тоже трудный вопрос был, пришлось много журналов, газет просмотреть, с филателистами проконсультироваться. Мне все охотно помогали. Мама, папа, Галя Менченко, она моя одноклассница и член городского пионерского штаба. Она помогла ответить мне на вопрос о первом пионерском параде, о Феликсе Коне, о первой пионерской клятве.

Работал я больше месяца, а когда отослал свои ответы в «Пионер», словно близкого друга потерял, такое было чувство.

Спасибо тебе, «Пионер», за все. Мне так хорошо, интересно, весело в Артеке! Столько нового узнал я здесь! Столько добрых друзей нашел! Отличные ребята — харцеры из Польши. Теперь весь мой отряд, вся дружина, я думаю, подружатся с харцерами. А меня в Польшу пригласил сам Ежи Войцеховский, начальник Главного штаба Союза Польских Харцеров. Я очень счастлив!

Саша ГРИНЯКИН,
делегат VI Всесоюзного слета пионеров.

Начальник Главного штаба Союза Польских Харцеров Ежи Войцеховский в Артеке познакомился с Сашей Гринякиным и пригласил его в Польшу.

Фотография В. Постникова.

Феликс ЧУЕВ

* * *

Земля ожидает гостей,
впервые примнущих траву.
Она посылает детей
в немыслимый рейс — наяву.

А столько забот на земле
и смелых, решительных дел!
Не только меж звезд, в корабле
доказывать можно, что смел.

Но только потомок поймет,
тропой неземною пыля,
зачем стартовал звездолет,
зачем рисковала Земля.

Этибор АХУНОВА

Горная дорога

Да, нелегка ты, горная дорога,
Измучит жажда, солнце обожжет,
И каждый шаг дается все дороже,
И пропасть черной пастью стережет.

Идешь равниной—тут препятствий
мало,
Но нет здесь ни подъемов, ни вершин,
И ты, не одолевший перевала,
Не говори: я путь свой завершил.

Павел ЛЮБАЕВ

О друге

Я снова
К нему на свиданье
Иду...
В мордовском селе,
В шумнолистом саду,
Навеки прописан
Гранитный солдат,
Сжимающий
В правой руке
Автомат.
Он был моим другом,
Безусый мордвин —
Мы с ним
В сорок пятом
Входили в Берлин,
Но
Встретилась
Пуля фашистская с ним,
За час до Победы
Упал побратим
Никто не забудет
Друзей боевых!
Живу
И работаю я
За двоих.

Владимир ОРЛОВ

Серебристые ключи

Еле слышными
Толчками
Землю сонную
В ночи
Растолкали
Кулачками
Серебристые ключи.
Увидав из колыбели,
Что кругом
Ночная тень,
Потихоньку
Зазвенели,
Отворяя новый день.

А вода
Кипела, пела,
И, рожденный
Из ключей,
Из-под камешков
Несмело
К солнцу выбежал
Ручей.

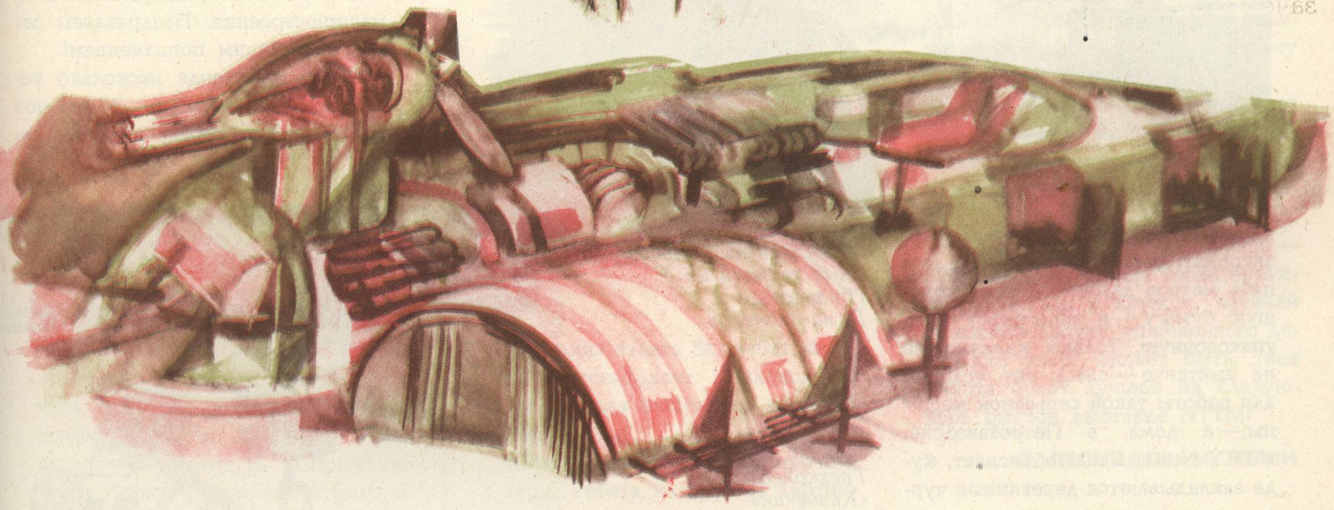
Он в пути поил
Осину,
Помогал цветам
Цвести,
Чистоту свою
И силу
Раздавал он по пути.
Он дарил себя
Лесам,
Травам,
Птичьим голосам,
И земле—большой
И доброй,
Из которой
Вышел сам.

В старых сказках
Говорится
И, наверное, не зря,
Что могли
Такой водицей
Оживить богатыря.
И не в сказках,
Не когда-то —
А в недавние года
Придавала
Сил солдату
Эта
чистая
вода.

Перевел с мордовского Сергей МАКАРОВ

Про «Малыша», «Кузнечика» и «Солнечный парус»

Двенадцать тысяч экспонатов до отказа заполнили огромный стеклянный павильон — самый большой на ВДНХ. Здесь было все, что выпускает наше народное хозяйство,— от игрушек до самолетов. Еще бы — нет такого участка в стране, где бы не работала молодежь. Мы на центральной выставке научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Сегодня — рассказ о работах школьников и ребят из профессионально-технических училищ.

Надя берет лист чистой бумаги и кладет в машину. И несколько мгновений спустя подает нам страничку. А на ней напечатано: «В ваших руках оттиск с печатной машины, которая полностью изготовлена руками молодых...»

— Мы будущие печатники,— говорит Надя,— и машину эту делали, чтобы лучше знать свою профессию. Можно считать, что это учебное пособие. По заказам предприятий мы печатаем на машине настоящие деловые бланки. Печатаем с очень хорошей скоростью, почти по полторы тысячи оттисков в час!

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

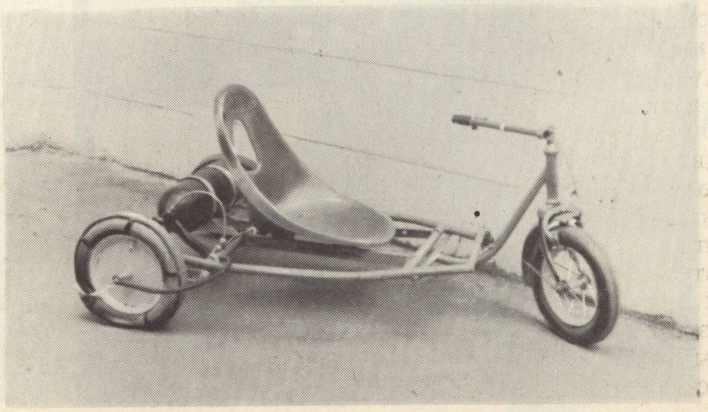
Взгляни,
у машины нет двигателя.
Андрей Гаврилов
и Виктор Максимов,
московские школьники,
разработали
оригинальную конструкцию
одноместного экипажа,
где колеса
приводятся в движение
сжатым воздухом.

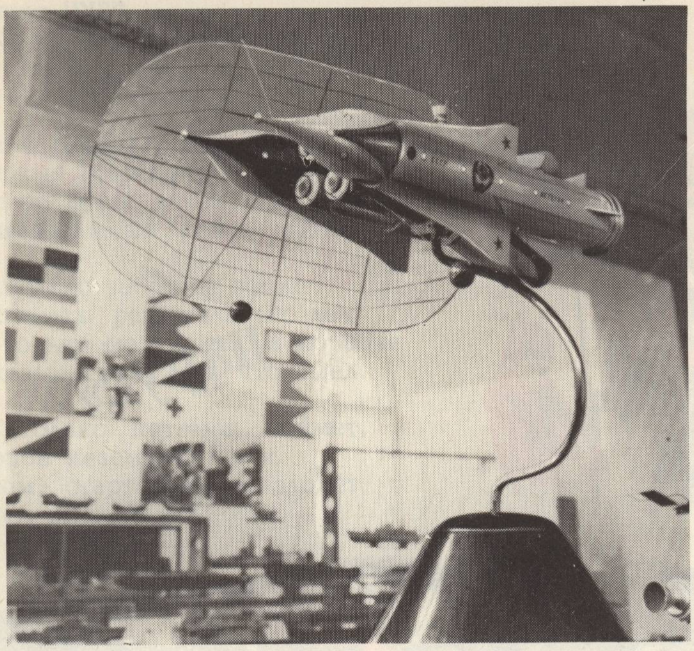
— Много ребят строили машину?

— Нас было шестьдесят человек, справились за два месяца.

Надя Майстрова из профтехучилища № 4 города Клинцы, Брянской области. Она в оранжевой куртке — как все, кто показывает на выставке свои экспонаты.

Еще один стенд, еще одна оранжевая куртка. Саша Смирнов по-

«Солнечный парус» — так назвали свой Межпланетный корабль юные техники из Тбилисского Дома пионеров.

казывает учебную бумагоделательную машину. Это солидный экспонат, весом в две тонны и в пять метров длиной. Делает хорошую бумагу — и типографскую и упаковочную. Только, конечно, не на выставке — здесь нет условий для работы такой серьезной машины,— а дома, в Петрозаводске, в ПТУ № 19. Саша объясняет, куда закладываются деревянные чурки, где они измельчаются, чтобы получилась бумажная пульпа, как она оседает на сетке, как прессуется, проклеивается, высушивается бумага.

Сделали ребята из ПТУ и вторую такую же машину. Она сейчас в Ленинградском технологическом институте. Студенты по ней учатся основам бумажного производства. А заодно готовят очень хорошую бумагу.

— Нас было примерно двести пятьдесят, будущих слесарей, фрезеровщиков, сварщиков,— рассказывает Саша.— Ушло на работу добрых полтора года. И конструировали сами, и детали готовили, и собирали. Между прочим, все из отходов производства.

— А ты, Саша, что делал?

— Я слесарь, мое дело—сборка.

Саша и его товарищи собираются после училища работать на заводе тяжелого бумагоделательного машиностроения. Поздравляем завод с хорошим пополнением!

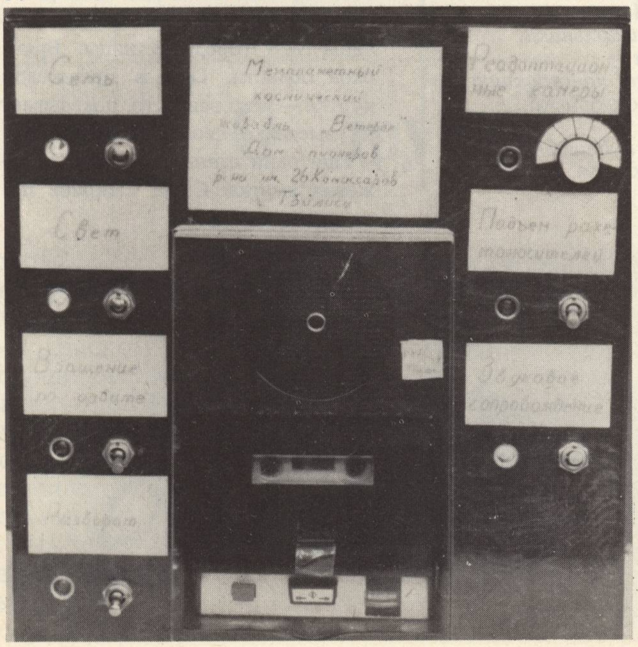
А вот на стенде несколько телевизионных экранов. Мелькают кадры — идет передача с выставки. У стенда подпись «Телестудия Курского Дворца пионеров».

— Здесь у нас только передвижная телестудия,— говорит руководитель одного из кружков Николай Семенович Струков. — Стационарная осталась в Курске, она большая, с собой не возьмешь. Ребята сами ее сделали и сами обслуживают: ведут передачи, пишут сценарии, проверяют, чтобы все аппараты работали нормально.

Пока мы беседовали, к стенду подкатил маленький черный автомобиль высотой с письменный

Трехколесный «Кузнечик» родился в Новосибирске, в Клубе юных техников Сибирского отделения Академии наук СССР. Его авторы — Анатолий Михайлов, Виктор Кривоносов, Сергей Хахтарь.

На этом стенде несколько телевизионных экранов.

стол и в полтора метра длиной. Странно как-то подъехал, без шума и грохота.

— Автомобиль тоже из Курска? — спрашиваем у Николая Семеновича.

— Да, из Дворца пионеров. Только это, к вашему сведению, никакой не автомобиль. Посмотрите сами: педали газа нет, рычага для переключения передач — тоже. Зато есть вольтметр и амперметр — измерять напряжение и силу тока. Перед вами электромобиль.

— Вот бы прокатиться...

— Ну, что ж, пожалуйста!

Загудел негромко электромотор, поворот рычажка — и машина бойко взяла с места. Лихой круг, остановка. Управлять не труднее, чем педальной детской машиной. Правда, по выставке быстро не поедешь, а на улице электромобиль «Малыш» может развить скорость до 25 километров в час. Энергии его аккумуляторов хва-

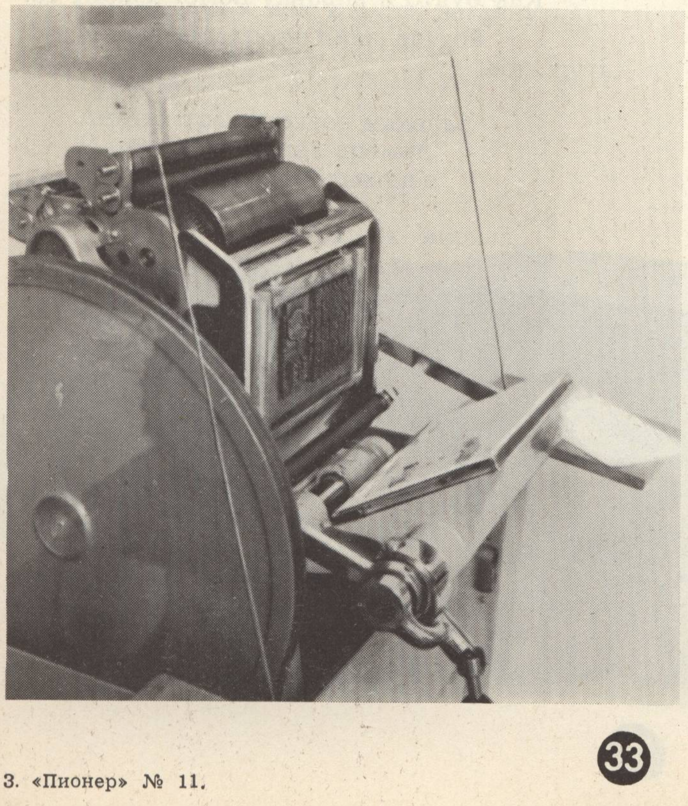
тает, чтобы ездить без забот километров восемьдесят. Неплохой результат и для настоящего электромобиля!

А началось все, между прочим, с игры. Ребята из кружка картингистов захотели сделать машину к Новому году, чтобы Деда Мороза со Снегурочкой катать вокруг елки. Но разве годится, чтобы у елки грохотал двигатель? Вот и решили делать электромобиль. Юра Карабанов и Саша Долганцев из радиоотдела помогли наладить электрооборудование. Так все вместе сконструировали добротную вещь, которую не стыдно показать на всесоюзной выставке.

Мы уже рассказывали в «Пионере» о том, какие замечательные маленькие машины для пришкольных участков делают ребята из Энемской средней школы Краснодарского края. На выставке новая встреча — колесный трактор «Мурашек» с полпарты величиной. Трактор-невеличка может работать и в тесноте, между деревьями. Развернуться на пятачке ему ничего не стоит.

Много удивительных чудес можно было повстречать на выставке. 220 тысяч школьников занимаются сейчас в кружках и научно-технических объединениях. Через год их будет еще больше — 300 тысяч! А ты? Не теряй времени: запишись в кружок, начинай осваивать азбуку инженерного дела. Кто знает, может быть, твоя работа будет лучшей на следующей, шестой выставке НТТМ!

О. ЛЕОНИДОВ, М. ЮЛИН

Вот эту машину и показывала нам Надя Майстрова. Будущие печатники из ПТУ города Клинцы печатали и вручали посетителям выставки листовки с приветствием XVII съезду комсомола.

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Родной дом

Псы родного хотона * вдали
Лают хором и поодиночке.
Вот и лампы в домах зажгли:
Электрические кружочки.

После долгих странствий
домой
Я вернулся—где только не был!
И сейчас я в степи ночной
Вновь смотрю на родное небо.

И, мигая там, в глубине,
Узнают меня звезды снова,
По одной всплывают ко мне,
Как слова языка родного...
Я ведь их позабыть не мог,
Но они таились в молчанье...

Словно детства хлебнул глоток
Вместе с чистыми их лучами!..

Из чужих городов и сел
Я вернулся, знаньем богатый...
Но вот только сейчас вошел
В дом, где я родился когда-то.

* Хотон — калмыцкое селение.

Метель и люди

Метель беснуется... Беда, беда!
И под ее неистовые стоны
Я думаю о степи заметенной,
О них, друзьях, пасущих там стада...
Моих друзей буран в степи застиг,
Прошу вас, люди, думайте о них!

Ведь если думать, думать всем вдали
О тех, кто в снеговой пучине тонет,—
Их наши мысли, говорят, догонят,
Поддержат их хоть на краю земли,
Помогут одолеть тот путь, ту малость,
Что до спасенья им еще осталась...

* *
*

С утра поливал я деревья в саду...
Гляжу —
В отстоявшейся крохотной лужице
Плывет муравьишка,
Барахтаясь, кружится —
Попал ненароком,
Трудяга, в беду!
Ему протянул я сухой стебелек,—
От гибели верной его уберег.

И он, суетясь,
Побежал от меня,
К своим побежал,
В муравейник, не мешкая...
«Быть может, его поджидает родня»,—
Подумал я,
Вслед ему глядя с усмешкою.
И стало теплее в душе на минуту,
Как будто и вправду помог я кому-то.

Рисунки П. БАГИНА.

* * *

«Решиться — значит
победить»—
Слова, достойные мужчины...
Ты хочешь истину добыть?
Так не откладывай почина
Хотя бы на короткий срок!
Все отговорки — лишь
предлог.

Решись! От долгих колебаний
Тупеет силы острота.
Осмелься! Но пойми заране,
Где правда, где
неправота,
И с правдою в душе иди!
Решись!.. Победа — впереди!

Наш след

Книг все больше,
больше—что ни год!
Тот, кто будет только чтеньем занят,
Не осилив даже части,
тот
С места до седых волос не встанет!

А столетий этак через пять
Не сочтешь томов — тяжелых,
славных!..
Удосужится ль наш след сыскать
В этих книжных штабелях
наш правнук?!

Сможет ли к нам в душу заглянуть?..
К счастью, кроме книг, другой
есть путь.

Летних трав горячее дыханье,
И цветов весенних аромат,
И таинственное полыханье
В темном небе
звездных мириад...

По весне знакомых птиц прилет,
Звук курлыкающий, журавлиный...
В радости ли, в грусти беспричинной,
Может быть, догадка промелькнет?..

Может, через много сотен лет
Здесь-то и отыщется наш след?..

Книга

В моем шкафу теснится к тому том.
И каждый том на полке—словно
дом.
Обложку-дверь откроешь второпях,—
И ты вошел, и ты—уже в гостях...
Как переулок—каждый книжный
ряд.
А весь мой шкаф — чудесный
Книгоград.

Когда ты будешь в этот город вхож,
Из Прошлого в Грядущее пройдешь,
Заглянешь в страны и во времена:
Любая книга—время и страна...

Здесь в комнате моей, из года в год
Все Человечество в ладу живет.

Играю с детворой

Когда играю с детворой,
То, словно вырвавшись из плена,
Я распрямляюсь постепенно
И забываю возраст свой.

И дети радуются мне,
Доверчиво в глаза мне глядя:
Меж ними я—не взрослый дядя,
Я—свой, я—с ними наравне.

Мои волненья—им сродни,
Вопросы их я сердцем слышу,
Такой же я, как все они,
Вот разве ростом—чуть повыше.

Все встало на свои места,
Я словно подышал весною,
Омыто свежестью лесною
Сознанье,
и душа—чиста.

Перевела с калмыцкого Ю. НЕЙМАН.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

САЛЮТ, ПОБЕДА!

Памяти бойцов верны

Рабочий район в центре Берлина, между Восточным вокзалом и Карл-Маркс-аллеей. Когда-то здесь стояли мрачные доходные дома с темными сырыми дворами-колодцами. А нынче тут встали современные дома-новостройки.

Здесь, на Рюдерсдорфер-штрассе, есть школа, которая носит имя героя-комсомольца Олега Кошевого. Пионеры-тельмановцы этой школы стараются быть похожими на Олега Кошевого и мужественных молодогвардейцев.

Они дружат с пионерами из московской школы имени Олега Кошевого. Вместе со своими советскими друзьями они призвали всех пионеров стран социализма достойно встретить 30-летие Победы над гитлеровским фашизмом. Девиз этой акции: «Салют, Победа!».

...Вернемся в 1967 год. 18 октября в школе на Рюдерсдорфер-штрассе с утра царило необычайное оживление. Все говорили об одном: «Сегодня к нам приедет мать Олега Кошевого!»

И вот она, мать человека, которого знают миллионы, входит в школьный зал.

Бывшая ученица этой школы Марианна Кернике рассказывает: «В зал вошла высокая седая женщина. Единственный сын этой женщины пожертвовал собой в борьбе за свободу Страны Советов. Ее встретил шквал аплодисментов. На сердце у меня сделалось тепло-тепло. Она очень добрая, она обнимала многих из нас, просила передать привет нашим родителям. Слезы навернулись у меня на глаза от ее ласковых слов.

Жизнь и героизм Олега Кошевого всегда будут для меня благородным примером».

Теперь Марианна Кернике работает на телевидении ГДР. Она член партии.

Ютта Клебер — она была председателем совета дружины в этой школе — вспоминает о встрече в 1970 году немецких пионеров в Коттбусе с другом Олега Кошевого молодогвардейцем Георгием Арутюнянцем. Он рассказывал о том, каким был Олег, все вместе они говорили, как нужно жить, чтобы продолжить его дело. Ютта Клебер была секретарем комитета Союза Свободной немецкой молодежи своей школы, у нее много наград за отличную учебу. Особенно гордится она золотой медалью имени Гердера и серебряной имени Лессинга, которыми ее наградили на олимпиаде по русскому языку. Ютта побывала в Москве, подружилась с советскими ребятами и даже собирается приехать учиться в одном из московских вузов.

Марианна Кернике и Ютта Клебер — достойные представители пионерской дружины, воспитавшей их.

На призыв дружин имени Олега Кошевого откликнулись пионеры со всех уголков республики. В акции «Салют, Победа!» примут участие пионерские дружины из города Геры, Магдебурга, Шверина, Франкфурта-на-Одере и Ростока.

В школе имени Олега Кошевого мы видели любовно оформленную витрину — рассказ о жизни Олега Кошевого, о том, как пионеры хранят верность его идеалам. В коридорах развешаны рисунки и фотографии, посвященные дружбе детей всей Земли.

Что же еще решили сделать пионеры-тельмановцы?

У этой дружины есть добрая традиция: отличная учеба, особенно по русскому языку. Ребята обещают еще лучше учиться, активно участвовать в конкурсах и олимпиадах.

Они готовят фотовитрины, которые знакомят всех школьников с жизнью советских республик.

Все отряды тоже ставят перед собой определенную задачу. Так, девочки и мальчики из четвертого класса решили узнать, как советские воины в 1945 году освобождали район, где находится их школа. А ученики седьмого класса переписываются с бойцами Советской Армии, водрузившими красное знамя на магистрате. Пионеры второго класса составили список книг о борьбе против фашизма.

Старшеклассники, прочитав книгу А. Фадеева «Молодая гвардия», тщательно изучают материалы об этой организации, чтобы потом рассказать обо всем, что они узнали, своим младшим товарищам, пионерам-тельмановцам.

В школе укрепляются связи с советскими пионерами. Ребята переписываются с ними. Проводятся заочные соревнования между немецкими и советскими ребятами. Школа тепло принимает пионеров-ленинцев и сама посылает лучших в страну великого Ленина.

В Клубе интернациональной дружбы отмечаются памятные дни, важные события в жизни ГДР и Советского Союза.

Во всей этой работе ребятам помогают жители микрорайона и особенно шефы с завода измерительной электроники. У них тоже есть прочные контакты с Советским Союзом.

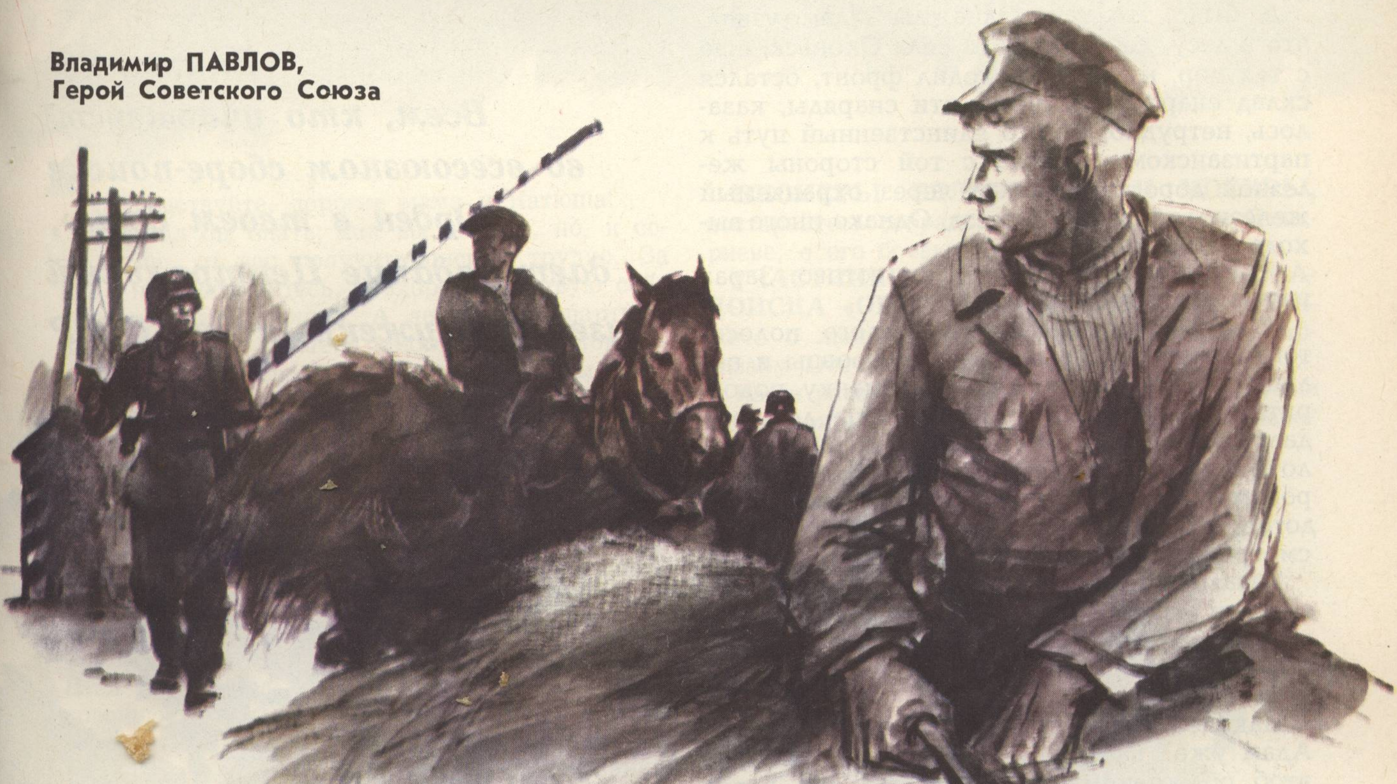
Ребята из школы на Рюдерсдорфер-штрассе писали своим товарищам из 53-й московской школы: «Мы учимся у наших отцов и матерей тому, как стать верными помощниками партии, мы хотим внести свой вклад в дело мира во всем мире. МЫ, НАСЛЕДНИКИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА И ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА, ВСЕГДА БУДЕМ ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ ГЕРОЕВ, ПАВШИХ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ».

ЭТО СКАЗАНО ОТ ВСЕГО СЕРДЦА, ОТ ВСЕЙ ДУШИ. ПИОНЕРЫ-ТЕЛЬМАНОВЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ РАБОЧИХ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ. ЭТИ ТРАДИЦИИ ЖИВУТ И БУДУТ ЖИТЬ В АКЦИИ «САЛЮТ, ПОБЕДА!»

Редакция журнала «Фрози»

ДОРОГА ЧЕРЕЗ ПЕРЕЕЗД

Владимир ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

Рисунки

С. ТРОФИМОВА.

Прочитал я в сентябрьском номере «Пионера» про сбор-поиск «Орден в твоем доме» и призадумался. Вспомнил партизанскую жизнь. Товарищей... Вспомнил, как и за что получили они первые боевые награды. И стало мне жаль, что редко мы рассказываем детям и внукам о том, что любая из этих наград, даже самая малая, получена за трудное и опасное дело, для выполнения которого потребовалось немалое мужество...

Есть у меня друг, Адам Ружицкий. В годы войны он был секретарем подпольной комсомольской организации в селе Маневичи. Разведчики нашего партизанского соединения, которым командовал дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров, хорошо помнят Ружицкого — он не раз помогал нам выполнять самые сложные и опасные задания... За это и за то, что воевал на фронте, после освобождения Маневичей наступающей Советской Армией, Адам награжден орденом Красной Звезды и медалями. Среди них есть медаль «Партизану Отечественной войны». Я расскажу только об одном эпизоде его партизанской жизни.

В то время, о котором пойдет речь, в нашем соединении подошла к концу взрывчатка. С самого дна вещевых мешков были извлечены припрятанные каждым уважающим себя подрывником неприкосновенные запасы. Остатки тола делили, как сахар: поворачивали одного из подрывников носом к стенке землянки и, указывая на аккуратно сложенные в кучки толовые шашки, спрашивали: «Кому?»

Но это не помогало. Взрывы партизанских мин на железной дороге гремели все реже, а долгожданные самолеты, которые должны были доставить с Большой земли еще более долгожданную взрывчатку, не прилетали — мешала погода...

И вот однажды вечером в партизанский лагерь прибыли две фурманки — так в здешних местах называют повозки. Каждая из этих фурманок была доверху нагружена сеном, а под ним лежали снаряды... Поверх всего этого богатства сидели Адам Ружицкий и его друг, наш верный проводник, комсомолец из Маневичей Мыкола Слупачек.

Два дня подряд мы обедали всухомятку: в суповых ведрах, в которых обычно гото-

вился нехитрый партизанский обед, теперь «варились» снаряды. Выплавленный из них тол шел на изготовление зарядов, с которыми из лагеря одна за другой уходили на железную дорогу диверсионные группы. И это было самое главное. Никому и в голову не приходило расспрашивать, как Адам и Мыкола добыли взрывчатку...

А было это так. Однажды Адам узнал, что в лесу, неподалеку от села Оконьск, еще с тех пор, как тут проходил фронт, остался склад снарядов. Вывезти эти снаряды, казалось, нетрудно, если б единственный путь к партизанскому лагерю с той стороны железной дороги не лежал через охраняемый железнодорожный переезд. Однако иного выхода не было.

— Ну,— сказал Адам.— Все готово. Зараз наступает самое страшное.

И вот — переезд. У черно-белого полосатого шлагбаума толпились гитлеровцы и полицаи, ощупывая каждую фурманку подозрительным взглядом. Хорошо еще, день выдался базарный, и по дороге в Оконьск ехало и шло довольно много народу. А по сторонам переезда мрачно темнели амбразуры дотов, из которых на проезжающих в упор смотрели стволы пулеметов...

Казалось, им не будет конца—этим сорока пяти метрам: двадцать — вверх, по вымощенной булыжником насыпи, пять — через путь по деревянному настилу и двадцать — вниз, к лесу...

Наконец, эти сорок пять метров позади. Адам уже набрал было воздуху в легкие, чтоб облегченно перевести дух, как вдруг раздался резкий окрик: «Хальт!».

Адам похолодел. «Вот оно, пропали!» — пронеслось в голове. Рука судорожно нащупала под сеном бечевку, идущую к чеке гранаты. По одной такой гранате они с Мыколой привязали на каждой фурманке, чтобы в случае чего взорвать свой опасный груз. Адам обернулся: к фурманке Мыколы, которая шла позади, бежал фашистский солдат, громыхая коваными сапогами.

Адам, подтянув бечевку, напряженно ждал. Он уже не испытывал страха. Наоборот, какое-то злорадство теснилось в груди: стоит дернуть веревку, и от этих солдат, от переезда, от дотов не останется ничего.

Солдат догнал Мыколу, ухватился за край фурманки и зачастил скороговоркой:

— Пан млеко, пан яйки, пан шпек... Иметь?

— А цигарету?— спросил Мыкола, ничуть не потерявший присутствия духа.

— Яволь, цигаретен!

Солдат протянул Мыколе пачку сигарет и почти вырвал у него из рук большой кусок сала, завернутый в тряпицу.

— Вье [1]! — крикнул Мыкола.

Адам хлестнул коней.

Так закончилась эта в общем-то обычная операция комсомольцев-подпольщиков. Одна из тех, за которую секретарь подпольной комсомольской ячейки из села Маневичи Адам Ружицкий получил свою первую боевую награду.

---

[1] «Вье» (польск.) — соответствует нашему «Айда».

Внимание! Всем, кто участвует во всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», дает задание Центральный музей Вооруженных Сил СССР

«Здравствуйте, дорогие мама и Катюша!

Я хотел бы знать, как вы живете, но, к сожалению, от вас получить письмо трудно. За меня не беспокойтесь, я здоров, чувствую себя хорошо. Зима прошла. А летом нам, партизанам, раздолье. У меня много боевых товарищей, и ряды их все увеличиваются. Я был уже на многих боевых операциях. Партизаны знают, что Красная Армия продвигается вперед. Скоро освободят Белоруссию, и вот тогда мы увидимся... Командование отряда представило меня к правительственной награде...»

Это строки из письма партизана-комсомольца Бориса Дмитриева. Вскоре Боря получил награду, о которой писал родным, — медаль «Партизану Отечественной войны» I степени.

Борис Дмитриев не сразу стал партизаном. Шел второй год войны. Закончив 243-ю московскую школу, он подал заявление в военкомат с просьбой отправить его на фронт. От службы в армии его освободили по состоянию здоровья, и на фронт он не попал. С большим трудом добился Боря, чтобы зачислили его в военную спецшколу, а после окончания школы направили в тыл врага. Так он стал партизаном отряда имени Рокоссовского, который базировался в белорусских лесах, недалеко от Осиповичей.

В отряде Дмитриев становится подрывником, а позже — командиром подрывной группы. В боевой характеристике Бориса, которая была написана в партизанском отряде, говорилось: «Подготовил 14 подрывников. Лично подорвал 18 эшелонов с живой силой и техникой врага. Много раз руководил действиями крупных диверсионно-подрывных групп, которые уничтожили 11 железнодорожных и 32 шоссейных моста».

За боевые заслуги Дмитриев получил орден Красной Звезды и орден Отечественной войны I степени.

23 февраля 1944 года в отряде объявился предатель. Он привел крупную эсэсовскую часть на партизанскую заставу в деревне Каменичи. Начался неравный, тяжелый бой с врагом. Раненый Борис Дмитриев заменил погибшего командира партизанской группы. Он сражался до последнего патрона...

Указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно Борису Дмитриеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПИОНЕРЫ БЕЛОРУССИИ И МОСКВЫ, постарайтесь собрать материал о Борисе Дмитриеве, о его боевых товарищах.

УЧАСТНИКИ ВСЕСОЮЗНОГО СБОРА-ПОИСКА «ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ», расскажите о людях, награжденных медалью «Партизану Отечественной войны», и их подвигах.

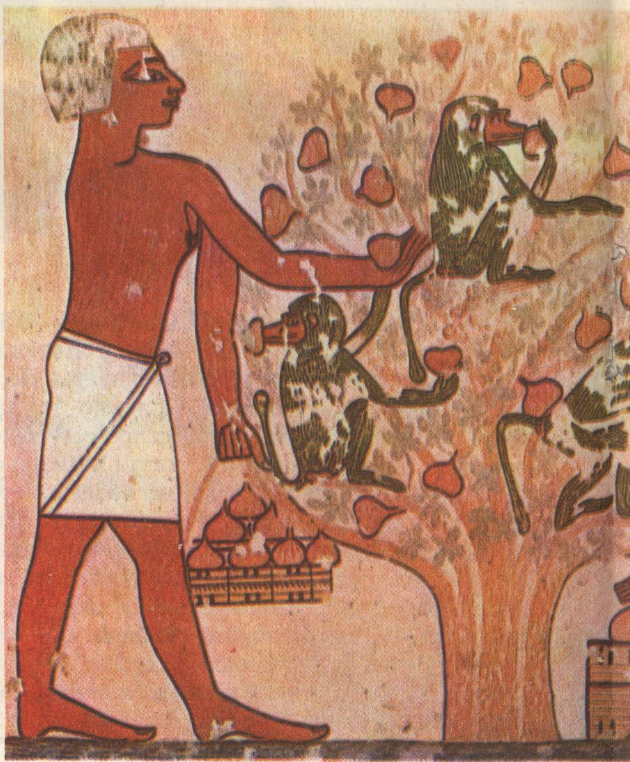
Ваши рассказы помогут Центральному музею Вооруженных Сил СССР открыть новую экспозицию.

Ждем ваших сообщений!

Большим праздником была рыбная ловля в Древнем Египте. Рисунок сделан во втором тысячелетии до нашей эры.

ИСТОРИЯ В КАРТИНКАХ

В ЗАРОСЛЯХ

Из школьного учебника ты знаешь уже, конечно, о «Стране пирамид» — так часто называют Древний Египет. Помнишь имена самых знаменитых фараонов и их военные походы в далекие страны. В твоем учебнике подробно рассказано, как жили, как работали люди, населявшие долину Нила в древние времена.

А мне хочется, чтобы ты увидел цветы и деревья, что росли по берегам Нила, птиц, плескавшихся в реке рыб.

Перед тобой рисунки, сделанные более трех тысячелетий назад. Яркие, красочные, они украшали стены египетских гробниц. Первым ученым, увидевшим их в одном из скальных склепов, был знаменитый французский исследователь Франсуа Шампольон. Ты знаешь, наверное, что это он открыл тайну египетских иероглифов и первым прочитал египетские тексты.

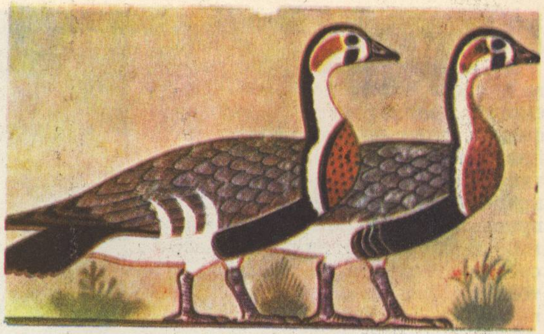
Гробницу вельможи Небамона украшала вот эта великолепная роспись. Среди высшей знати в Древнем Египте немало было любителей рыбной ловли. В одном из папирусов сохранилась такая фраза: «Какой счастливый день, когда мы спускаемся к болотам, чтобы охотиться на птиц и (к реке), чтобы ловить рыбу в ее водах».

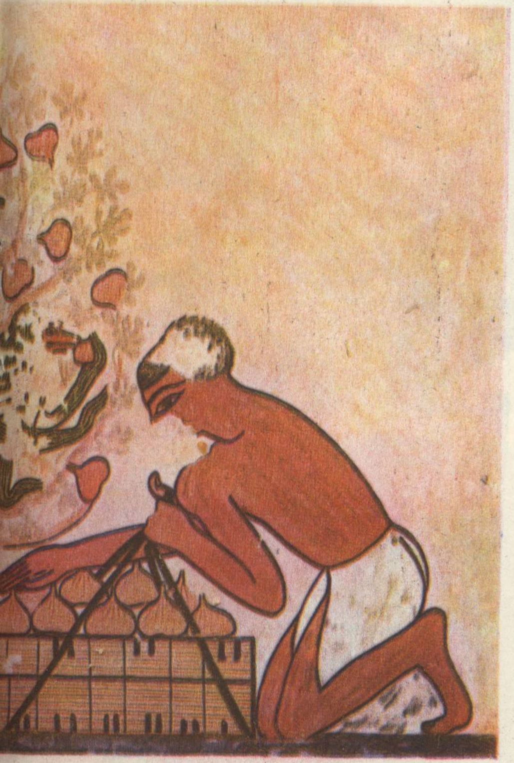
Такой «счастливый день» изображен на фреске. Небамон стоит на лодке, связанной из стеблей папируса. В одной руке у него деревянный бумеранг, в другой три цапли для приманки. У его ног сидит дочь, сзади стоит жена. У обеих в руках цветы лотоса. Лодка уже въехала в заросли папируса и вспугнула уток, гусей, голубей, куропаток. Только цапля не тронулась с места: она сидит в гнезде, на яйцах. Внизу, на стволе папируса, рыжая кошка. Двух голубей она уже поймала и держит лапами, куропатку пытается схватить зубами... Летают бабочки, в реке плавают рыбы — сомы, лещи, окуни...

Невозможно не любоваться этой картиной. Но для ученых это еще и документ, рассказывающий о природе Древнего Египта.

Как-то раз мне позвонили орнитологи и спросили, действительно ли фреска с гусями нарисована пять тысяч лет назад? Я сразу поняла, что речь идет о

На этом рисунке — знаменитые краснозобые казарки. Они водились в Египте пять тысячелетий назад.

В садах богатых египтян росли фиговые (инжирные) деревья. Богатого урожая хватало и садоводам и лакомкам-павианам.

знаменитых «медумских гусях» (фреска найдена в гробнице около Медума). Там изображены шесть гусей, у двух из них — красная грудка. Они, несомненно, относятся к породе краснозобых казарок, которые теперь в Египте не водятся. Этим и был вызван недоуменный вопрос ученых. Сейчас краснозобые казарки летом живут у нас на севере, а зимуют на озерах Ирана и Ирака. А рисунок древнего художника рассказал орнитологам, что пять тысячелетий назад эти птицы проводили зиму на берегах Нила.

На фресках часто можно видеть заросли папируса. Его было много тогда на берегах Нила. Из стеблей папируса вязали лодки, плели циновки и корзины, ими покрывали хижины, лакомились сладкими молодыми побегами папируса, а разрезав его на тонкие волокна и склеив, использовали для письма.

Теперь в Египте папирус можно увидеть только в саду или в доме как комнатное растение. Прежних зарослей больше нет. И когда Тур Хейердал строил свое судно «Ра», за стеблями папируса пришлось посылать далеко за пределы Египта, в верховья Нила. И только рисунки древних египтян рассказали нам, какими зелеными были берега Нила во времена фараонов.

В Египте нет лесов. Рисунки подтверждают, что не было их и в древности. В росписи гробниц мы видим охоту на зверей пусты-

ПАПИРУСА

Древние художники очень любили изображать сцены удачной охоты. Вот и здесь охота еще не закончена, а молодой фараон уже окружен богатыми трофеями.

ни: это антилопы и дикие ослы, быки и кабаны, леопарды и львы.

На крышке ларца Тутанхамона — сцена охоты на львов. Посмотри внимательно. Молодой фараон стоит на колеснице, запряженной парой лошадей. Он натянул тетиву огромного лука и прицелился. Вокруг лежат львы, пронзенные его меткими стрелами. В одного из них вцепилась собака. Сохранилась запись о том, что фараон Аменхотеп III за несколько лет убил на охоте сто девять львов!

При доме каждого богатого египтянина был пруд, окруженный деревьями и цветами. В садах росли фиговые (инжирные) деревья. На фреске очень точно передана форма плодов и листьев. Два павиана продолжают лакомиться сладкими плодами в то время, как слуги доверху наполняют корзины.

Египтяне любили и прекрасно изображали природу своей страны. Фрески рассказывают нам о цветущем крае, о реках, полных рыбы, о гигантских животных пустыни, о нежных цветах и деревьях. Каждый рисунок — подлинное произведение искусства и в то же время точный документ. Недаром Франсуа Шампольон назвал эти рисунки «энциклопедией египетской жизни».

Р. РУБИНШТЕЙН,
кандидат исторических наук

ГОВОРЯЩАЯ БЕРЕСТА

Двадцать шестого июля 1951 года во время раскопок в Новгороде археологи впервые обнаружили письмо, нацарапанное на коре березы. За первой находкой последовала вторая, третья... В настоящее время их количество перевалило за пятьсот. Новгородские берестяные грамоты — одно из замечательных открытий XX века.

Раньше считалось, что грамота на Древней Руси была доступна только богатым людям. Ведь писали в ту пору большей частью на выделанной телячьей коже — пергаменте, а он ценился на вес золота.

Но береста — очень дешевый материал для письма — рассказала, что грамотными в древнем Новгороде были многие. И купцы, и строители, и крестьяне, и ремесленники...

И даже вот какую нашли грамоту:

нвжпснднмкзатсцт...
ееяиаеуаааххоеиа...

Явный шифр. Какая тайна скрывается в двух строчках? Кто написал их? Что нового о событиях Древней Руси могут они рассказать?..

С волнением ученые приступили к расшифровке. Загадка шифра оказалась не так уж сложна: к букве первой строки нужно было приписать букву второй, затем снова взять букву из первой, потом вернуться ко второй... В итоге после подстановки недостающих гласных получилось следующее: «Невежа писа не дума а хто се цита...» Словом, в переводе на наш современный язык записка выглядит примерно так: «Кто писал — не знаю, а я, дурак, читаю».

Верно говорит русская пословица: «Что написано пером — не вырубишь топором». Уж, конечно, не думал, не гадал маленький озорник двенадцатого века, что его «сочинение» будет прочитано через семь столетий...

Об истории этой да и других берестяных грамот ты можешь прочитать подробно в книге писателя Р. Бершадского «От первого лица».

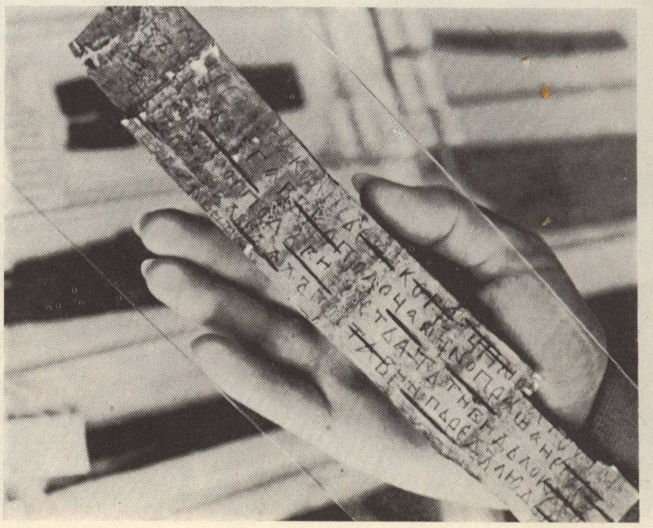
Какая тайна скрывается в строчках? Кто написал их?

В прошлом году в Новгороде найдено девять новых берестяных грамот. Самой интересной оказалась грамота № 502 — она относится к середине XII столетия.

В грамоте Мирослав предлагает Олисею Гречанину подробно расспросить Гавко Полочанина о наказании некоего Ивана, которого Мирослав обвинил перед вечем — народным собранием новгородцев.

Часть этих имен известна ученым из летописей. Вот почему ученые предполагают, что Мирослав — это новгородский посадник, известный как Мирошка Нездинич, а Олисей Гречанин (Елисей Грек) — претендент на новгородский архиепископский престол. Если это так, грамота — редкий автограф знатного средневекового новгородца.

Н. ЗИГУНЕНКО

Береста рассказала, что грамотными в древнем Новгороде были многие.

С. РОМАНОВСКИЙ

Красный бакен

РАССКАЗ

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

В этом месте у зарослей шиповника, усыпанных крупными алыми розами, Кама-река текла по галечнику, по окатанным разного цвета камушкам. И катала она их, и гладила, и перебирала сколько лет — не сосчитаешь, а все равно среди них попадались острые, как стекло. О такую вострину Леонтий порезал ступню, на одной ножке припрыгал на песок, посмотрел — крови не было. Была на ноге белая полоса, и только.

На Леонтия накатились волны — их поднял большой теплоход. Едва успел он зажмуриться, как холодная зеленая волна, просвечиваясь насквозь, окатила его от макушки до пят. Он счастливо замотал головой, стряхивая влагу с лица, а вторая волна, ниже и теплее первой, оплеснула его по пояс и, убегая обратно, гремя галькой, попыталась потащить мальчугана с собой в Каму-реку.

Это движение волны Леонтий понял как приглашение немедленно искупаться. Подался вслед за волной, и его подхватило течение и понесло вдоль берега, и берег быстро побежал от него.

Леонтий лег набок и поплыл вразрез течению. Так веселее, так лучше чувствовать свою силу и ловкость, будто борешься с кем-то большим и добродушным, но не столь ловким, как ты.

Устал он нескоро, а когда устал, то обнаружил, что ни того, ни этого берега не видно, и перепугался. Никогда в жизни ему не приходилось заплывать так далеко.

У самых глаз катилась выпуклая, в солнечных рябинах, вода, сверху прохладная, а снизу, стоило опустить ноги, студеная, как лед, и Леонтий ждал, что его всего сведет судорога и он утонет.

— Вы в каком классе учитесь?

Течение несло его на красный бакен. Обеими руками мальчик поймал его шершавую железную шею, нагретую солнцем. Обнял ее — бакен притонул, тут же взметнулся вверх и опять притонул успокаиваясь.

— Мама, — горячо зашептал Леонтий. — Сними меня отсюда...

Низ бакена, погруженный в воду, был как бы обшит пушистыми зелеными водорослями, скользкими и холодными, и течение постоянно шевелило их.

Из воды вынырнуло круглое лицо с моргающими глазами. Отфыркиваясь, девочка схватилась за бакен — он заходил ходуном и не сразу успокоился — и, тяжело дыша, улыбнулась Леонтию.

— Ты... с той стороны? — спросила она.

Стараясь не разреветься, он кивнул.

— Я... тоже! — обрадовалась девочка.

Она отдышалась и с удовольствием сказала про бакен, про его водоросли:

— Медуза Горгона!

И, не спрашивая согласия Леонтия, обеими руками резко оттолкнулась от бакена, отчего тот чуть не опрокинулся, и крикнула:

— Поплыли обратно!

Леонтий плюхнулся в воду, поплыл вслед за девочкой и скоро потерял ее из виду. «Утону, вот сейчас утону», — не успел подумать он, как рядом увидел ее лицо.

— Устал? — спросила она. У нее были добрые, как у мамы, взрослые глаза и веселый голос: — Устал, так ложись на спину.

Он покорно перевернулся на спину, раскинул руки и ноги, сразу погрузился в воду, но не утонул, не задохнулся. Лицо его было снаружи. Он дышал и слышал, как судорожно колотится его сердце. Над ним плыло небо с холодным косматым солнцем в вышине.

Рядом всплескивало. Это плыла девочка и говорила далеким голосом:

— Я на спинке два часа могу плыть... Только неохота! Приспособление бы какое сделать, чтобы книги читать, когда плывешь на спинке! Сколько бы я книг перечитала! Говорят, лежа читать вредно... Вода как шелковая... Сколько с меня кож сошло? Две! Третья кожа уже не слезет... Вставай, здесь мелко.

Леонтий встал на твердое ребристое дно, вышел вслед за девочкой на берег, и тут — будто кто палкой ударил его по подколенкам — ноги его подогнулись, он упал на песок и безутешно заплакал.

Он плакал до икоты, а девочка гладила его по мокрым волосам и что-то говорила.

Икота отпустила Леонтия. Он сел на песок, сквозь спутанные волосы посмотрел на девочку и засмеялся.

Она засмеялась ответно и сказала:

— Давай вместе посмеемся!

Он ждал, что она скажет еще что-нибудь утешительное, но девочка воскликнула:

— Юноши нынче такие слабые пошли! Где ты одежду оставил?

Леонтий слабо махнул рукой:

— Там...

— Принести?
— Сам дойду.
— Я провожу.

Он встал, покачнулся. Девочка придержала его обеими руками и спросила:

— Куришь? Смотри, не надо.

— Нет, не курю.

— И правильно! У нас один мальчишка курит, так он ста метров не проплывет.

Некоторое время она вела его под руку, а потом он пошел сам. До одежды идти было далеко. Удивляясь, куда его отнесло, Леонтий шел рядом с девочкой, подальше от воды, и с радостью обнаружил, что солнце и песок опять стали горячими, а из лугов тянет сеном и тончайшим чайным запахом роз — шиповник цветет.

Конфузясь, он спросил девочку:

— Вы в каком классе учитесь?

— В пятом.

— А я в седьмом, — сказал Леонтий с некоторым превосходством в голосе.

Вот и пришли. Его одежда темным узелком лежала под берегом. Ее, как снежной пылью, припорошило песком.

— И откуда он взялся? — удивился Леонтий, стряхивая песок. — Ветра не было, а ему обязательно надо насыпаться.

Он вдруг застеснялся своей худобы, своих ребрышек, торопливо оделся и сказал девочке, которая виделась ему маленькой, ненужной свидетельницей его слабости.

— Вот и мы!

— Вы бы еще умылись, — ласково попросила она. Леонтий вспомнил пословицу, которую слышал от бабушки, и сказал с вызовом:

— Медведь корову съест и не умывается!

Девочка постояла около Леонтия, стала еще меньше ростом и тихо сказала:

— К своим пойду...

— Мне-то что, — рассмеялся Леонтий.

О чем говорить с пятиклашкой? Что было, то было, а может, и не было ничего. Он бы и один без нее добрался до берега, а то она больно раскомандовалась. «Провожу тебя», «Умойся да умойся» — не ее это дело.

Она пошла вдоль воды, маленькая, загорелая, как негритянка, с белыми выгоревшими полукружьями косичек на затылке, и спина ее словно озябла под взглядом Леонтия. Она уходила по самой кромке воды, и следы ее маленьких ступней смывались ленивыми наплесками Камы. Впереди у поворота реки качался красный бакен.

«Что я наделал-то?» — спохватился Леонтий. У него защипало в горле, и он подался было к воде, чтобы умыться, но умываться не стал, а кинулся к зарослям шиповника, с ходу выбрал самую крупную розу, схватился за стебель, чтобы сорвать ее. Стебель не поддался, шипы впились в ладонь. Превозмогая боль, Леонтий сорвал розу и побежал за девочкой.

Он догнал ее у поворота реки, забежал вперед, подал розу на колючем стебле и, высасывая кровь из ладони, сказал:

— Осторожно, тут колючки...

Глаза у девочки были испуганные.

— Как ты меня напугал!

Взяла цветок, понюхала и сказала уверенно:

— Чаем пахнет!

— Есть немного, — согласился Леонтий.

Что делать дальше, он не знал. Помолчали. Потом Леонтий пробормотал:

— Спасибо тебе... До свидания!

И пошел обратно.

А потом побежал...

Сегодня на борту «Кораблика» — победители. Многие из них занимаются в литературном клубе Дворца пионеров. Там, на Ленинских горах, проходил конкурс Московского фестиваля искусств пионеров и школьников.

Ребята принесли на конкурс стихи, поэмы, рассказы, очерки, путевые заметки — всего около шестисот работ. Из них жюри выбрало двести лучших.

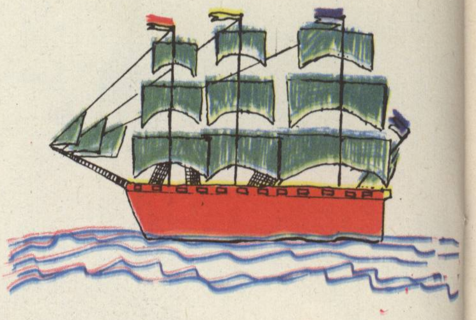
Нам очень хотелось напечатать всех премированных, но на страницах «Кораблика» больше не поместилось.

Помните, мы спрашивали, стоит или не стоит заменять эмблему «Кораблика»? И посыпались в «Журнал в журнале» письма. Кто говорил, что стоит, а кто говорил, что не надо, а многие просто присылали свои рисунки. Нам понравились из них пять. Вот они перед вами. «Кораблик с пионерским галстуком» Марины Джалиловой, «Кораблик с солнцем» Люси Евгун, «Кораблик с зелеными парусами» Саши Сухарева, «Корабль» Пети Иванова и «Корабль дружбы» Лады Рождественской. Только мы хотели выбрать из них нашу новую эмблему, как принесли еще один пакет. И вот там-то была самая настоящая прекрасная эмблема! Мы напечатаем этот рисунок в следующем, двенадцатом номере.

Лена СОМОВА учится в школе № 31, в пятом классе. Лена любит сочинять стихи и сказки.

Простор

Приглядись — увидишь много.
Вон гора, а вон дорога
мимо насыпи ведет.
А вон там течет река,
очень, очень глубока.
А еще подальше холм,
я вчера была на нем.
Видно с этого холма
всю округу до села.
А за этим за селом
солнце за гору
скатилось колесом.

Анжеле ГРИНЧУК 11 лет, она занимается в литературном клубе второй год.

Проснитесь!

Проснитесь, реки и леса!
Проснитесь, заяц и лиса!
Проснись, мой добрый дедушка!
Проснись, соседка-девушка!
Проснитесь, все мои друзья!
...Вот тогда проснусь и я!

Осень

Лишь начнут шуметь дожди —
Красна-солнышка не жди.
Листья опадают,
Ветер их срывает.
Льет, как из ведра,
С ночи до утра.
Но зато наутро
Все как в перламутре!

Стихотворение **Алены СОЩИНОЙ**.
Алена учится в седьмом классе.

Дельфины

Море ласкает
блестящие спины,
Свет отражая...
так это ж дельфины!
Быстро скользят
по зеленым волнам,
Пенным, хрустальным,
прозрачным хребтам.
Пусть пробегают
волна за волной.
Опережают
дельфины прибой.
Ветер доносит протяжный гудок.
Видят дельфины вдали огонек.
Всплеск — и исчезли в бурлящем просторе.
Счастье и дом их — бескрайнее море.

Стихи **Кирилла ПЕРШИНА**, шестиклассника.

7 ноября

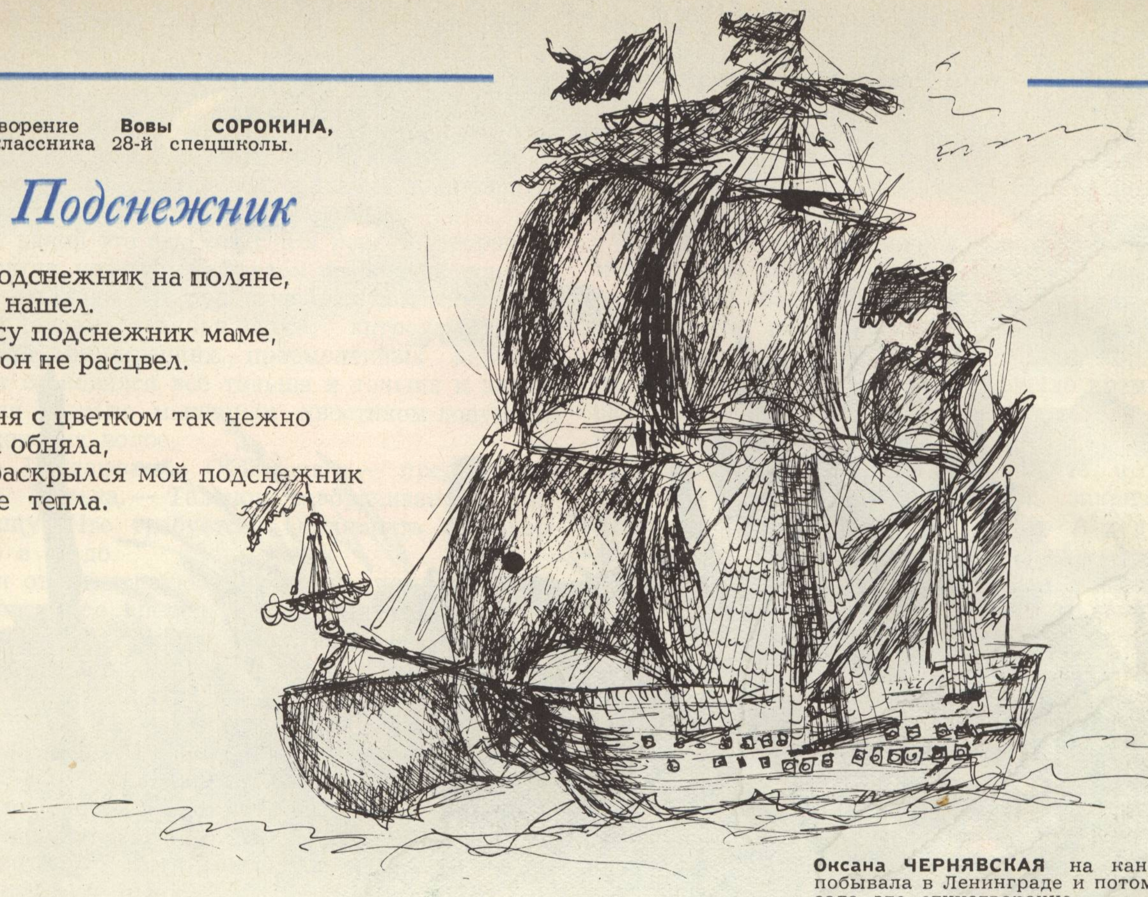
Какой прекрасный день сегодня,
Седьмое ноября!
Идут колонны школьников
На праздник Октября.
Идут, несут знамена
Алые, как кровь.
И Ленина портреты
Я вижу вновь и вновь.

Стихотворение **Вовы СОРОКИНА**, шестиклассника 28-й спецшколы.

Подснежник

Вот подснежник на поляне,
Я его нашел.
Отнесу подснежник маме,
Хоть он не расцвел.

И меня с цветком так нежно
Мама обняла,
Что раскрылся мой подснежник
От ее тепла.

Оксана ЧЕРНЯВСКАЯ на каникулах побывала в Ленинграде и потом написала это стихотворение.

Эрмитаж

Реликвии прошлого
потомки
Рассматривают в Эрмитаже,
Боятся дыханьем попортить,
Не прикасаются даже.
В этих старинных музеях
Мы попадаем словно
В очень далекое прошлое.
Боимся вымолвить слово,
Чтоб тишину не нарушить,
Чтоб уберечь покой,
Прошлое чтоб послушать
И унести с собой.

«Искорки» — это рукописный журнал, который выпускают в школе-интернате № 2. В одном из номеров напечатан рассказ **Лены БЕЛЯЕВОЙ.**

Турист

Летом папа решил меня взять с собой в Брянск. Я, конечно, с удовольствием поехала с ним. Там мы пробыли три дня.

Утром на четвертый день мы отправились в обратную дорогу. Через полдня остановились отдохнуть и пообедать.

Когда мы сели в машину и отправились дальше, нам послышалось, что кто-то мяукает. Сначала мы не обращали внимания, но мяуканье становилось все громче и чаще. Наконец, папа остановил машину. По-моему, мы осмотрели ее всю «с ног до головы», но ничего не обнаружили. Снова сели и поехали дальше. Но мяуканье не прекращалось, поэтому останавливаться нам пришлось еще два раза.

Во время одной такой остановки папа, залезая в машину, посмотрел вниз, и вдруг он увидел, что из-под руля торчит черный хвост.

Общими усилиями мы вытащили это мяукающее существо. Котенок был весь в солярке.

В первой же луже мы тщательно выкупали его.

Котенок оказался очень забавным и выносливым. Он доехал с нами до самого дома. Конечно, отказаться от такого сюрприза мама не могла. Котенка мы прозвали Туристом и оставили его у себя дома.

А. МУСАТОВ

Хорошо рожок играет...

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Все началось с того, что меня однажды затащил к себе Митька Савкин, сухонький, пучеглазый мальчишка, «мелкий частник», как мы его называли. Он угостил меня редиской с огорода и взахлеб принялся расписывать прелести пастушечьей жизни: все лето в поле, под открытым небом, родители далеко, наставлениями не допекают, полная свобода от скучных домашних обязанностей, делай, что твоей душе угодно. Хочешь, пали целый день костер и пеки картошку, хочешь, лови карасей в бочагах или собирай землянику на вырубке.

Еще Митька сказал, что пастухам теперь всюду почет, уважение, да и заработать за лето можно неплохо. И, загибая пальцы на левой руке, принялся подсчитывать, сколько он за прошлое лето, когда вместе с Авдеем пас частных коров, «зашиб грошей» и какие купил обновки.

Я даже растерялся от такого Митькиного напора.

— А как же эти мокрогубые... орда телячья? Ее пасти надо...

— Ха-ха! — выдохнул Митька. — А Ураган зачем? Он ученый, дрессированный, хоть сейчас в цирк! Ему только знак подай — любую животину утихомирит. А первым делом, первым делом... — Митька достал из-под кровати толстое веревочное кольцо и потащил меня на улицу.

Проулком мы прошли за огород. Митька взмахнул правой рукой, и веревочное кольцо развернулось на зеленой лужайке и превратилось в длинный шевелящийся кнут.

О, какой это был кнут! На резной, узорчатой рукоятке каленым железом выжжены таинственные знаки. От рукоятки шел сам кнут, толстый, словно девичья коса, хитроумно сплетенный из крепких просмоленных веревок. Кнут становился все тоньше и тоньше и завершался острым мышиным хвостиком-лопушкой из конских волос.

— Показываю! Объясняю! — предупредил меня Митька. — Теленок заворачивает к клеверищу. Что требуется? Остановить его, вернуть в стадо.

Он отвел правую руку назад, потом с силой выбросил ее вперед; гибкое тело кнута почти неуловимо мелькнуло у него над головой, и гулкий хлопок волосяной лопушки разорвал воздух, словно Митька выстрелил из пугача.

— Все! Шабаш! В стаде полный порядок, — удовлетворенно заявил Митька и протянул мне кнут. — Можешь попробовать.

Я попробовал повторить Митькины движения. Получилось сносно. Кнут щелкал громко и внушительно, хотя волосяная лопушка дважды обожгла мне щеку.

— Ничего, научишься, — успокоил Митька. — Я, когда начинал, чуть ухо себе не срезал. — Он свернул кнут в толстый бублик и протянул мне ладонь. — Значит, по рукам. Двинули в пастухи... На все лето. Втроем.

— Это кто же? Дед Авдей да мы с тобой?

— Дедушка само собой. А ему еще подпаски в помощь нужны. Три человека — я, ты да еще Андрюха Сергачев. Стадо-то ой-ой — почитай двести голов.

Я был сражен наповал. Разве не с Андрейкой, моим закадычным дружком, договорились мы все лето провести вместе?

В глубокой тайне был составлен план похода, разработан маршрут, припасены сухари, соль, спички, Андрейка даже утащил у брата компас, хотя стрелка его почему-то упрямо не желала показывать на север.

— Да не можем мы с Андрюшкой... Мы слово друг другу дали, — пролепетал я, едва не выдав нашего сговора.

— Известное дело, — ухмыльнулся Митька. — Тайна у вас великая, под семью замками. Твоя мамаша уже давно про этот секрет разведала. И подрядила тебя в подпаски к деду Авдею... Чтоб ты летом пустяками не занимался.

— Меня... в подпаски? — изумился я.

— Ага... И тебе прибыльно, и матери спокойно. И Андрюха тоже...

Я ничего не понимал.

— Приходи сегодня на пионерский сбор, — предложил мне Митька, — все и узнаешь.

О телятах разговор шел уже давно. За зиму и весну они подросли, в загоне около фермы стало тесно. А пастухов в колхозе раз, два — и обчелся. Все уже заняты — кто коров пасет, кто овец, кто свиней. Один свободный пастух остался — дед Авдей Прошечкин. Но две сотни бестолковых, озорных телят ему не под силу — нужны помощники.

Тогда тетя Катя Чашкина, заведующая фермой, вместе с дедом Авдеем пришла на наш пионерский сбор и произнесла целую речь. Вы, мол, ребята, первые наши помощники на ферме, шефы над телятами, зимой поили, кормили их, на ноги ставили, а теперь пришло время на пастбище выгонять, на зеленые луга, на подножный корм.

Повскакали тут с мест девчонки, те, что зимой над телятами шефствовали, закричали: «Нас в подпаски посылайте, нас...» А дед Авдей только головой покачал: не девчоночье это дело в пастухах ходить. Тут мальчишки нужны, да чтоб спорые были, резвые да выносливые. Вот вроде Митьки Савкина. А сам к пионерам присматривается — на ком бы глаз остановить. А все ребята к Андрейке Сергачеву обернулись. Так уж повелось в отряде: требуется ли вожатый к первоклашкам, надо ли срочно скворечники изготовить или школьную изгородь починить — всегда он первым оказывается.

При этом никто Андрейку не назначает, он сам вроде на все соглашается по своей охоте.

Вот и сейчас председатель совета отряда толстенькая Зина Лобачева объяснила ребятам, что посылать в подпаски в обязательном порядке мы никого не имеем права, дело это добровольное, по желанию. А сама все время на Сергачева поглядывала. Она рассказала, как Андрейка работал «подпаском у деда-мороза», помогал своей матери-овчарнице пасти прош-

— А Ураган зачем?.. Он любую животину утихомирит.

лой зимой овец по снегу, чтобы овцы дышали свежим воздухом.

И тогда Сергачев поднялся с места, помял в руках кепку и негромко сказал:

— Ладно, ребята... Раз надо, так надо...

Дед Авдей оглядел плотную Андрюшкину фигуру.

— Сергачев, значит... Ничего, этот сгодится. По матери знаю. Только мне тебя да Митьки мало — еще два помощника требуются.

— Петьку Теряева возьмите, дружка моего, — предложил Андрей. — Мы с ним вместе зимой овец пасли.

Я вполголоса напомнил Андрею про наш летний поход, но он покачал головой и шепнул мне:

— Надо ж кому-то телят пасти.

— И меня в пастухи запишите, — подал голос долговязый Вовка Костылев. — Я уже и кнут сплел.

— Дедушка, — шепнул Митька. — Бери их. Ребята безотказные, работать умеют.

— Ладно, можно зачислить, — согласился Авдей и обратился к тете Кате. — Оформляй их как положено. И пусть готовятся — одежка там, обувка, кнуты, чтоб все как надо... На днях телят выгонять будем.

Телят выгоняли чуть свет. Провожать их пришли тетя Катя и телятницы с девчонками-шефами. Пришла и моя мама и Андрейкина.

Ожидая, пока подойдет дед Авдей, тетя Катя пересчитала в загоне телят, поговорила о чем-то с телятницами, потом обратилась к нашим матерям. Она сказала, что молодняк породистый, цены ему нет, за ним нужен глаз да глаз, и она надеется на подпасков-ребят, они не какие-нибудь шалопуты, серьезные, толковые ребята.

Тут к телятнику подошел дед Авдей и Митька. Они были при полном параде. Старик в жестком брезентовом дождевике, гремящем, как лист железа, в сапогах, смазанных дегтем, кнут, свернутый в толстое кольцо, перекинут через плечо. На Митьке были лыжные ботинки и теплый стеганый ватник. Кнут свисал с плеча его и змеился по росистой траве, оставляя темный след. За Митькой трусил пес Ураган, лохматый, взъерошенный.

К пастуху подошла тетя Катя.

— Ну что ж, Авдей Силыч. Принимай телят и ни пуха, вам, ни пера. Хорошей пастьбы, больших привесов!

— Это уж как пить дать, — заверил Авдей. — Мое слово твердое. Готовь премии, хозяйка.

Дед Авдей привычным движением, словно кинжал из ножен, выхватил из-за пояса лубяной пастушечий рожок, приложил к губам и, округлив щеки, выдул задорную трель: «Хорошо рожок играет, разговаривает... Выгоняйте вы скотину на широкую долину...»

— Выгоняйте! — скомандовал нам дед Авдей.

Митька, щелкая кнутом и пронзительно сви-

Дед Авдей привычным движением выхватил из-за пояса лубяной пастушеский рожок.

стя, ворвался в загон. Ураган зашелся истошным лаем, мы с Андреем принялись размахивать хворостинами.

— Э-эй, мокрогубые... Пошли, пошли!

Телята ошалело заметались по загону.

— Так, Авдей Силыч, дело не пойдет, — вмешалась тетя Катя, останавливая подпасков. — Совсем запугаете молодняк... Тут добром да лаской нужно. Ну-ка, бабы, девчата, поманите их.

Телятницы и девчонки-шефы оттеснили пастушат в сторону и принялись ласково звать телят: Ночка, Незабудка, Ромашка, Находка, Черныш, Буян, Клеверок. Для каждого у них нашлись и корочка хлеба и кусочек жмыха.

Телята потянулись за своими няньками, спокойно вышли из ворот загона и побрели вдоль наезженной полевой дороги.

Дед Авдей шел впереди стада, Андрейка — с правой стороны, Вовка — с левой, мы с Митькой подгоняли телят сзади.

Часа через полтора, миновав березовую рощу и заросли молодых елочек, мы перевалили через крутой взгорок и по сигналу тети Кати остановили телят на берегу Пружанки.

— Вот ваши угодья, — сказала Авдею тетя Катя. — Ты эти места хорошо знаешь — до самого Владычина можно пасти.

— Да-а, места не дюже богатые, — покачал головой Авдей. — Справа река, лес, слева посевы поджимают. Не очень-то разгуляешься...

— Корма вроде хватит... Только расходуйте его с толком. И телят не обижайте.

В стороне от реки, в березовых перелесках, мы увидели просторный загон, обнесенный недавно ошкуренными слегами, а чуть поодаль — новенькую брезентовую палатку. Это наш летний лагерь. Мы должны пригонять сюда телят на ночевку, а сами будем отдыхать в палатке.

Заглянув в палатку, мы увидели деревянные топчаны, на них тугие матрацы, набитые соломой и покрытые шерстяными одеялами, посредине столик, на нем два фонаря «летучая мышь».

— И крыша над головой, и постели мягкие, — обрадовался Митька. — Жить можно! Чур, мое место у входа!

Мы с Андреем посмотрели друг на друга.

Вот так выбрали мы работенку на все лето! До колхоза не менее пяти километров — ни тебе в кино сходить, ни в футбол сразиться, ни в город съездить...

В этот день мы пасли все вместе. Дед Авдей показывал, как пускать стадо развернутым строем, как заворачивать его то в одну сторону, то в другую, как гонять на водопой.

Потом, когда пригнали телят в лагерь на ночевку, он сказал:

— Пасти будем по очереди. С утра Митька с Вовкой, после полудня Андрюха с Петькой. Главное, чтоб слухать меня во всем. Глазом моргнул, бровью повел — замри, в лепешку расшибись, но сделай. Меня в стаде нет, слухай Митьку. Его наказ — мой наказ. Освободились — шагай домой. Не желаете — здесь прохлаждайтесь, дело ваше...

Телят у нас в стаде около двухсот, все одной породы, но у каждого свои привычки, свой норов.

Больше всего нам доставалось от бычка Черныша. Смоляно-черный, как вороное крыло, только ноги в белых чулках да на лбу меловая отметина, он был силен, упрям и хитер.

Черныш без конца задирал телят, бодался и легко сбивал противника с ног. Скоро он стал признанным вожаком.

С утра он был у всех на глазах, а после полудня словно проваливался сквозь землю. Вместе с ним исчезало еще десятка два телят. Как это им удавалось, мы никак не могли разгадать. Нам ничего другого не оставалось, как отправляться на поиски. Обычно мы находили беглецов на дальних участках пастбища, где трава была гуще и сочнее. Возвращали телят обратно, но на другой день Черныш вновь уводил их из стада.

Еще не давала нам покоя Ночка. Избалованная вниманием и лаской телятниц, она чуть ли не каждый день убегала на колхозную ферму. Вот и сегодня стоило нам зазеваться, как она, хоронясь за кустами, припустилась к деревне.

Мы с Андреем бросились в погоню. Когда, едва переводя дыхание, мы наконец добрались до фермы, то увидели Ночку в окружении девчонок. Они гладили ее, ласкали, угощали.

— Вы что! — вне себя заорал Андрей и отобрал у девчонок куски хлеба и жмыха. — Хотите Ночку от стада отучить?!

Тут подошла Зина Лобачева. Увидев наши взмокшие рубахи, она все поняла и приказала девчонкам:

— Не сметь баловать Ночку. Эх, вы, а еще обещали помогать подпаскам!..

— Мы хоть сейчас! — закричали девчонки. — А чего делать надо?

— Для начала отвадить Ночку. Как прибежит на ферму, не ласкайте ее, не прикармливайте, а на веревку и обратно в стадо. Чтобы Петя с Андреем не гонялись за ней, как угорелые... Жить все лето с телятами в лагере — это вам не дом отдыха. Вот и подумали бы о подпасках.

С этого дня мы больше не гонялись за Ночкой. Девчонки всегда нам ее возвращали. Они принесли нам книги, газеты, журналы, шашки, шахматы, футбольный мяч и даже пионерский горн.

— Это еще зачем? — удивился Митька.

— Сигналы подавать, — объяснила Зина Лобачева. — Я вот по телевизору видела. Один пастух вместо рожка коров горном приманивал. Здорово получалось.

— Вы бы еще барабан притащили, — фыркнул Митька. Но горн все же взял.

Наше пастушечье утро начиналось с сиплого пения дедушкиного рожка, от которого вскакивали мы, подпаски. Телята продолжали нежиться в своем загоне.

— Глупые, несмышленыши, никакой музыки не понимают,— сердился дед и заставлял нас подымать наших подопечных.

— Дедушка, а может, на другой трубе сыграть? — однажды предложил Андрей, вынося из палатки помятый, видавший виды пионерский горн. И, приложив мундштук к губам, он заиграл сигнал «побудки». Телята в загоне зашевелились.

Дед Авдей помог выгнать телят. Проводил до пастбища и помахал нам рукой.

— Шуруйте, хлопцы, казакуйте, а я пошел... Рыбешки не забудьте наловить на уху там или на жарево...

— Куда это он? — спросил Андрей, когда Авдей скрылся в березовом перелеске.

Митька объяснил, что деда не иначе как вызвали по срочному делу на ферму или в правление колхоза.

— Часто его вызывают,— засмеялся я и рассказал ребятам, что не раз видел Авдея в сельской чайной.

— А позавчера в кустах, в тенечке, укрылся дождевиком и похрапывает, как дите малое... Нет, дед, как видно, утруждать себя не любит...—сказал Андрей.

— Так он ведь не молоденький. Где ему за телятами гоняться? — вступился Митька.

— Зря вы, ребята, на него,— вмешался в разговор обычно молчаливый Вовка Костылев.— Деду спасибо сказать надо, что учить нас взялся. У него ж опыт какой... с малых лет в пастухах.

— Подумаешь, опыт! — возмутился Андрей.— Прохлаждается невесть где, птицу бьет, зайцев. Вот заявим про него в колхоз или в «боевой листок» напишем.

— Нельзя, ребята,— сказал Митька.— Деда против шерсти лучше не тронь. Разобидится — из подпасков выгонит. И даже заработанного не получишь.

— То есть как не получишь? — удивился я.

Митька принялся объяснять, что дед Авдей не колхозник. Он заключил с правлением договор вроде бы в частном порядке. И кого он возьмет в помощники — его дело.

— Он что же, Авдей, частная контора?

— Частная не частная, но хозяин делу полный. Все от него зависит. Ты думаешь, вас пионеры в подпаски определили? Как бы не так. Дедушка выбрал.

— Мы ему не подначальные, Авдею-то,— упорствовал я.— Можем и отписаться из подпасков. Очень даже свободно.

— Поздно,— заметил Митька.— Дед Авдей вашим мамашам уже задаток вручил. Придется до осени работать.

— Как бы не так! — артачился я.— Вот сегодня же поговорю с матерью и уйду.

— А телята с кем останутся? — задумчиво спросил Андрей.— Они-то чем виноваты... Нет уж, видно, придется поработать.

Недели через полторы мы уже знали почти всех телят в стаде.

Были у нас молчуны и ревуны, пузанчики и хиляки, шустрики и тихони, сластены и привереды, лежебоки и бегуны.

Каждый вечер, пригнав телят с пастбища, мы пропускали их через узкие ворота в загон и вели счет: один, два, три и так до ста девяноста семи.

— Вон сколько нам телят препоручено, пастыри! Целая рота! Запомните эту цифирь,— поучал нас дед Авдей.— И еще на носу зарубите: вечером хоть одной телячьей души не досчитаюсь, никому спать не дам.

Однажды во время дежурства Митьки и Вовки разразилась гроза.

Тяжелая, темно-синяя туча, словно заслонка в печи, разом закрыла солнце. Ветер пригнул к земле траву и кустарники. Блеснула молния, и гром шарахнул с такой силой, что телята, как по команде, закружились на месте. Потом начался ливень с градом, и телята, задрав хвосты, бросились в лес. Ни крики пастушат, ни хлопанье кнутов, ни лай Урагана — ничто не могло остановить перепуганных телят.

Когда ливень с градом прошел, мы с Андреем побежали на опушку леса помочь ребятам. Митька старательно трубил в горн. Телята уже привыкли к этому сигналу, но сейчас ни один из них из леса не показывался.

Долго разыскивали мы телят. Находили их в глухих оврагах, в лесной чащобе, под разлапистыми елями и раскидистыми дубами. Но все же вечером, пропуская их в загон, мы не досчитались Черныша, Ночки и Пузана.

— Какой наказ был? — строго спросил Авдей.— Пока телят не найдете, спать не будете.

— Так гроза же...— заныл Вовка.— Мокрые мы насквозь.

— А вы как думали, дачная жизнь здесь, конфеты да пряники? Погрейтесь вот у костра, и марш. Из-под земли выройте, из ночи выломите, а чтоб все в ажуре было.

Обсушившись у костра, мы зажгли факелы из бересты и отправились в лес.

Трусливого, неповоротливого Пузана нашли довольно скоро. Забравшись под вывороченный корень старой ели, он пригрелся там и сладко дремал. Свет факелов разбудил его, и он поднялся нам навстречу.

Вовка погнал Пузана в лагерь, а мы пошли дальше, трубя в горн и зовя то Черныша, то Ночку.

Никто не знал, сколько прошло времени. Незаметно для себя мы опускались в низину. Тут мы и услышали жалобное мычание.

Митька бросился туда, откуда оно слышалось, но споткнулся, и факел выпал у него из рук.

— Стоп, братва!.. Здесь трясина. Мы вышли к Епишкиному болоту.

Мы помогли выбраться Митьке из вонючей жижи и принялись собирать хворост, жерди, лесины. Шаг за шагом укладывали их на зыбкую трясину, пока не добрались до теленка, по самую шею завязшего в болоте. Это был Черныш. Обессиленный, он уже не мычал и смотрел на нас тоскливыми глазами.

Мы попробовали было вытащить теленка из трясины, но ничего не получалось.

— Крепко засел, придется за веревкой идти, — сказал Андрей.

— Пока будешь ходить, трясина его с головой засосет, — хмуро возразил Митька. — Попробуем ремнями вытащить.

Мы сняли с себя поясные ремни, связали их вместе, подсунули под передние ноги Черныша и помогли ему выкарабкаться на настил из веток и хвороста.

— То-то, дуралей. — Митька шлепнул бычка по мокрой спине. — Мы тебе, можно сказать, жизнь спасли, а ты нам каждый день свинью подкладываешь.

Мы с уважением посмотрели на Митьку. Все же он был дельный парень. Умел ориентироваться в лесу даже в пасмурный день, знал все травы. Умел развести костер в любую погоду, разделать рыбу, сварить уху, кашу, ловко залатать порванную одежду, починить обувь.

— Пастух что солдат в походе, — любил говорить Митька. — Нянек, мамок с ним нет. Все сам должен уметь...

Теперь нам оставалось найти последнего, сто девяносто седьмого теленка. Мы выбрались на сухое место и, зовя отчаянными, хриплыми голосами Ночку, вновь принялись кружить по лесу.

Вдруг среди деревьев замелькал берестяной факел и показался Вовка Костылев.

— Ладно, не надрывайтесь. Нашлась Ночка. — И он рассказал, что обнаружил перепуганную телочку в палатке, под Андрейкиным топчаном.

На другой день, загоняя стадо на ночевку, мы с Андреем обнаружили, что число телят перевалило за две сотни.

Решив, что допустили ошибку, утром еще раз пересчитали и еще раз убедились в том, что в стаде прибавилось пятеро телят.

Все они были разномастные и держались особняком. Жалобно помыкивая, они растерянно посматривали по сторонам.

— Откуда они взялись? — спросил Андрей у Митьки. — Из соседнего колхоза отбились, что ли?

— Нет, они не приблудные, — пояснил Митька. — Авдей с фермы пригнал. Все лето пасти будем.

— А почему такие хилые да квелые?

— Дед сказал, после карантина. Он велел за новичками особо присматривать, кормить их получше.

•

Рано утром мы с Андрейкой выгнали стадо на пастбище. Участок нам достался вытоптанный, с чахлой, подсушенной солнцем травой, но дед Авдей строго-настрого приказал дальше межевого столба телят не пускать, так как за ним начинались угодья соседнего Владычинского колхоза.

С полчаса телята сощипывали редкие былинки, потом стали беспокойно оглядываться, недовольно взмыкивать, и стоило нам немного зазеваться, как они устремились за Чернышом.

Черныш, как бывалый проводник, втянул в себя воздух и помчался к делянке темно-зеленой кустистой пшеницы. Телята не заставили себя долго просить и последовали за бычком.

— Петька! Да что ж это? — всполошился Андрей. — Они же хлеб жрут. Я знаю... Это поле второй бригады.

Мы кричали на телят, швыряли комья земли, свистели, щелкали кнутами и, наконец, завернули их за дорогу, в перелески.

Один только Черныш задрал хвост и помчался в глубь поля. Я так и не смог его завернуть.

— Ну, погоди! — погрозил я и, злой, измученный, вернулся в лагерь.

После обеда мы отправились на поиски: кричали, аукали, трубили в горн. Обшарили все перелески, овраги, прочесали берега Пружанки, заглянули на Епишкино болото, но бычка нигде не было.

И тут на территории Владычинского колхоза в зарослях кустарников мы увидели мальчишку. Белоголовый, скуластый, он косил высокую траву.

— Эй, вы, горнисты! — окликнул он нас. — Чего надрываетесь? Теленка, что ли, ищете? Да у нас он, у нас. В загоне. Мы в правление колхоза передали, чтоб они по телефону сообщили в ваш колхоз. Ваш бычок, забирайте.

— А ты сено, что ли, на зиму запасаешь? — спросил Андрей.

— Какое сено — телят подкармливаем, — объяснил мальчишка. — Вон сколько добра в кустах пропадает!

Мы пошли вслед за мальчишкой. По дороге разговорились. Оказалось, что Ленька (так звали нашего проводника) тоже пасет телят, вернее, пасет его отец, а он с братишкой и сестренкой помогает ему.

Вскоре мы увидели владычинских телят. Паслись они на участке, обнесенном проволокой, и только два лохматых рыжих пса присматривали за телятами.

— А где же пастухи? — удивился Андрей.

— Батя с ребятами зеленую подкормку для телят раздобывают... Мы их теперь по-новому пасем.

От Леньки мы узнали, что отец разбил пастбище на клетки-участки и обнес их проволокой. Телята съедят траву на первом участке — их перегоняют на второй, потом на третий, на четвертый. А потом снова на первый: трава к тому времени на нем подрастет. А еще они дают телятам для нагуливания аппетита соль-лизунец и подвозят траву, — сами косят ее в оврагах да в кустах.

Много интересного узнали мы от Леньки. Наконец, распрощавшись с ним, мы забрали Черныша и повели его к себе в лагерь.

Авдей очень рассердился, когда мы рассказали, как Черныш увел телят на колхозные посевы. И велел наказать Черныша: продержать его денек-другой на привязи.

Мы рассказали деду и о владычинском пастухе дяде Павле.

— А-а, это Пашка Кузьмичев, — отмахнулся Авдей. — Знаю я его, знаю. В пастухах без году неделю ходит, а все мудрит, пыжится. А вы и уши развесили. Телят, как цыплят, по осени считают.

Дня через два, получив от девчонок пачку свежих газет, мы с Андрейкой решили почитать их Митьке с Вовкой — они пасли телят во вторую смену.

Явились в лагерь пораньше и отправились разыскивать стадо. Долго бродили среди перелесков, телята словно сквозь землю провалились. Наконец напали на свежие следы. Они привели нас к опушке леса, к полевой дороге. В одном месте дорога описывала полукружье, и большая делянка цветущего клевера вклинивалась в пастбищные угодья.

Мы так и замерли: на пунцовом клеверном ковре привольно паслись наши телята, и подпаски не проявляли никакого беспокойства. — Вовка лениво забавлялся с Ураганом, Митька лежал на земле и высасывал из клеверных головок сладкий сок.

— Ты что? — подбежал к нему Андрей. — Не видишь, где телята?

— Надо же им клевером подзаправиться, — спокойно отозвался Митька. — Сам знаешь, клевер — лучший витаминный корм. Пососи вот — прямо чай с медом.

— Вот голова садовая, — принялся убеждать его Андрей. — Это же колхозный клевер. А вы его с Вовкой травите.

— Эко дело. Посевов вон сколько... море разливанное. Запахали все, засеяли, телятам некуда податься.

— Пусть покормятся, пусть пожируют, — поддержал его Вовка.

— Да вы что... Нарочно все это придумали? Заодно действуете? Вот мы сейчас деда Авдея позовем.

— Не дозовешься! — засмеялся Митька.

— Ах, так! — взорвался Андрей. — Тогда мы сами... — и решительно махнул мне рукой. — Чего болты болтать... Погнали телят!

Он нагнулся, схватил рукоятку Митькиного кнута, отбежал в сторону, энергично выкинул вперед правую руку, и залоснившийся от сухих трав кнут грозно щелкнул над головами телят.

— А ну пошли! Геть, геть! Ураган, давай!

Я тоже распустил свой кнут и стал помогать приятелю.

После такого натиска телята довольно быстро оставили клеверную делянку, перешли дорогу и скрылись в перелесках.

— Ну, и силен ты! — фыркнул Митька, подходя к Андрею и отбирая у него кнут. — И откуда только взялся такой?

— Из колхоза, вестимо, — отшутился Андрей.

— А ты видал, как солнышко траву подсушило, — принялся объяснять Митька. — Телята вроде как на голодном пайке остались. А их сейчас кормить до отвала надо. С нас ведь какой спрос в первую очередь? Чтобы привесы росли, мясо с жирком нагуливалось.

— По-честному пасти надо, как дядя Павел из Владычина. А нашим привесам грош цена. Это хуже воровства так пасти.

— Ну ты... еще чего скажешь! — растерялся Митька. — Кто ж из пастухов посевов не прихватывает?

— А ты все же доложи деду, как колхозные посевы травишь, — сказал Андрей. — Или нам с Петькой сказать?

— Давай, давай, — ухмыльнулся Митька. — Просветите деда.

Но «просветить» деда мы не успели. К вечеру он заявился в лагерь, оживленный, с туго набитым рюкзаком за плечами и с корзиной в руке.

— Ну, други мои, пастушата верные, радуйтесь и веселитесь! Пришло времечко и нам попраздновать!

И он принялся извлекать из корзины круги колбасы, сыр, сдобные булки, консервы и несколько бутылок фруктовой воды. Потом Авдей развязал рюкзак и достал подарки. Каждый из подпасков получил по прозрачному пластмассовому плащу с капюшоном, по шоферской кожаной фуражке с черным лакированным козырьком и по паре резиновых сапог.

— Берите, примеряйте! — прикрикнул Авдей на растерявшихся подпасков. — Свое получаете, законное, заработанное! Сегодня в конторе нам выдали аванс и премию за ударную работу.

Часть денег Авдей вручил мамашам, чему они очень обрадовались, а часть потратил на угощение и экипировку.

— Теперь вам никакая непогода, никакая хлябь болотная не страшна, — заявил он, оглядывая Митьку и Вовку, облачившихся в прозрачные плащи и резиновые сапоги. — Ну как, угодил я вам?

— Спасибо, дедушка, — в один голос отозвались Митька с Вовкой. — Мы теперь, как водолазы... Хоть на дно моря...

— Ну, вот и славно... Значит, угодил... Носите на здоровье. А теперь — давайте закусим.

Мы расселись около костра и с аппетитом принялись за еду. Один Андрей стоял в стороне.

— Чего мешкаешь? — кивнул ему Авдей. — Забыл поговорку: кто зевает, тот воду хлебает. Смотри, ребятки как наворачивают... Любо-дорого.

— А ему не до еды, — фыркнул Митька. — Он все шукает да копает.

— И до чего же он докопался, Андрюха ваш?

— А вот до того. — Митька переглянулся с Вовкой. — Мы, дескать, такие-сякие немазаные, сухие... телят пасем неправильно.

— Ну и ну, — перестав жевать, Авдей с любопытством уставился на Андрея. — Поучи нас, поучи... бывалый пастух... Послухаем...

— Чего мне вас учить, — густо покраснев, сказал Андрей. — Сами должны знать. По соседству с дядей Павлом работаем. А что у нас?

Пастбище вытоптано, трава плохая, а подкормку телятам не даем, если не завезут. Теперь вот колхозные посевы стали травить.

— Это кто посевы травит? — прищурившись, Авдей зорко оглядел подпасков и, вдруг цепко ухватив Митьку за плечо, притянул к себе. — Твои штучки-дрючки?

— Дедушка, да всего один раз... — забормотал Митька. — Зазевались мы с Вовкой, Черныш телят и заманил. Разве за ним уследишь?

— Обормот! Олух царя небесного! — Авдей разразился бранью. — Я тебе что наказывал? С Черныша глаз не спускай! Да за потраву, знаешь, что бывает? Допреж пастухов смертным боем били. Еще раз про потраву узнаю, враз из подпасков выставлю! — Он пребольно щелкнул Митьку по затылку.

Скривившись, тот метнулся за кусты.

— Хватит, попировали! — Авдей раздраженно махнул рукой и велел нам ложиться спать.

Все ушли в палатку. Было душно, парко, над ухом назойливо ныли комары, которых мы никак не могли выгнать из-под брезента. Тело покрывалось липкой испариной.

Чувствуя, что нам не заснуть, мы с Андреем вытащили матрацы из палатки и устроились под березой на поляне.

— Зря ты деду про Митьку сказал, — шепнул я Андрею. — Видал, как он разъярился...

— Так я ж не про Митьку, я вроде про всех нас сказал: мол, колхозные посевы травим. Авдей почему-то сразу на Митьку накинулся...

Мы замолчали. Ущербный ломтик месяца скатился за зубчатую стену ельника, ближние березовые перелески закрылись мглистой тьмой. В сухой траве тоненько пилили кузнечики, в загоне дремотно вздыхали и посапывали телята. Стали задремывать и мы с Андрейкой.

Неожиданно совсем близко от нас зашуршали кусты, и на поляну вышел Митька. Следом за ним — Авдей. Они остановились у догорающего костра.

— Пробегал вот! — Авдей кивнул на разложенную на газете еду. — Поешь да на боковую...

Митька молча присел у костра, но есть не стал, только пошевелил палкой догорающие головешки.

Дед присел рядом.

— Ну, чего дуешься, как пузырь... Я же не со зла.

— А зачем обозвал при всех, — с трудом выдавил Митька. — Такой я разэтакий... Да еще по затылку... Ты же сам наставлял: пасти с умом надо, с разумением. Чтобы телята от пуза ели... Когда можно — посевами подкормить.

— Дурачок! — примирительно сказал Авдей. — Так я ж для отвода глаз пошумел на тебя. Чтоб Андрюху с Петькой с толку сбить... Вот не было печали — черти накачали. И зачем я только связался с ними. Надо же... Учить меня собрались. Как телят пасти да как привесы нагуливать.

— Дедушка, — попросил Митька. — Не посылай меня больше телят на посевах пасти.

Блеснула молния, ударил гром...

А вдруг попадемся. Хуже будет! Помнишь, как мне в Кузьминках прошлым годом за потраву попало. И тебе чуть не досталось.

— Ах ты, праведник, ангел с крылышками! — язвительно зашипел Авдей. — Тогда зачем липнешь, собачонкой за мной бегаешь? Тебе что, мало от меня за усердие перепадает? Кто тебя обул-одел? Кто мамаше твоей деньжат подбрасывает? А теперь, значит, не угоден тебе Авдей! Ну что ж, могу и освободить от подпасков. Хоть завтра. Только чтоб мамаша твоя с поклонами да с просьбами ко мне больше не заявлялась.

Митька молчал.

— Ладно, оставайся пока, — смилостивился Авдей. — Вижу, тебя все эти доглядчики Андрюха и Петька с толку сбивают. — Он помолчал, вытащил из костра уголек, прикурил. — А может, их... Домой отправить, к мамашам, да других подпасков взять. Только свистни — от желающих отбоя не будет.

— Как же... отправишь их, — возразил Митька. — Андрюха говорит: я не к деду Авдею работать нанимался, а в колхоз. Ему и служить буду. Теперь про нас с Вовкой обязательно в «Боевой листок» настрочит...

— Это ничего, — успокоил Авдей. — Вас-то я прикрою, в обиду не дам. А ты наперед похитрее будь, поизворотливей. Ухо востро держи с этими праведниками. А пока давай-ка спать.

Потушили костер и ушли в палатку. Пораженные всем слышанным, мы с Андреем долго молчали.

— Чего делать-то будем? — растерянно спросил Андрей.

Я сказал, что дело с потравой рано или поздно выплывет наружу. И тогда вина ляжет не только на Авдея, а на всех его помощников. Так не лучше ли нам махнуть на все рукой и, пока не поздно, уйти из подпасков?

— Значит, бежим, смываемся... — бросил Андрей.

— Почему смываемся? Мы прямо заявим: не желаем с Авдеем работать.

— Ну, хорошо, уйдем из подпасков, — продолжал вслух раздумывать Андрей. — Смотрите, мол, люди, какие мы чистенькие да какие пригожие... Нет, Петька, нельзя нам смываться отсюда, никак нельзя.

Утром над Пружанкой долго стоял молочный туман. Солнце уже окрасило верхушки берез и елей, а туман стоял недвижимо, и кусты ольховника, лозняка, черемухи, берега реки, дальний Епишкинский лес — все было залито матовой белизной. Только к полудню стало проясняться.

Мы с Андреем уже собрались на пастбище, чтобы сменить Митьку и Вовку, когда к лагерю верхом на пегой лошади подъехал рослый носатый парень из Владычинского колхоза.

— Где ваш старшой? — строго спросил он.

— Должно быть, на пастбище... с телятами, — ответил Андрей.

— Нет его нигде... Спрятался он с перепугу, что ли? Может, в палатке отсиживается? Ну-ка, пошарьте...

Мы с Андреем заглянули в палатку — она была пуста — и спросили парня, что случилось.

— Потрава. Ваши телята у нас семенной ячмень пожрали. Мы девять телят захватили. — Парень дернул поводья. — Поеду до вашего начальства...

Мы побежали к месту происшествия. Это было не близко, километра за два.

— Ну и Митька! Вон в какую даль его шарахнуло, — удивился Андрей.

Нам с Андреем было о чем подумать.

У изрядно помятого и пощипанного участка с сортовым ячменем толпились владычинские колхозники.

Девять наших телят с накинутыми на шеи веревками были привязаны к раскидистой березе, росшей на краю семенного участка. Среди них был и Черныш. Остальные телята паслись в редком осиннике, под присмотром Вовки. Среди колхозников, размазывая по щекам слезы, метался Митька.

— Дяденьки, отпустите телят. Мне же дедушка Авдей голову за них снимет.

— Нельзя, малый, нельзя! — хмуро отмахивался бригадир семенного участка. — Пока убытков не покроете...

— Это все Черныш, — скулил Митька, кивая на бычка, который, натянув веревку, невозмутимо тянулся к стеблям ячменя. — Заводила он и сластена... Никого не слушает.

— И зачем таких несмышленышей в пастухи посылают? — сочувственно заметил пожилой колхозник.

— А где старший пастух? Где начальство колхозное? — спросил бригадир. — Пора бы и акт на потраву составлять...

Наконец к посевам, сопровождаемые парнем на пегой лошади, подъехали тетя Катя и дед Авдей.

Митька бросился было к старшему пастуху и принялся жаловаться на придурка Черныша. Но дед не стал его слушать. Он резво соскочил с задника телеги и, путаясь в полах длинного брезентового плаща, подбежал к делянке, кинул взгляд на посевы, на телят, привязанных к березе, потом шлепнул ладонями по полам плаща и накинулся на подпасков.

— И что вы только нагородили? Зачем телят из леса выпустили? Ах вы обормоты, саранча зеленая!..

— Дедушка, но я... но мы... Мы же ничего... — Андрей, наверно, хотел сказать, что он и я телят сегодня еще не пасли, но Авдей быстро перебил его.

— Ну вот вам, полюбуйтесь, — всплеснул он руками. — Я не я и лошадь не моя. Ушел на часок по делу, а они тут напортачили и в кусты. — Взъерошенный, как драчливый петух, он шагнул к Митьке и схватил его за плечо. — Отвечай, паршивец! Какой вам наказ дал?

Вздрогнув, Митька попятился назад, потом, не глядя на меня с Андреем, с трудом выдавил:

— Мы... мы все вместе пасли...

— Да ты что! — кинулся я к Митьке.

Но Авдей, замахав руками, не дал договорить и мне.

— И кого только в помощники мне навязали!

— Кто ж тебе их навязывал, — заметила тетя Катя. — Сам отбирал. И обучал сам. Выходит, с тебя и спрос.

— Ладно, дорогие соседушки, — оборвал его владычинский бригадир. — Кто виноват — стар или мал, вы потом у себя разберетесь. А пока суд да дело — надо акт составить.

— Правильно, — согласилась с ним тетя Катя. — От потравы мы не отказываемся — дело очевидное. Убытки вам, конечно, возместим, только телят отпустите. — И, обратившись к Авдею, сказала, что на днях состоится собрание животноводов. — Вот вы нам толком тогда и объясните насчет потравы.

— Да уж доложу... все чин по чину, — кивнул Авдей. — Выведу огарков на чистую воду.

После потравы владычинского участка в колхозе стали поговаривать, что напрасно правление доверило пасти телят пионерам.

— Оконфузились вы, ребятки, — упрекнула

нас с Андреем Вовкина бабушка, встретив на улице.— И вы и дружки ваши. Определили вас на лето к золотому человеку, на хороший приработок, а вы самовольничать стали, озоровать.

Я принялся доказывать, что все это неправда, но бабка только отмахнулась: дед Авдей — человек достойный, и незачем возводить на него всякую напраслину.

Потом нас встретила Зина Лобачева и принялась упрекать, как же мы дошли до жизни такой: не следим за телятами, травим колхозные посевы. Что же мы скажем теперь на собрании?

Помолчав, мы рассказали Зине о своих наблюдениях над Авдеем, о его лодырничестве, о подслушанном разговоре с Митькой...

— Ой, ребята! — всполошилась Зина.— Так надо же рассказать обо всем.

— Думаешь, так просто...— вздохнул Андрей.— Пришел на собрание и рассказал. Авдей, он, как уж, скользкий.

— Что ж делать-то?

Удрученные, мы вернулись в лагерь и, встретив Митьку с Вовкой, сказали им, что нас, судя по всему, выгонят из подпасков. Выгонят с треском, с недоброй славой, как ловкачей и жуликов.

А чтобы этого не случилось, надо действовать: заявиться сообща на собрание и вывести Авдея на чистую воду.

— Не надо, ребята, на собрание,— жалобно попросил Митька.— Промолчим лучше.

— Зачем молчать?— удивился Андрей.— Вам же с Вовкой хуже будет... а скажете правду, как Авдей заставлял вас телят посевами подкармливать, все и прояснится.

— Кто заставлял?— взъерепенился Митька.— Ты на деда не бреши!

— А твой разговор с ним,—напомнил Андрей.— Ночью тогда... У костра...

Митька насупился, опустил голову. Потом, тяжело вздохнув, заговорил о том, что все же Авдея надо бы пожалеть. У него сейчас самое удачное время — телята хорошо прибавляют в весе, в колхозе его работой довольны, и он рассчитывает на солидную премию. А из этой премии перепадет не только деду, но и всем нам, пастушатам...

— Ничего себе премия,— усмехнулся Андрей.— За счет чужих посевов...

— Так Авдей теперь осознал вроде...— продолжал Митька.—Говорит, бес его попутал... Больше он к посевам ни одного телка не допустит.— Он вдруг умоляюще заглянул нам в глаза:— Ну, ребята... Ну, что нам стоит. Скажем, что по глупости посевы потравили. По неопытности.

— Значит, ври гуще, бреши почем зря,— перебил я Митьку.— Кто ж тебя обучил этому?... Дед Авдей, что ли?

Митька молчал.

— А как он обучал-то тебя?— осторожно спросил Андрей.— Рукам воли не давал?.. Может, угрожал чем?

Митька продолжал молчать.

— Заколодило, значит... И сказать нечего,— бросил я ему в лицо.—Так вот знай: молчать на собрании не будем!

— Ладно! Тогда я скажу!—Митька передернул плечами.—Вчетвером мы телят пасли! Я, Вовка, ты и Андрюха. И нарочно в ячмень их загнали. А дедушка тут ни при чем...

— Ах, ты, подлипало авдеевское! Сума переметная!..— Не выдержав, я бросился на Митьку с кулаками.

Но Андрей не дал нам схватиться. Потом отвел Митьку в сторону: —

— Ну, зачем ты Авдея выгораживаешь? Зачем? Он ведь жулик. Ему бы только словчить да грошей сорвать побольше. А ты у него, как собачонка на привязи...

— А что мне делать осталось,—признался Митька.— Дед Авдей прямо сказал: «Оговорите меня на собрании, сам из пастухов уйду. В другой колхоз подамся. И ты, Митька, больше за мной не вяжись. Живи, как знаешь». Вам-то ничто, а куда нам с Вовкой без заработков...

— Может, и впрямь помолчим,—подал голос Вовка.— И на собрание не пойдем. Пусть там дед Авдей выкручивается, как знает.

Покачав головой, Андрей сказал, что их молчание ни к чему не приведет. Взрослые все равно догадываются о проделках Авдея и держать его в пастухах больше не будут.

— И знаете, что я придумал,—продолжал он.—На место деда, наверное, нового человека поставят. А мы давайте так вчетвером с ним и останемся.

— Вчетвером!— удивился Вовка.— Без деда Авдея?

— Говоришь, нам нового пастуха могут прислать?— задумчиво сказал Митька.— А разве меня в подпасках тогда оставят?

— А почему не оставят?

— Нет, Андрей,— вздохнул Митька,— не годится мне стадо пасти. Да и Вовке не следует. Мы же с ним в первых помощниках у деда ходили. Врем почем зря, обманываем всех, колхозные посевы не жалеем. Какая нам теперь вера от людей может быть?

— Да ты что,— растерялся Андрей.—Деда снимут, ты с Вовкой уйдешь. Кто же телят пасти будет? А потом— почему это тебе веры не будет? Ты же раньше по чужой подсказке все делал, а теперь по-другому заживешь, своей головой.

Митька долго молчал.

— Ладно,—наконец с трудом выдавил он.— Не буду я Авдея выгораживать.

На другой день мы облазили всю речную пойму и убедились, что травы там в достатке, только она была недоступна для телят. То их пугали глухие, непролазные кустарники, глубокие ямы и рытвины.

Мы принесли из дома старенькую косу и несколько пустых мешков.

Пока Вовка с Андреем пасли телят на лужке

за березовыми перелесками, мы с Митькой начали траву косничать. При этом Митька, хорошо знавший травы, объяснял мне, какая из них особенно питательна и полезна телятам, а какая несъедобна и даже вредна. Потом мы набивали мешки травой, тащили их на пастбище и угощали своих подопечных.

— А неплохо получается. Прямо-таки добавочное питание! — обрадовался Вовка.

— Только вот справимся ли? — усомнился Митька.

— Да мы ж не одни, — сказал Андрей. — У нас помощники есть. Я им уже просигналил.

И верно. Часа через два к нам заявилась группа девчонок во главе с Зиной Лобачевой. Они катили легкую тележку на двух колесах.

— Вот так косари-помощники! — фыркнул Митька и спросил у девчонок, держали ли они когда-нибудь в руках косу.

— А мы не косить, мы жать будем. — Зина помахала нам серпом.

В разгар работы к нам подошел дед Авдей.

— Ого! — удивился он, заметив девчонок. — Много же вас набежало. Всем миром, значит, пастушат выручаете. Напроказили, огарки, потравили посевы, а теперь за ум взялись. Ну да это, пожалуй, и к лучшему. — И он милостиво кивнул девчонкам. — Работайте, старайтесь.

В этот день телята так набили животы травой, что даже не заглядывались на колхозные посевы и в полдень почти без понуканий согласно побрели на водопой.

— Вы это здорово с ручной тележкой придумали, — сказал Андрей Зине Лобачевой. — Мешками-то травы много не натаскаешь. Вот если бы нам лошадь с конюшни дали... А еще бы соль-лизунец достали. И проволоки раздобыли побольше. Мы бы пастбище на участки разгородили... Как у дяди Павла из Владычина.

После обхода к стаду подошли какие-то незнакомые женщины.

Окружив нас, тетки принялись расспрашивать, как мы пасем телят, далеко ли гоняем, хватает ли кормов.

— А зачем вам? — спросил Андрей.

— Так мы ведь не сторонние здесь, — улыбнулась одна из теток. — Вот они, наши красавчики, разгуливают...

— Почему ваши? — удивился я. — Это колхозные телята.

Но женщины, не слушая меня, опустили на траву свои кошелки и вошли в стадо. Они переходили от одного теленка к другому, ласково окликали их, и, наконец, отыскали своих. Погладили их, почесали за ушами, угостили хлебом с солью.

— А ничего будто пасутся... сытые телятки, ухоженные. Вот и свежей травки им накосили.

Мы с Андреем переглянулись. Обласканные женщинами телята как раз были из той пятерки новеньких, которыми недавно пополнилось наше стадо.

А тетки тем временем расстелили на траве газету и, раскрыв кошелки, принялись выкладывать пироги, ватрушки, вареные яйца.

— Присаживайтесь, ребятки, угощайтесь. Вы уж и дальше так, присматривайте за нашими телятами. Мы ведь с дедом Авдеем обо всем договорились. Хорошо отблагодарим его. Да и вам, пастушатам, добрая толика перепадет...

— Какая... толика? — не понял Андрей.

— Ну, деньжат за труды подкинем. Обновки купим. В накладе не останетесь...

— А вы, тетеньки, откуда? — спросил я.

— Из Дубровки мы... С пастбищем у нас в этом году плохо, да и пастуха справного не нашлось. Спасибо, хоть Авдей смилостивился.

Мы подозрительно покосились на Митьку и отвели его в сторону.

— Ты нам что говорил? — подступил я к нему. — Колхозные телята... пополнение?

Лицо у Митьки пошло красными пятнами.

— Да вы что, ребята? — растерянно забормотал он. — Да не знал я ничего, не знал...

Мы молчали.

— Не верите?.. Да? — выдохнул Митька. — Опять, мол, Авдея выгораживаю? Тогда я... — Распустив кнут и судорожно сжимая его рукоятку, он вдруг шагнул к женщинам.

— Топайте отсюда! Забирайте свои пироги-пышки! И телят уводите!

Тетки с недоумением поднялись:

— Ошалел, малый!

— Уводите, говорю! — крикнул Митька. — Чтоб духу их не было. — И решительно махнул нам рукой. — Андрюха, Петька, марш на ферму, зовите животновода, пусть акт на этих теток составят.

— Правильно, — поддержал я Митьку. — Нельзя нам в колхозном стаде чужих телят пасти. Запретило правление. — И я сделал вид, что готов сию же минуту бежать на ферму.

Женщины, собрав еду, заругались, заохали, пригрозили, что пожалуются Авдею, но сами быстро словили своих телят и, накинув им на шеи веревки, вывели из стада.

Митька оглушительно щелкнул кнутом.

— Теперь-то верите? Или опять нет?

— Да, верим, верим. — Андрей хлопнул его по плечу. — Ловко же ты этих дачниц шуганул.

— Ловко-то ловко, — помрачнел Митька. — А только мне теперь в пастухах не быть...

Вечером, когда телят загоняли на ночевку, Авдей долго присматривался к стаду:

— Опять телят растеряли?

— Нет, дедушка, все в порядке, — невинным голосом пояснил Андрей. — Тут какие-то тетки приходили и забрали своих. Они, оказывается, к нашему стаду приблудились...

— Это кто ж позволил? Без моего-то ведома! — Авдей строго поманил к себе Митьку.

— А он ничего не знает, — сказал Андрей. — Это мы с Петькой телят отпустили. Чего в самом деле чужаков пасти... тут и своим травы не хватает.

— Черт те что! Скоро совсем на голову мне сядете, — подозрительно косясь на Андрея, выругался Авдей.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Центральный зал Музея Революции в городе Алтан-Булак

26 НОЯБРЯ У МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ЕЙ ИСПОЛНЯЕТСЯ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ.

П. ХОРЛОО, монгольский детский писатель

Высокие горы, широкие реки, голубые озера и бескрайние степи — это моя родина.

Я родился в пустыне Гоби. Гобийская степь на горизонте сливается с небом, искрятся на солнце песчаные барханы, а в голубом мираже кажется, будто вдали синеет и плещется море.

В детстве я пас овец под палящим солнцем и знаю, как тяжел труд скотоводов. Они работают от восхода до захода солнца. Поздно вечером любят, не торопясь, обсудить события прожитого дня. Если в юрту приходит гость, он знает, что самое большое уважение он проявит к хозяевам, если начнет расспрашивать об их труде.

Монгольские ребята с детства помогают родителям. Свободно ездят верхом, пасут стада. И во время национального праздника — Надома участвуют в скачках наравне со взрослыми.

Монголия — страна молодости. Половине ее людей не исполнилось и двадцати лет.

Монголия раньше была феодальной, отсталой страной. Народ ее был бесправен, угнетен жестокими ламами. Сейчас Монголия — социалистическая республика.

У нас в народе говорят: «Самая мудрая из наук — дружба». Настоящие друзья всегда рядом — и когда хорошо и когда плохо. Советские и монгольские воины в 1939 году сражались вместе на Халхин-Голе, когда на нас напали японские захватчики. А в годы Великой Отечественной войны наш народ помогал своему

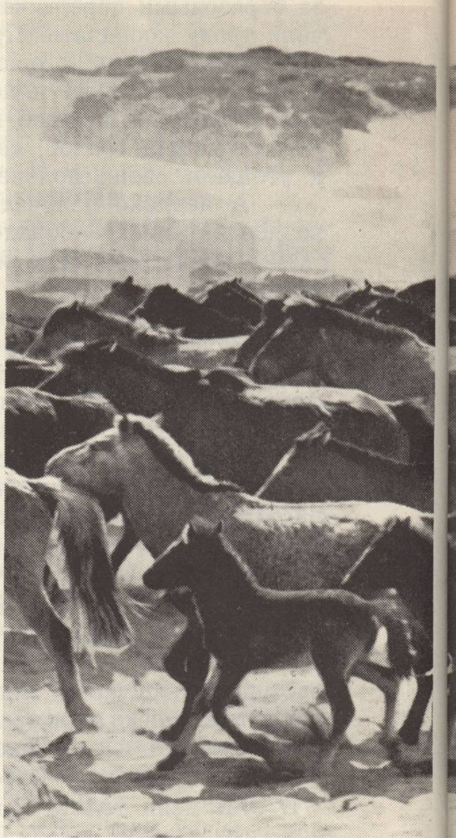

другу — советскому народу. Тысячи лошадей вырастили мы для Советской Армии, в Советский Союз посылали эшелоны со скотом и мясом. На средства, собранные монгольскими трудящимися, была создана танковая колонна «Революционная Монголия» и авиаэскадрилья «Монгольский арат». После разгрома фашизма советская и монгольская армии вместе сражались с японскими захватчиками.

И сегодня мы вместе.

За пятьдесят лет изменилась Монголия, стала страной с развитой промышленностью. Многие заводы нам помог построить Советский Союз. Монгольские юноши и девушки учатся в вашей стране и возвращаются домой хорошими специалистами. Комсомольцы и ревсомольцы Монголии вместе осваивали наши целинные степи, и сейчас там гудят тракторы и комбайны, золотом колосятся хлеба.

Нет уголка в Монголии, где бы рука об руку не работали советские и монгольские люди. Мы стали братьями. Братьями на века.

На границе. Советский Союз и Монгольская Народная Республика — давние добрые соседи.

Табуны лошадей пасутся в бескрайних монгольских степях.

МОЯ МОНГОЛИЯ

Юные сухэ-баторовцы — так называют монгольских пионеров.

НАЧНЕМ

То и дело он вставал из-за письменного стола, ходил по комнате, склонялся над приготовленным чемоданом: проверял, на месте ли майка с трусами, бинты, капа, носки, боксерские ботинки, халат и полотенце, хотя прекрасно знал, что все это было самым тщательным образом уложено накануне. Снова садился за стол, придвигая к себе книгу... Мысли о будущем противнике не давали покоя. Воображение услужливо рисовало мрачного, мускулистого детину. И тогда наружу вырывалось тщательно скрываемое от себя: «Ты, дорогой, далеко не в форме! Опомнись, хватит ли тебя на серьезный бой?.. Правая-то рука не восстановилась еще до конца...»

Андрей закрыл глаза и тотчас же увидел уходящую к звездному небу черную железнодорожную насыпь, под которую только что скатился. Мина заложена, провод протянут, оставалось лишь крутнуть ручку взрывной машинки...

Издали донесся шум вражеского эшелона, который они поджидали трое суток.

— Слышишь, Андрюха?— одними губами спросил Быстров.

Трава была мокра и холодна, но он не замечал этого. И вот, когда тьму разорвала ослепительная вспышка и вагоны полезли друг на друга, его словно бревном по голове ахнуло... Наступила темнота.

Пришел он в себя на третьи сутки. Белые стены, белые занавеси на окнах, вся в белом медсестра. Оказывается, товарищи дотащили Андрея до расположения отряда. На счастье, прилетел с Большой земли самолет...

Потом операции, надежды, снова операции. Молоденький врач, признавший в Андрее Горячеве чемпиона страны по боксу, сохранил ему правую руку. Мало того, врач убедил, что при известном упорстве можно вполне разработать ее и снова выйти на ринг. И Андрей поверил. Два года работал, не щадя сил...

Сегодня первая проверка. Первое соревнование. Андрей чувствовал себя уверенно, все было как будто в порядке: дыхание установилось неплохое, реакция, скорость и координация, по выражению тренера Бориса Сергеевича Донцова, «стали довоенными», удары—это все признавали—безукоризненны, даже справа... если не считать, конечно, хуков и кроссов. Особенно кроссов. Стоило ему слегка приподнять в момент удара локоть, всего точно электрическим током пронизывало. От тренера это Андрей, разумеется, скрыл: без хуков и кроссов можно очень даже свободно обойтись. Нет кроссов — что поделаешь! Зато прямые получались такими же точными и полновесными, как в лучшие годы. Донцов только ахал: «Ого! Недурно! Совсем недурно!» Вот еще с выносливостью не очень: питание сейчас, конечно, не то. Ну да ведь все в одинаковом положении.

Андрей взглянул на часы: пожалуй, можно выходить. Оделся не торопясь, повязал шарфом шею: на улице ноябрь, уже по-зимнему холодно. Взял чемодан, на несколько секунд присел на краешек стула.

По двору он почти пробежал. Напряженно вслушиваясь и опасливо вглядываясь во мглистую темноту—в любую минуту могла неожиданно выскочить машина с потушенными фарами,—пересек Ленинградское шоссе, вместе с толпой оживленно рассуждавших о предстоящих поединках болельщиков нырнул под арку Дворца спорта и, ни на кого не глядя, стал пробираться к раздевалке.

ВСЕ СНАЧАЛА...

Виктор ПУШКИН

РАССКАЗ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Его словно бревном по голове ахнуло. Наступила темнота.

Мысли тотчас же сделались короткими, отрывистыми. Он вдруг с тревогой вспомнил, что на взвешивании не дождался своего основного противника Удальцова, у которого перед самой войной отобрал звание чемпиона страны.

В раздевалке было тесно, шумно и свежо. Вдоль стен, на низких гимнастических скамьях, переодеваясь к параду, теснились вокруг своих тренеров знакомые и незнакомые боксеры, секунданты, их помощники. Некоторые из участников уже переоделись в боевую форму и, не зная, куда себя деть, пряча друг от друга глаза, бесцельно прохаживались туда-сюда. Только верный себе Удальцов был в одних плавках и носках и, невзирая на сердитые возгласы Донцова, вовсю возился с тяжеловесом из своей команды.

«Вот неуемный-то!..— подумал Андрей и

По тому, как противник принял боевую стойку, Андрей понял, что перед ним малоопытный спортсмен.

вдруг ощутил, что внутри все натягивается.—Так в моем он все-таки весе или не в моем?..» Стараясь перекрыть шум и гам, он приветствовал всех общим: «Здравствуйте!» С улыбкой отвечая на радостные возгласы и шутливые замечания, двинулся к своим ученикам, вскочившим при его появлении, и весело сказал:

— Сидите, сидите, братцы! Вольно!..— Оглядел их напряженно-внимательные лица, почувствовал, что обязан как-то ободрить, что-то сказать им... Но тут подошел Донцов, озабоченно спросил:

— Ну как?..

Андрей проговорил сдержанно:

— Спасибо, Борис Сергеевич, все в порядке.—Хотел было осторожно осведомиться об Удальцове, но тот, вырвавшись из объятий своего партнера, крикнул:

— Андрюша, привет! Так надеялся рас-

квитаться с тобой за довоенное поражение, да, понимаешь ли, ничего не вышло: вылетел я из легкого веса! Теперь вот к мастодонтам присматриваюсь!— добавил он и с устрашающими воплями вновь кинулся на тяжеловеса.

Андрей почувствовал облегчение, честно признался себе, что для боя с Удальцовым он не готов, спросил Донцова, много ли тот перевесил. Тренер, пряча глаза, ответил:

— Пустяк, граммов сто пятьдесят—сто семьдесят.

Андрей знал, что Удальцову ничего не стоило избавиться от пустякового излишка веса, выйти на ринг и взять реванш, значит, не пожелал...

— Да ты переодевайся, переодевайся,— пошлепал его по плечу Донцов.—И сразу же халатик накинь. Тебе-то не стоит остывать.

Андрей хмуро раскрыл чемодан, переоделся в боевую форму, запахнулся в халат и, стараясь не обнаружить волнения, точно впервые на ринг выходил, прошелся по залу, обмениваясь приветствиями со знакомыми. Ему пожимали руки, подмигивали, дружески хлопали по плечу.

Неожиданно подскочил, тяжело дыша, всклокоченный Удальцов, вполголоса спросил:

— Как себя чувствуешь, дорогой?

— Спасибо, хорошо,— ответил Андрей и добавил потише:—Ну, змей-горыныч, ладно! Считаешь меня... неполноценным, да? Потому и в другой вес перешел?

— Да нет, ну нет же!—возмущенно воскликнул Удальцов. И Андрей еще более убедился в справедливости своей догадки.— Честно, так получилось! Становлюсь на весы—ого!

В зал вошел главный судья первенства— немолодой, рослый, бритоголовый человек, в белых брюках, сорочке со старомодным галстуком селедкой и старых белых туфлях, с которых при каждом шаге осыпался зубной порошок. Сколько Андрей помнил, он внешне совершенно не менялся, хотя ему и было уже за семьдесят, боксировал еще до революции.

Из репродукторов грянул бравурный марш, все невольно подтянулись, выровнялись, лица посерьезнели. На душе у Андрея стало строго и празднично.

Колонна боксеров вошла в Круглый зал и обошла ярко освещенный юпитерами белоснежный ринг.

Болельщики узнали Андрея, радостно зааплодировали.

— Горячев!.. Горячев!..

Это тронуло его, смутило и в то же время укрепило веру в то, что он успешно пройдет через это первое испытание.

После парада в раздевалке команды плотно окружили своих тренеров и жадно слушали их последние наставления. Вокруг Андрея тоже толпились его ученики, настороженные, ждущие.

«Дорогие мои!— виновато подумал Андрей.—Если б вы только знали, как мне сегодня не до вас!» И все же сделал усилие над собой, шутил, советовал, как кому вести себя на ринге, предостерегал от ошибок. А потом напряженно, как новичок, слушал сам советы Донцова.

Собственно, тактический рисунок поединка был ясен: удары только прямые, основной упор на левую руку. Изредка можно наносить и короткие удары, но не увлекаться. Проводить, тотчас же отскакивать на недосягаемую для контратак дистанцию и снова пускать в ход прямые.

Слушая Донцова, Андрей исподтишка рассматривал бойцов команд-противниц, стараясь угадать среди них своего соперника.

Впрочем, когда Андрей стал выходить со своими учениками к рингу и секундировать их, он сразу успокоился и забыл про себя. Следя за поединками, подмечал в технике конкурентов едва уловимые оплошности и спокойно подсказывал в перерывах между раундами своим подопечным наиболее разумные контрмеры.

Своего противника Андрей увидел, когда вышел на ринг и рефери пригласил обоих на середину.

Это был, судя по темным от въевшейся металлической пыли рукам, заводской парень, коренастый, с крепкими ногами. От волнения лицо его покрылось яркими пятнами. Протягивая для рукопожатия перчатки, он не посмел даже поднять глаз.

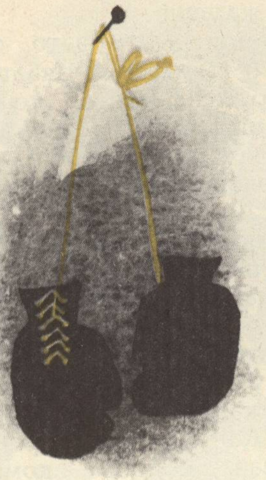
«Ну, зачем же так, дорогой?—мысленно обратился к нему Андрей.—Авторитет чемпиона давит? Напрасно. Я и сам сейчас ох как волнуюсь... даже боюсь!.. Нет, не тебя, а себя».

Уходя в свой угол, он опять ощутил в груди холодок волнения и не слушал, что советовал ему напоследок Донцов.

Прозвучал гонг, Андрей резко повернулся и торопливо, точно боясь опоздать, двинулся к центру ринга, навстречу нерешительно вышедшему из противоположного угла противнику.

По тому, как противник принял боевую стойку, ему стало ясно, что перед ним малоопытный спортсмен. Напряженные руки он держал перед собой слишком высоко, теряя из-за этого уйму сил; левое плечо подтянул к подбородку, тогда как следовало бы опустить подбородок за плечо—так он был бы менее напряжен и скован. Вес тела нерасчетливо перенес на правую ногу, полагая, что отдалился от неприятельских перчаток, хотя на самом деле стал более уязвим.

«Да ведь ты, дорогой, к тому же совершенно открыт!»—подумал Андрей, начиная легкими прямыми ударами слева разведку

Но вдруг у него мелькнуло: «Может, хитрит?! Простачком прикидывается?!»

Внезапно разорвав дистанцию, он пристально вгляделся. «Да нет же, нет, просто парень никак не может взять себя в руки,— успокоил себя Андрей.—Что ж, надо будет кое-что подсказать твоему тренеру. Прежде всего надо раскрепоститься, сбросить напряжение. Для тебя все гораздо проще, чем для меня. Проиграешь мастеру—никакого позора, даже похвалят, если будешь смело биться. Для меня поражение — совсем иное дело. Так что действуй спокойно, свободно, без лишних эмоций... Что, не решаешься? Ну, хорошо, тогда начну я, первый удар—прямой слева—и р-раз!.. Как? Ты успел сблокировать? Молодец! Но сделал это суетно и нерасчетливо: приоткрыл область сердца и солнечное сплетение. Нет, нет, мы, конечно, не будем сразу атаковать эти уязвимые места. Внушим тебе, что нас интересует только подбородок — наиболее опасная и потому крайне желанная для атак точка. И р-раз!.. Правильно, ты опять защитился, но уже совсем открыл корпус. Так вот, теперь мы тебя за это накажем, чтоб ты в следующий раз был умнее.

Итак, со всей серьезностью наносим слева ложный прямой в подбородок, самым решительным видом добавляем справа, чтобы еще больше отвлечь твою защиту от корпуса, и при этом незаметно сближаемся. И вот он, короткий, но неожиданный для тебя удар слева снизу в солнечное сплетение. М-да, пожалуй, слишком сильный: ты побледнел, перехватило дыхание... Не рассчитал, извини, не собирался сразу ошеломлять тебя. Ты сам виноват или твой тренер. Неужели вы не изучали таких простых финтов?!.»

Андрей дал противнику прийти в себя...

Во время следующей атаки Андрей слегка отпрянул, почти без паузы рванулся вперед и провел несколько коротких, быстро следующих друг за другом ударов слева. Вышло неплохо.

Не ожидая ответных мер соперника, Андрей легко отскочил, стал кружить вокруг, различными финтами вызывая его на новые, необдуманные действия. Он радовался четкости и своевременности собственных действий.

Прозвучал гонг, и все дрогнуло от восторженных криков и аплодисментов. Андрей, удивленно оглядываясь по сторонам и постепенно приходя в себя, понял, что аплодируют ему, тому, что он остался бойцом и боксировал совсем неплохо! Благодарный, он помахал в черноту зала обеими руками.

— Молодец! Хорошо!— сказал Донцов, подставляя ему табурет.—Так и продолжай: только на дальней дистанции и только прямыми. И тебе с руки и ему,—он кивнул на противоположный угол,— полезно поучиться...

Во втором раунде—видно, посоветовали секунданты—соперник сразу же стал рваться в ближний бой. Теперь он действовал против длинных ударов Андрея короткими. И Андрею с каждой секундой становилось все труднее удерживать его на выгодной для себя дальней дистанции. Вскоре он с удивлением и тревогой обнаружил, что перчатки заметно потяжелели. Несмотря на все его старания, теперь они не так легко и точно летели в цель. Ноги наливались тяжестью, стали непослушными. От благодушия, с которым он начал бой, не осталось и следа. Призвав на помощь весь свой опыт и мастерство, Андрей боксировал уже всерьез — жестко, неуступчиво, по-прежнему избегая ближнего боя.

И все же в самом конце раунда, забыв обо всем, он автоматически встретил противника, бросившегося без всякой защиты в атаку, коронной серией коротких ударов и привычно завершил атаку точным кроссом справа по челюсти. И тут же почувствовал: всю правую сторону тела будто ожгло раскаленным железом.

«Вот оно!..» Он невольно согнулся, прижимая, казалось бы, разлетевшуюся вдребезги руку. И тотчас вспомнил, как противился Донцов его участию в первенстве. А

— Молодец, хорошо! — сказал Донцов, подставляя табурет.

он обманывал тренера, уверяя, что чувствует себя превосходно. И вот...

Андрей выпрямился, всем своим видом показывая, что ничего худого с ним не произошло, и пристально взглянул на противника. Тот поднимался с пола, обескураженный неудачей, и Андрей впервые почувствовал, как его охватывает тревога.

Он взглянул на замершего с поднятой рукой рефери, недоуменно глядевшего в его сторону, и хотел было броситься в дальний угол ринга, как положено. Но тут же застыл на месте — удивленный и возмущенный: Донцов вскочил с секундантского табурета, сорвал с плеча полотенце и, что-то беззвучно крича—его заглушал рев зала,— размахнулся и швырнул полотенце на середину ринга.

В зале наступила немыслимая секунду назад тишина.

— Что вы делаете?!—задыхаясь, крикнул Андрей.—Зачем?!

— Затем, что нужно думать о будущем!— твердо сказал Донцов и властно приказал растерянному рефери: —Объявите его победителем.—Он указал на противника Андрея, готового продолжать поединок.—Я отказываюсь от продолжения боя...

Рефери бросил недоумевающий взгляд на главного судью, на Донцова, снова на главного судью и выполнил требование.

— А теперь пожми руку победителю и выходи,—сказал Донцов Андрею и добавил:—Что ж, начнем все сначала!..

САМИ О СЕБЕ

Очень многие ребята из нашей школы охотно занимаются в КИДе. В прошлом году я начал переписываться с мальчиком из Польши. Ему тоже было 11 лет, его зовут Кшиштов Мерта. Мы обменивались значками, открытками. Хотелось рассказать о своей области, о ее знаменитых земляках — Тургеневе, Лескове, Фете, Тютчеве, о своей школе и, может быть, о «мужских секретах».

От своей мамы я узнал историю дружбы маленьких поляков и русской девочки. Шел последний год войны. На окраине немецкого городка стояли бараки, в которых жили русские, украинцы, поляки, насильно угнанные в Германию. Среди них были и дети. Польских детей было несколько, а русских только одна девочка, которая тяжело болела. Девочка была без родителей: ее отец воевал с фашистами, мать умерла в Германии. И вот однажды, когда всех угнали на работу, в барак заглянула польская девочка. Ее звали Маруся (по-польски Марыся). Маруся часто навещала больную подружку, приносила полевые цветы, щавель. Потом они вместе встречали танки с красными звездочками, и танкисты катали ребятишек и угощали их сладостями. Прошло много лет. Та девочка выросла, и теперь она моя мама. Она часто рассказывает мне о своем детстве и своих маленьких друзьях из Польши. Те ребята тоже стали взрослыми. Может, они тоже рассказывают об этом своим детям?

Судьба моей бабушки тоже связана с Польшей. Всю войну она жила под одной крышей с поляками. Не один раз выручали поляки бабушку из беды. Помогали ей. Соберутся вечером мама с бабушкой, рассказывают, вспоминают своих родных и близких, иногда плачут. И мне очень хочется, чтобы никогда не было войны, от которой страдают и взрослые и дети.

Олег ТРЕТЬЯКОВ,
пос. Змиевка, Орловская обл.

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

В «ПИОНЕРЕ».

Ю. КОЗЛОВ

Качели в Пушкинских Горах

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

...Бронзовые тела коней и атлетов, древнегреческие боги с мрачными лицами, радуга сквозь водяную пыль на подступах к фонтану.

— Как мне здесь надоело! — вздохнула она.

— А чья идея ехать в Петродворец?— спросил я.

— Твоей мамы,— ответила она.

Я пожал плечами. Пить хотелось страшно. Кругом валялись смятые картонные стаканчики.

В кармане у меня лежат пять рублей. На эти деньги я должен ее развлекать. Если к пяти рублям прибавить семьдесят копеек, получится приличный футбольный мяч.

— Куда мы сейчас пойдем?—спросила она.

— Куда хочешь.

— Хочу подальше от фонтанов.

Она — дочка папиного друга. Этот друг — инженер-строитель. Сейчас он работает в Индии. Руководит постройкой нефтеперерабатывающего гиганта. А его дочка вместе с бабушкой раньше жили в Москве. Но вот недавно бабушка умерла, и теперь дочка улетает к отцу в Бомбей. Там есть русская школа.

Рано утром мама ездила в аэропорт встречать ее. От нашего дома до аэропорта пятнадцать минут езды на тринадцатом или тридцать девятом автобусе. Из окна видно, как садятся и взлетают самолеты. Я их в воздухе неплохо различать научился. «ИЛ-62», почти как ракета, вертикально взлетает, а вот «АН-24», наверное, целый час высоту набирает. Высоко в небе «ИЛ-62» похож на гуся с длинной шеей, а «АН-24» напоминает ботинок.

Они вошли в квартиру, когда я смывал в ванной вчерашнюю футбольную грязь. Я, конечно, забыл, что утром приедет какая-то девочка: отправился в ванную в трусах и теперь стеснялся выйти.

— Сегодня будет великолепный день, — донесся до меня незнакомый голос.—Я летела на самолете и не видела ни одного облачка. Небо голубое, а по нему идут розовые полосы. Как на картине Рериха...

Ее звали Люся. За завтраком она рассказывала про покойную бабушку, которая под конец жизни стала очень плохо видеть. Бабушка целыми днями сидела у окна и спицами шевелила. Делала вид, что вяжет.

— Люсенька, тебе, наверное, хочется город посмотреть?— спросила мама.

— Лучше уж тогда Петродворец,— сказала Люся.

— Прекрасно,— обрадовалась мама.— Сережа, ты как?

«Никак»,— хотел ответить я. До отъезда в пионерский лагерь три дня, надо сделать кучу дел, а в Петродворец мы всем классом ездили месяц назад.

— Слушай,— спросил я у Люси, когда мы вышли во двор,— зачем ты в Ленинград

прилетела? Неужели из Москвы нельзя в Индию лететь?

— Видишь ли,— объяснила она,— мне надо в Бомбей, а из Москвы самолеты только на Дели и на Калькутту. А через Ленинград проходит рейс Монреаль—Париж—Ленинград—Дакка—Бомбей. Самолеты канадской авиакомпании летают. «Боинги»... Иногда даже в салоне кино показывают...

— В самолете кино?

Она посмотрела на меня как на неандертальца. Некоторое время я молчал.

Знаю я эти «боинги». Похожи на наши «ИЛ-18», только побольше и с красной полосой посередине. Вот только не помню, турбины у них или винты?

Все время было прохладно, а когда мы приехали в Петродворец, стало вдруг невыносимо жарко. Казалось что сверкающие фигуры в фонтанах плавятся под тонкими струями воды. Но Люся недолго любовалась фонтанами. Пожалуй, только мощный Геракл заинтересовал ее. А мимо львов, стройных девушек с амфорами она проходила, не останавливаясь. А я все время думал о пяти рублях. Туда ехали без билета и обратно так же надо... Этот мяч не давал мне покоя.

— Тебе скучно со мной?— вдруг спросила Люся.

— С чего ты взяла?

— О чем ты все время думаешь?

— Ни о чем.

— А почему молчишь, когда я к тебе обращаюсь?

— Так...

— А я слышала, что тебе мама говорила... Ты должен мне мороженое покупать. Я, если захочу, могу десять порций съесть. Давай на спор?

— Не хочу на спор,— сказал я.

— Тебе мама велела за мной ухаживать?

— За болонками ухаживают. И за аквариумными рыбками тоже. Только их не мороженым, а червяками угощают. Понятно тебе?

— Тебе мама велела меня развлекать.

— Что прикажете? На голове стоять или фокусы показывать?

Она пошла вперед.

— Обиделась? — догнал я ее.

— Уйди,— сказала она.—Я же вижу, тебе со мной скучно. Лучше уйди...

— С чего ты взяла?

— Я вижу. Я тебе надоела. Я всегда всем надоедаю. У меня, если хочешь знать, ни одной подруги нет...

— Так не бывает.

— Бывает! Но они мне и не нужны...

— А кто тебе нужен?

— Мне? Куклы.

— Куклы?..— засмеялся я.— Сколько тебе лет?

— А раньше был нужен телефон...

— Ты всем звонила, да?

— Нет,— засмеялась она.— Детский телефон за шестьдесят копеек. Я разговаривала...

— С мальчиками, которые в тебя влюблены?

— С собой...

Я свистнул и покрутил пальцем у виска. Но она не обиделась.

— Я очень хотела стать знаменитой, — сказала она.— Сначала артисткой, потом художницей, потом балериной. Этого все хотят, только скрывают... А та, с кем я разговаривала по телефону, уже стала знаменитой, понимаешь? Это была я сама, но только в будущем.

Я молчал. Мне самому хотелось стать прославленным футболистом или велогонщиком, но я никуда не звонил по игрушечному телефону за шестьдесят копеек. Гораздо проще было пойти и записаться в секцию. Только я почему-то до сих пор никуда не записался...

— Знаешь,— сказала она.— Я уважаю только тех, кто говорит то, что думает...

— Даже тогда, когда тебе не нравится, что они думают?

Люся помолчала.

— Даже тогда...

— Ладно. Я думаю, как бы купить футбольный мяч за пять семьдесят...

— И все?

— У меня не хватает семидесяти копеек.

— Я отдам тебе все деньги, когда буду улетать...

— Спасибо, только, наверное, и так хватит.

— Знаешь,— сказала она.—А мне бы сейчас хотелось покачаться на качелях. У нас во дворе качели висят. Осенью на них здорово качаться. Особенно, когда листья падают. Кажется, что ты тоже лист и тоже падаешь...

Я промолчал. Если мне что нравится, так это прицепиться к машине на велосипеде и мчаться, чтобы ветер в ушах свистел.

— Или,— продолжает она,— я бы сейчас с удовольствием по лесу прошлась. Ты был когда-нибудь в Пушкинских Горах?

— Не был.

— А я была. Знаешь, какой там лес? Трава, а на ней огромные сосны растут. По вечерам у них в ветвях солнце задерживается. А пруд! Вода чистая-чистая, видно, как рыбы плавниками шевелят...

Тем временем мы порядком удалились от фонтанов и теперь шли по узенькой асфальтовой дорожке вдоль залива. По бокам росли сосны, но солнце почему-то не задерживалось у них в ветвях. В Пушкинских Горах, наверное, сосны далеко друг от друга стоят, а здесь сосна на сосне. Мимо проносились велосипедисты и проходили люди. Вдруг она остановилась и сошла с дорожки. Сняла туфли и пошла к воде. Она шла по песку, и маленькие следы тянулись за ней... Зря я, наверное, про мяч сказал...

— Давай искупаемся,—предложила она, глядя куда-то вверх, словно не мне, а облаку говорила.

— А ты когда-нибудь в Финском заливе купалась?

— Нет, а что, в нем нельзя купаться?

— Можно, только километр пройдешь, пока хотя бы по пояс будет.

— Ну вот и отлично, я же все равно плавать не умею... Ты идешь со мной или нет?

— Не хочется,— ответил я и сел на горячий песок. Солнце светило в глаза. Сделав из ладони козырек, я смотрел ей вслед. Лопатки торчали из спины, как маленькие крылья...

— Эй! Подожди! — крикнул я и, сбросив штаны и рубашку, побежал догонять ее. Только сейчас я вспомнил, что на мне не плавки, а длинные черные трусы, которые я ношу каждый день.

Мы все шли и шли, как будто и не собирались возвращаться на берег.

— Я сейчас видела рыбку, она выскочила из-под камня и сразу пропала...

Вода поднялась до пояса. Большое сизое облако закрыло солнце, и стало прохладно.

— Может, вернемся?— предложил я.

— Смотри,— сказала она.— Видишь, впереди светит солнце? Видишь, блестят камни? Это не камни — это маленькие окаменевшие динозавры с зелеными спинами. Они видели пришельцев из космоса...

Когда вода дошла мне до груди, я поплыл. Она зашла в воду по шею, и ее волосы рассыпались по воде. Они лежали на поверхности и не тонули.

— Эй!— крикнула она, словно я был где-то очень далеко.—А тебе не хочется стать знаменитым?

— Мне нравится собирать приемники и ездить на велосипеде.

Она вытащила из воды руку и, подхватив волосы, отжала их, как мокрую тряпку.

— Смотри, чайки,—сказала она.— Куда они полетели?

— В Кронштадт или в Финляндию...

— В Кронштадт,— вздохнула она.—А это очень интересно — собирать приемники?

Я пожал плечами.

— Раньше я ходила в балетную студию,— сказала она.—Мне там нравилось. А потом пришел новый преподаватель, стал нас бить линейкой по ногам и кричать: «В струнку! В струнку!»

Она наткнулась ногой на камень и начала хромать.

— Меня укусила акула.— Лицо у нее посинело от холода, а мокрые волосы висели вдоль плеч, как веревки. Я слышал, как у нее постукивали зубы.

Мы вышли на берег. Песок был теплый, и снова светило солнце. Я лежал лицом к небу, а она лежала рядом, и ее волосы касались моей руки. Рядом валялась наша одежда. Ветер все время приподнимал рукав платья, и казалось, что это человек-невидимка машет оттуда рукой.

— Тебе все равно, уеду я или нет? — тихо спросила она и, приподнявшись на песке, посмотрела мне в глаза. Глаза у нее голубые, и смотрела она как-то чересчур напряженно.

— Не знаю,— честно ответил я.

Снова подул ветер, и сосны зашумели.

— А мне жаль, что мы расстаемся,— сказала она и улыбнулась.

Я покраснел.

— Хочешь, пойдем в кафе? — спросил я.— Мне мама пять рублей дала. Можем все истратить...

Она покачала головой.

— Я хочу, чтобы ты купил футбольный мяч.

Я посмотрел в небо. Чайки величественно шевелили крыльями, и в их движениях не было суеты, как, например, у голубей или галок.

— Благородные птицы,— сказал я.

— Все животные белого цвета благородные,— сказала Люся.—Чайки, альбатросы, белые медведи...

Она подняла с песка палку и стала чертить на отмели фигурки.

— ...Недавно я прочитала книгу «Психология подростка». Там написано, что в возрасте тринадцати-четырнадцати лет мальчики и девочки скрывают свои симпатии. Я назло этой книге взяла и написала одному парню записку. Ну, что он мне нравится и все такое. И назначила ему свидание...

— Он пришел?

— Да... Он пришел вместе с другом и собакой. Сказал, что его послали купить масло и он заодно решил встретиться со мной. Он вел себя точь-в-точь по той книге...

— Я тоже веду себя по той книге?

Она подошла ко мне совсем близко.

— Ты когда-нибудь целовался с девочками?

Во рту у меня пересохло, а руки почему-то задрожали.

— Ты никогда не целовался с девочками?..

Я молчал.

— Когда приедем домой, покажи мне фотографию твоего класса, ладно?

— Зачем?

— Я скажу, какая девочка тебе нравится...

— А может, пойдем истратим пять рублей?

— Нет. Обязательно купи себе мяч...

Был вечер, но было светло. Белые ночи только начинаются.

— Знаешь что,— сказала Люся.—Когда я вернусь из Индии, поедем в Пушкинские Горы?

— А там выдают напрокат велосипеды?— спросил я.

Люся пожала плечами. Она смотрела на небо, на сосны, на прибрежные камни, а потом вдруг спросила:

— Хочешь, я напишу тебе из Бомбея?

— Напиши,—сказал я. ★

Юрий Николаевич Тынянов.

В. КАВЕРИН

ПРЕКРАСНОЕ

Среди товарищей старшего брата, кончавших гимназию, много занимавшихся и успевавших одновременно влюбляться, проводить ночи в лодках на реке Великой, решать философские проблемы века, Юрий Тынянов был и самым простым и самым содержательно-сложным. Смеялся, подражал учителям—и вдруг становился задумчив, сосредоточен: писал стихи.

Гимназические друзья всю жизнь хранили его письма, стихи, его домашние и классные сочинения. «Даже короткая разлука с ним казалась нам невыносимой»,— пишет в своих воспоминаниях один из его близких друзей. После гимназии были разлуки не короткие, а долгие, бесконечные, вынужденные, роковые. Но дружба продолжалась.

О многом передумал я, читая гимназические сочинения Тынянова. К семнадцати годам он не просто прочел, а пережил русскую литературу. Ему понятны и близки были трагедия Лермонтова, самоотречение Толстого. Он уже свободно владел крылатым знанием, основанным на памяти, которую смело можно назвать феноменальной.

Это не сочинения, это признания. Нечего и говорить о том, как обдуманно, как обреченно решен в этих тоненьких синих тетрадках выбор жизненного пути. Читая их, можно в семнадцатилетнем гимназисте узнать будущего автора «Кюхли».

Глубокая, всепоглощающая любовь к нашей литературе была основной чертой всей жизни Тынянова. Лишь поняв и объяснив ее, можно понять и объяснить его жизнь. И наука его, которой он не переставал заниматься, уже будучи известным романистом, была, в сущности, не чем иным, как жадным стремлением изучить русскую литературу, открыть и объяснить чудо этой литературы.

Я мало встречался с ним в те годы, когда он был студентом Петербургского университета, и знаю об этом периоде главным образом по его же рассказам. Его учителями были замечательные ученые, оставившие глубокий след в истории русской литературы и русского языка.

Он учился у профессора С. А. Венгерова. Работая в его семинаре, Тынянов стал заниматься поэзией Вильгельма Карловича Кюхельбекера, о котором в то время знали

только одно—что он был другом Пушкина и что лицейские друзья смеялись над его стихами. Известный критик и философ Н. Н. Страхов писал Толстому в 1878 году: «У

Петербург. Петровская площадь. 14 декабря 1825 года.

семинара. В 1918 году эта первая научная работа Тынянова вместе с его бумагами и библиотекой сгорела в Ярославле во время белогвардейского мятежа. Впоследствии он разыскал почти все написанное Кюхельбекером и издал собрание сочинений этого неровного, но интересного поэта. Он написал о нем роман, ставший любимым чтением детей и взрослых.

О том, как был написан роман «Кюхля», прекрасно рассказал в своих воспоминаниях Корней Иванович Чуковский:

«На Невском, 28, существовал в 1924 году очень неуютный и замызганный клуб при ленинградском Госиздате, клуб для служащих, и там Юрию Николаевичу случилось прочесть лекцию об «архаисте» Кюхельбекере...

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. Н. ТЫНЯНОВА.

ДОЛЖНО БЫТЬ ВЕЛИЧАВО

него (историка Семевского) оказалось большое собрание ненапечатанных стихов и прозы Кюхельбекера и его дневник. Куча тетрадей произвела на меня самое привлекательное и грустное впечатление. Но я побоялся труда и времени, которые будет стоить чтение и обдумывание этих рукописей. А ведь Вы хвалили Кюхельбекера?»

Тынянов не побоялся труда и не пожалел времени. Он был первым человеком, который прочитал это собрание стихов и прозы Кюхельбекера и впоследствии опубликовал их.

«Кюхельбекер трогателен», — ответил Страхову Толстой. Именно эта «трогательность» Кюхельбекера, его человечность, его неловкое, неуклюжее, но алмазно-чистое стремление к справедливости привлекли Юрия Тынянова к этой тогда полностью забытой фигуре. Он стал изучать Кюхельбекера и изучал его, в сущности, всю жизнь. Он написал о нем большую работу, главы которой читал на заседании пушкинского

Когда после окончания лекции мы шли обратно по Невскому и потом по Литейному, Юрий Николаевич так художественно, с таким обилием живописных подробностей рассказал мне трагическую жизнь поэта, так образно представил его отношения к Пушкину, к Рылееву, к Грибоедову, к Пущину, что я довольно наивно и, пожалуй, бестактно воскликнул:

— Почему же вы не рассказали о Кюхле всего этого там, перед аудиторией, в клубе? Ведь это взволновало бы всех. А мне, здесь, на улице, вот сейчас, по дороге, рассказали бы то, что говорили им там...

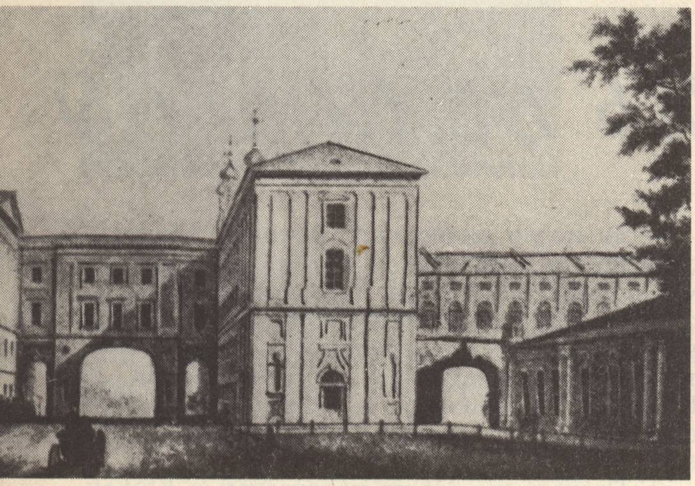
И должно же было так случиться, что через несколько дней одно ленинградское издательство, функционировавшее под загадочным и звонким названием «Кубуч», вздумало издавать детские книжки — для среднего и старшего возраста—и поручило мне наладить это дело. В план издательства я самовольно включил и маленькую тыняновскую книжку о Кюхле—не болвше пяти ли-

стов. Предполагалась серия биографий. Когда я пришел к Юрию Николаевичу и стал упрашивать его, чтобы он написал эту книжку, он согласился с большой неохотой; и кажется, если бы не бедность, угнетавшая его тогда особенно тяжко, он ни за что не взялся бы за такую работу, которая отвлекла его от научных занятий...

Мы не виделись довольно долгое время: Юрий Николаевич уехал куда-то на юг,—но я хорошо помню свое изумление, когда он принес мне объемистую рукопись «Кюхли»...» Оказалось, что вместо восьмидесяти заказанных ему страниц он, сам того не замечая, написал больше трехсот.

«...Все главы, за исключением двух-трех,— пишет Чуковский,— были написаны им прямо набело и поразительно быстро. Он почти не справлялся с архивами, так как все они были у него в голове. Своим творческим воображением он задолго до написания книжки пережил всю жизнь Кюхельбекера как свою собственную, органически вжился в ту эпоху, усвоил себе ее стиль, ее язык, ее нравы, и ему не стоило ни малейших усилий заносить на бумагу те картины и образы, которые с юности стали как бы частью его бытия...

Но что было делать с издательством? Ведь оно заказало Тынянову тощую книжку— вернее, популярную брошюру, а получило великолепный роман, чудотворно воссоздавший эпоху и ее лучших людей—Пушкина, Дельвига, Ермолова, Грибоедова, Рылеева,

Царскосельский лицей.

Пущина—классический роман и по своей насыщенной теме, и по четкой легкости рисунка, и по стройному изяществу всей композиции, и по добротности словесной фактуры, и по богатству душевных тональностей, и по той прекрасной, мудрой, очень непростой простоте, в которой нет ничего упрощенческого и которая свойственна лишь великим произведениям искусства.

Как виноватые пришли мы в «Кубуч»... Но тут случилось чудо, почти небывалое в тогдашней издательской практике. Один из главарей «Кубуча»... сделался таким страстным приверженцем «Кюхли», что героически отстоял его перед синклитом издательства.

Печатание «Кюхли» шло быстро... Юрий Николаевич в корне переработал главу «Петровская площадь»— о декабристском восстании (в сущности, написал ее заново)— и стал очень взволнованно и даже тревожно ждать появления книги. Эта тревога отразилась в той записи, которую за день до выхода книги, 1 декабря 1925 года, он сделал на странице моего альманаха «Чукоккала»:

Накануне рождения «Кюхли»

Сижу, бледнея, над экспромтом,
И даже рифм не подыскать.
Перед потомками потом там
За все придется отвечать.

Потомки уже вынесли ему свой приговор, ибо тотчас же после появления в печати «Кюхля» сделался раз и навсегда любимой книгой и старых и малых советских людей, от двенадцати лет до восьмидесяти».

Чуковский был совершенно прав, когда писал, что Тынянов, работая над «Кюхлей», так хорошо знал исторический материал, что почти не заглядывал в архивные материалы, «потому что все они были у него в голове».

Но самое совершенное знание материала не создает еще художественного произведения. И Тынянов никогда не думал, что полнота исторической картины всецело зависит от изучения исторических документов. В одной из своих статей он писал: «Представление о том, что вся жизнь документирована,—ни на чем не основано: бывают годы без документов... Важные вещи проявляются иногда в мимолетных и не очень внушительных формах».

Опираясь на ничтожные данные, на то, что можно назвать лишь тенью поступка, мысли, чувства, он угадал главное истории жизни и деятельности Вильгельма Кюхельбекера.

Писатель и революционер, «пропавший без вести, уничтоженный, осмеянный понаслышке», как писал Тынянов о нем, ожил перед нами во всей правде чувств, со всей трогательной чистотой своих надежд и стремлений. «Кюхля» —это роман-биография, но, идя по следам главного героя, мы как бы входим в портретную галерею самых дорогих нашему сердцу людей—Пушкина, Грибоедова, Дельвига, и каждый портрет— а их очень много—нарисован свободно, тонко и смело. Везде чувствуется взгляд самого Кюхельбекера. Подчас кажется, что сам он рассказывает о себе, и чем скромнее звучит этот голос, тем отчетливее вырисовывается перед нами трагедия декабристов. Быть может, именно в этой скромности, незамет-

ности и заключается сила характера, нарисованного Тыняновым. И вместе с тем как верно, как выразительно написан стремительный Кюхля, кидающийся на своих длинных ногах к тем, кто нуждается в помощи, поддержке, утешении!

Тема романа—поэтическая правда служения народу. Недаром же среди декабристов было много поэтов. Вспомните предсмертные стихи Рылеева [1]:

Мне тошно здесь, как на чужбине,
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто даст крыле мне голубине,
Да полечу и почию.

Вот эти «голубиные крылья» и дал Тынянов своему Кюхле.

«Никогда писатель не выдумывает ничего более прекрасного и сильного, чем правда. «Выдумка» — случайность, которая зависит не от существа дела, а от художника. И вот когда нет случайности, а есть необходимость, начинается роман. Но взгляд должен быть много глубже, догадка и решимость много больше, и тогда приходит последнее в искусстве—ощущение подлинной правды: так могло быть, так, может быть, было». Так понимал Тынянов свою задачу исторического романиста.

И, читая «Кюхлю», вы на каждой странице чувствуете дыхание подлинности, естественности, правды. Перед нами проходит жизнь сперва рассеянного, мечтательного мальчика-лицеиста, безгранично честного, преданнейшего друга Пушкина, потом молодого поэта, который мечется, не находя себе места в аракчеевской России... Потом восстание 25 декабря (он был его деятельным участником), потом крепость и, наконец, бесконечная, выматывающая все силы ума и сердца жизнь на поселении в Сибири.

Если судить по первому взгляду, между судьбами Пушкина и Кюхельбекера не было сходства. Но не случайно в знаменитом стихотворении «19 октября» Пушкин посвящает Кюхельбекеру самые глубокие, самые значительные строки:

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

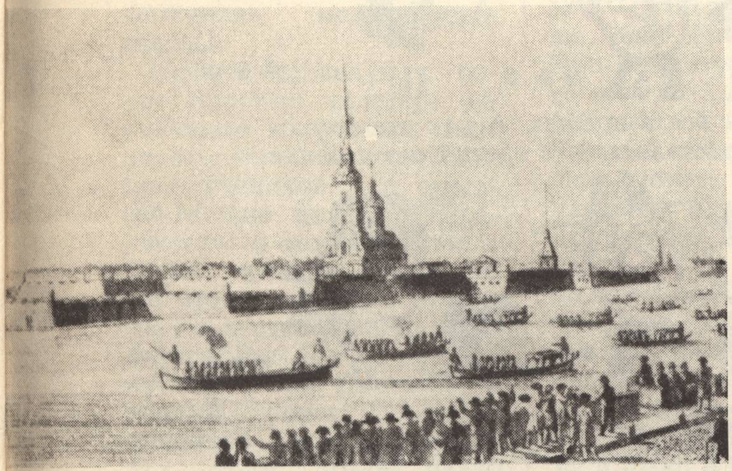
Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг—
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пушкин написал это стихотворение в ссылке, в деревне, а Кюхельбекер, который произнес революционную речь в Париже, был отправлен на Кавказ, в распоряжение генерала Ермолова. Поэты были братьями не только по музе, но и по судьбам.

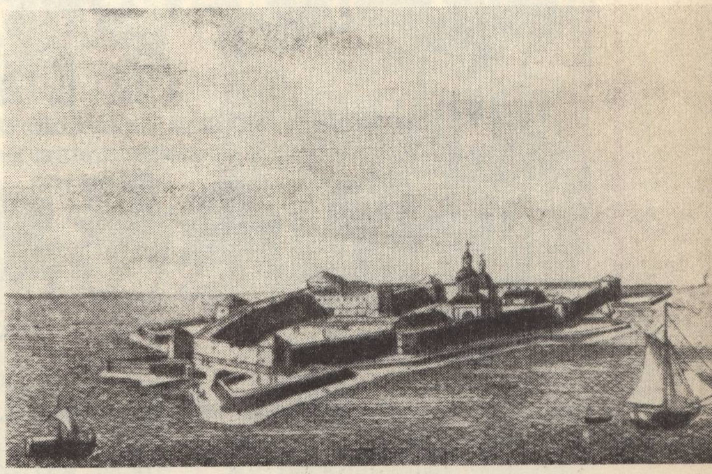
Роман Тынянова кончается светлым бредом умирающего Кюхли—светлым, потому что в забытьи он видит Пушкина, который, прощаясь, целует его в губы. «Брат,—сказал он Пушкину с радостью,—брат, я стараюсь...»

Случалось, что и Пушкин видел во сне Кюхельбекера—не в последние мгновения жизни, в разгаре молодости. Среди его черновиков 1822 года нашлась характерная запись: «После обеда видел во сне Кхбкр. 1 июля день счастливый».

Дружба была счастьем для них, и в трагической истории Кюхли Юрий Тынянов запечатлел это счастье. ★

Петропавловская крепость.

Шлиссельбургская крепость.

[1] Князю Е. П. Оболенскому.

НАШ ЛЯГУШАТНИК

ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

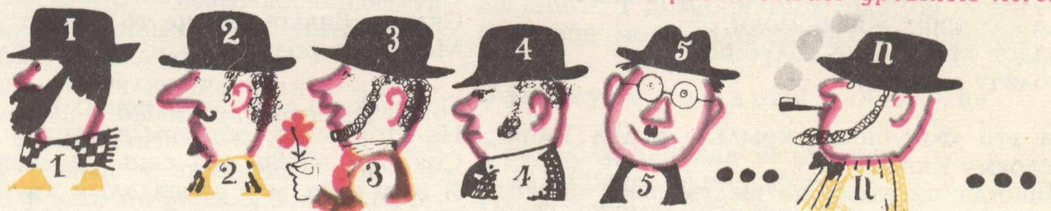
А. ОРЛОВ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

КТО УШЕЛ БЕЗ ШЛЯПЫ?

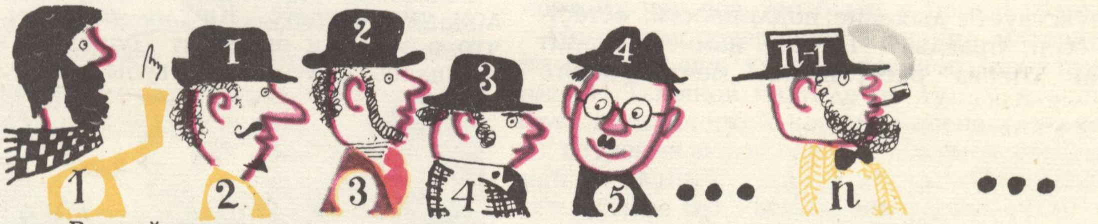
Икс рассказывает древнюю легенду.

Жил-был человек в математической стране. И было у него бесконечно много братьев. И вот однажды пришли они к нему в гости. Все,

как один, в шляпах. И ушли — тоже все в шляпах. А одна шляпа осталась.

Второй раз пришли они. Конечно, все в шляпах. А как стали уходить, одному из братьев шляпы не досталось. И в третий раз пришли

они все, как один, в шляпах. А потом у хозяина осталось бесконечно много шляп, хотя ушли все братья в шляпах.

И в четвертый раз пришли они все в шляпах. При уходе все шляпы разобрали, но бесконечно многим братьям шляп не досталось.

Ну и история, скажете вы. То шляп не хватает, то они остаются. Где же такое могло приключиться? Отвечу: в чудесной математической стране. В такой стране, где братьев и шляп не просто очень мно-

го, а **бесконечно** много. Давайте в этом разберемся. Чего же больше — братьев или шляп?

Икс сажает учеников на стулья

В легенде упоминаются два множества — множество братьев и множество шляп. Как бы нам их сравнить, чтобы выяснить, какое больше? Тогда бы мы «поймали» недостающие шляпы.

Начнем, пожалуй, с более простого примера на **конечные** множества. Как узнать, чего в классе больше — учеников или стульев? Можно, конечно, пересчитать и тех и других, а потом сравнить числа. Но на это надо много времени, и в счете легко ошибиться. Вот как можно получить более быстрый и точный ответ. Попросим учеников сесть на стулья. Посмотрим, чтобы никто не сидел на двух стульях сразу и не сидели на одном стуле по двое.

Тогда сразу увидим: если кто-то стоит, учеников больше, если часть стульев не занята, значит, больше стульев. Причем и ответ на вопрос «Чего больше?» не зависит от порядка, в котором рассаживаются ученики. Каждый ученик может сесть на любой стул. И если стульев не хватает, то, как ни пересаживай учеников, всех никак не усадишь. Иное дело с бесконечными множествами...

Икс раздает шляпы

Вернемся к легенде. В бесконечных множествах при сравнении важно быть аккуратным. Смотрите, как все начиналось: брат № 1 пришел в шляпе № 1, брат № 2 — в шляпе № 2, брат № 3 — в шляпе № 3 и вообще брат № n — в шляпе № n (n — натуральное число, то есть n = 1, 2, 3, 4... 1974... 100 000... 1 000 000 000...). Каждый повесил на шляпу свой номер. А вот когда уходили, началась путаница. Брат № 1 взял шляпу брата № 2, брат № 2 — шляпу брата № 3, и дальше каждый брат брал шляпу с номером, на единицу большим, чем его собственный. Брат № n ушел в шляпе брата № n + 1. Поскольку и шляп и братьев бесконечно много, каждому досталось по шляпе. Только шляпа № 1 осталась, ее никто не взял.

Во втором случае путаница тоже началась, когда все братья стали уходить. Бедный брат № 1 остался совсем без шляпы: его шляпу взял брат № 2, и потом каждый стал брать шляпу с номером, на единицу меньшим, чем его собственный.

И когда в третий раз стали уходить братья, у хозяина осталось бесконечно много шляп. А ведь все гости ушли в шляпах. Удивительно, не правда ли? Вот как это могло быть (возможны разные варианты). Брат № 1 взял шляпу № 2, брат № 2 — шляпу № 4, брат № 3 — шляпу № 6 и т. д. Брат № n — шляпу № 2n, каждый ушел в шляпе, но у хозяина осталось бесконечное число головных уборов под номерами 1, 3, 5, 7... 2n—1.

А в четвертый раз братья, собравшись уходить, разобрали все шляпы таким образом, что бесконечно многим из них шляп не досталось. Шляпу № 1 взял брат № 2, шляпу № 2 — брат № 4... шляпу № n — брат № 2n... Все шляпы разобрали братья с четными номерами, а братьям с нечетными номерами пришлось уйти с непокрытой головой.

Загадки ∞ бесконечности

Как видишь, по-разному можно сравнить одни и те же бесконечные множества. И результаты получаются разные — смотря как сравнивать. Множества состоят из элементов, и для результата важно, как устанавливается соответствие между элементами. В наших четырех случаях это происходит по-разному. А все потому, что мы с вами заговорили о **бесконечных** множествах — загадочных и удивительных!

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Игры Лупы и Пинцета

ЗАМАРКАНЬТЕ носорога!

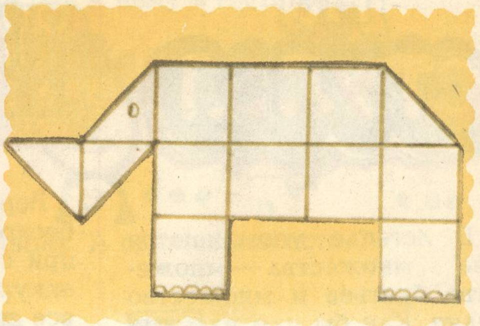
Я африканский носорог,
Кляссер готов я протаранить!
И знай: еще никто не смог
Меня, упрямца, замарканить!

Ты сможешь сделать это, разместив на рисунке марки тринадцати африканских стран так, чтобы рядом были только граничащие между собой государства. Вот эти страны: Ангола, Ботсвана, Заир, Замбия, Кения, Мозамбик, Малави, Намибия, Родезия, Судан, Сомали, Танзания, Уганда.

Уверены, что ты одолеешь упрямца носорога.

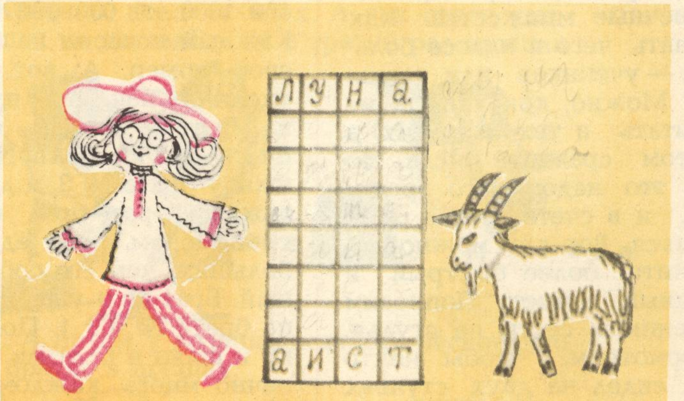
Лупа и Пинцет

ВСЛЕД за АИСТАМИ

Молодые аисты-шалуны
Часто добираются до луны.
С облака до облака — пять минут.
Повтори попробуй-ка их
маршрут!

Примечание Живживки. Я добрался за три минуты. А вслед за мной даже коза забралась на луну. Вот так: коза, кожа, ложа, лупа — луна.

Капитан Перо-86 ищет помощника

Депеша Квадратика

Круглые резинки, которым поручено наблюдать за действиями Карандашей, получили от Квадратика, начальника штаба Резинок, секретную телеграмму. Помогите мне ее расшифровать. Перед вами шифр, которым пользовался Квадратик.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

Игры Лупы и Пинцета

Поймайте акулу!

Задача состоит в том, чтобы перевести марки Венесуэлы и Колумбии в клетки под № 9 и № 10. Если мы станем передвигать марку из Уругвая в клетках №№ 13—12—13, это позволит нам продвинуть марку Бразилии в квадрат № 12.

Игры Деда Буквоеда

Кто это? Что это?

Авторучка, понедельник, полотенце, трактор, мартышка, сыроежка, лампочка, цепочка, спичка.

Задачу «Внуки Бармалея» все ребята решили правильно.

СПАСИБО! ВСЕМ РЕБЯТАМ, КОТОРЫЕ ПРИСЛАЛИ В «ПАЛАТУ УМА» МОДЕЛИ СЛОНОВ.

Длинноухий наездник

Это что за беспорядки?
Это что за чудеса?
Заяц ездит на лошадке
Через горы и леса.

Дикобраз кричит: «Смотрите!»
И замшелый, старый пень
Обернулся, но увидел
Только скачущую тень.

На ромашке, белой пене,
Светло-серый силуэт.
Ты наездника по тени
Нарисуешь или нет?

ЖИВЖИВКА

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Здесь был штаб революции. Рисунок А. Аземши.

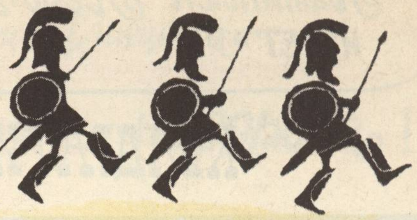
Главный редактор С. А. ФУРИН.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/VIII 1974 г. А 00861. Подписано к печати 1/X 1974 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 2461. Заказ № 2712.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Илья ФОНЯКОВ

Историческая история

Как-то шли три человека,
Три красивых древних грека,
Вдруг навстречу — человек.
— Кто ты, путник?
— Я — ацтек!

Говорят три человека,
Три красивых древних грека:
— Почему, скажи, ацтек,
Ты не в свой забрался век?

Но в ответ он:
— Ах вы, греки,
Это вы — в своем ли веке
И в своей ли вы стране?
Кто из вас ответит мне?

Три красивых древних грека
Рассердились на ацтека,
Говорят ему:— Молчи! —
И схватились за мечи.

Спор кипит уже неделю...
Кто ж виновен в этом деле?
Объясню без лишних слов.
Мальчик Петя Иванов!

Он виновен в беспорядке.
Это он их в путь позвал,
Это он в своей тетрадке
Вместе их нарисовал!

ПОБЕДИТЕЛИ

XIII Всесоюзная спартакиада школьников. Четыре тысячи юных шахматистов съехались в столицу Казахстана — Алма-Ату с надеждой победить.

В шахматных турнирах спартакиады победу одержала дружная команда Ленинграда. На втором месте — москвичи, на третьем — ребята из Грузии.

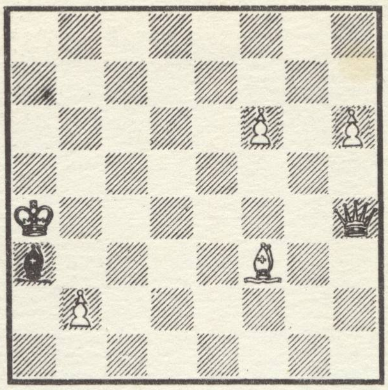
Лучших личных результатов добилась московская школьница **Аня Ахшарумова,** победившая даже международного мастера — тбилисскую школьницу Майю Чибурданидзе. Аня выиграла все партии.

Одиннадцатилетнему **Гаррику Вайнштейну** из Баку, кандидату в мастера, был присужден специальный приз.

КОНКУРС ПЕШКИНА

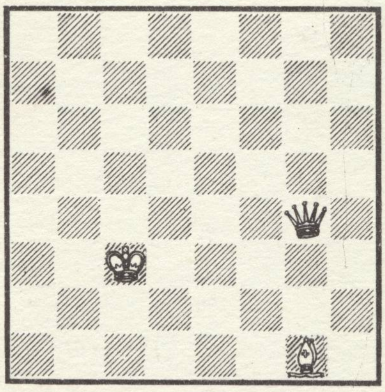
Участником школьных турниров «Белая ладья» Пешкин предлагает учиться стрелять по шахматным мишеням.

Что за странная позиция? На доске нет черного короля... Как же черные будут играть без него?

Предлагаем вам поставить черного короля так, чтобы белые, начиная игру, могли дать ему мат в два хода.

Меткого «стрелка» Пешкин и наградит пятью очками.

На этой диаграмме вообще нет черных. Пешкин предлагает вам три вопроса.

Куда поставить черного короля, чтобы он

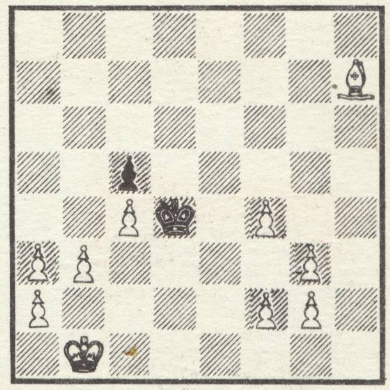
1) был заматован?
2) был запатован?
3) получил мат в один ход?

За правильный ответ на каждый из этих вопросов присуждается пять очков. Ребят, **набравших десять очков,** Пешкин наградит «Грамотами ферзя и ладьи».

ДРУЗЬЯ ПЕШКИНА ИЗ НОВОКУЗНЕЦКА

К Пешкину часто приезжают ребята, любящие шахматы. А однажды мы увидели его разговаривающим с Г. Акуловым, тренером шахматной секции Дворца пионеров имени Н. К. Крупской в городе Новокузнецке. Там проводятся интересные соревнования-конкурсы, ребята изучают теорию.

Ученик 5-го класса школы № 4 **Алеша Васильев** уже второй год занимается в секции. Он увлекается решением замысловатых задач и этюдов. А недавно Алеша и сам стал пробовать свои силы в шахматной композиции.

Это одна из его первых задач. Белые, начиная игру, дают мат в четыре хода.

Ну-ка, решите ее.

ДЕВЯТЬ ЛИДЕРОВ

Наиболее успешно выступили в нашем заочном соревновании **Владислав Никитенко** (Нарва), **Леня Гарматюк** (Таганрог), **Сережа Борисов** (с. Тербуны, Липецкая обл.), **Александр Краев** (с. Шпаковское, Ставропольский край), москвичи — ученик второго класса **Юра Бачелис, Костя Камбаров, Сережа Тамонтьев, Миша Соколов** и ленинградец **Саша Мирлин.**

Этюд из журнала № 4 решается так: 1. Фb8 + С : b8 2. Крb7 Кра5 3. Сg3 Крb5 4. Се1 и т. д.

Мат в три хода (журнал № 6) достигается после 1. Крf6! cd 2. Кре7 dc 3. Кf6 — мат.

В этюде, помещенном в этом же номере, к цели ведет 1. f8K! Крd5 2. Крf6 Кре4 3. Кd7. Белый конь успевает попасть на a4, а конь черных на h8 погибает.

По коллекциям филателистов можно
проследить всю историю нашей страны.
Марки советской республики:
строительство Магнитки, Днепрогэса...
История страны, какой ее представлял
Владимир Ильич Ленин.
Идет время, и вот уже выходят сейчас марки,
на которых автомобильный гигант КамАз,
громада Нурекской ГЭС.
Марка с изображением ордена Трудовой Славы —
им награждают лучших
наших рабочих и колхозников.
Открытка со специальным гашением,
посвященным Семнадцатому съезду комсомола.
Каждый день страны —
это новые радостные события.
Много,
очень много появляется новых марок.
Не пропустите их, коллекционеры!

Цена 25 коп.
Индекс 70694.